

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Гамбургъ и Гамбургъ

ВЪДЪ ЮНІОНА.

Гамбургъ. Сп. Стрелковъ. Частъ II. стр. 156.

ЗАПИСКИ

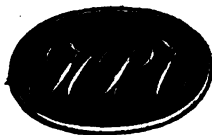
РУССКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА,

А. Глаголева,

съ 1823 по 1827 годъ.

ЧАСТЬ IV.

Парижъ. Лондонъ. Германия.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Россійской Академіи.

1837.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были три экземпляра въ С. Петербургскій Ценсурный Комитетъ.

С. Петербургъ, Апрѣля 17 дня, 1835 года.

Ценсоръ Пётръ Корсаковъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ IV-й ЧАСТИ.

Стран.

ПАРИЖЪ, 1825—1826 года....

Шаткость религии Французовъ. Дѣйствіе Іезуитовъ во Франціи. Пятидесятилѣтній юбилей. Канонизація короля Людовика XVI. Мятежъ въ Парижѣ, по поводу лишенія духовенствомъ почести отпѣванія и погребенія актера Филиппа. Вліяніе Іезуитовъ на публичное воспитаніе1.

ПРОДОЛЖЕНІЕ .

Шаткость правленія Французовъ. Партіи демократическая и аристократическая. Безпокойства въ Парижѣ, по поводу разсужденій въ палатахъ о законѣ наследства. Судъ надъ издателемъ газеты Constitutionnel; торжество оратора Дюпеня..13.

ПРАВЫ ФРАНЦУЗОВЪ.....20.

СОСТОЯНІЕ ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ ПАРИЖѢ

Ученныя общества; учебныя заведенія. Королевскій Луврскій музей; Люксембургская картинная галлерей. Давидъ, основатель новой Французской школы живописи; отличительныя свойства этой школы.....29.

КОРОЛЕВСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

Славянская Библия Острожскаго изданія.....47.

ПРОДОЛЖЕНИЕ.

Кабинетъ медалей и древностей. Хранилище художествъ и ремесль. Публичныя лекціи Гейлюсака, Тенара, Андриё и Дюпеня. Королевскій институтъ или Академія наукъ.....57.

ПОНЯТИЕ ФРАНЦУЗОВЪ О РОССИИ.....69.

ДИОРАМА80.

КАБИНЕТЪ ВОСКОВЫХЪ ФИГУРЪ.....86.

ФРАНЦУЗСКАЯ ТРАГЕДІЯ.

Школы сценическаго искусства: Нѣмецкая, Англійская и Французская, Тальма. Викторъ. Сравненіе Г-жи Дюшенуа съ Г-жею Жоржъ..92.

ФРАНЦУЗСКАЯ КОМЕДІЯ.

Двадцать Марсь. Монрозъ.....109.

БУЛЬВАРНЫЕ И ПРОЧІЕ ПАРИЖСКІЕ ТЕАТРЫ.111.

ПРОДОЛЖЕНИЕ.

Достопримѣчательныя Парижскія церкви: Notre-Dame; Пантеонъ; Св. Сульпицій; Домъ инвалидовъ. Дворцы Тюльерійскій и Луврскій; Палерояль. Частныя дома и улицы Бульвары; переходы (passages). Базаръ. Памятники: конныя статуи Генриха IV и Людовика XIV; Ваудомская колонна. Воспоминанія объ Императорѣ Александрѣ..118.

ВЫПИСКА ИЗЪ ДНЕВНИКА ВЪ ПАРИЖѢ.

Роковая вѣсть о кончинѣ Императора Александра. Жестокіе морозы въ Парижѣ. Карнаваль. Духъ настоящаго судо-

производства во Франціи. Версаль. Севрская фарфоровая фабрика. Гулянье въ Лоншанъ. Испытаніе въ институтѣ глухонемыхъ. Картинная галлерей въ пользу Грековъ. Балетъ: Вулкановы свѣти. Романы Наполеоновскаго гренадера въ Елисейскихъ поляхъ.....138.

ЛОНДОНЪ, 1826 года Июля....

Англійскій таможенный уставъ. Устройство diligencъ и дорогъ. Видъ Лондона. Прогулка по Лондону. Пространство его и населенность. Два противоположныхъ начала въ государственномъ управленіи. Монополія помѣщиковъ. Тщеславіе и скупость богачей. Страсть Англичанъ выказывать себя чужаками. Направлене просвѣщенія въ Англійи. Усиѣихъ въ механическихъ художествахъ. Моды Англійскихъ дамъ, дѣвицъ и мушницъ. Опрятность въ платьѣ, въ содержаніи домовъ и улицъ.....155.

ДОСТОПРИМЪЧАТЕЛЬНОСТИ ЛОНДОНА.

Соборъ Св. Павла. Концерты въ соборѣ. Вестминстерское аббатство. Плата въ церквахъ за мѣста. Крѣпость Тауэръ; кровавая башня; Jewel office. Доки для кораблей. Колонна въ память пожара 1666 года. Памятники Ватерлоской победы. Воксаль. Военные госпитали въ Гринвичъ и Чельсъ.....172.

ВЫПИСКА изъ ДОРОЖНОЙ КНИЖКИ.

Англійскіе Цыгане. Брюссель. Ахентъ: дворецъ Карла Великаго; соборная Минстерская церковь; принадлежности Германской имперіи; святыни. Минеральные источники. Причины упадка Ахена. Кѣльвъ: причины упадка его промышленности. Соборная церковь; мощи трехъ волхвовъ; распятіе Апостола Петра, картина Рубенса. Взглядъ на Рейнъ. Кобленцъ. Майнцъ. Франкфуртъ. Люценское поле; воспоминаніе о сраженіи съ Французами въ 1813 году. Лейпцигъ; воспоминаніе о знаменитой битвѣ 4, 6 и 7 Октября 1813 года.....181.

ДРЕЗДЕНЬ, $\frac{31 \text{ Июля.}}{12 \text{ Августа.}}$

Видъ Дрездена. Внутренность города. Церкви. Палата королевскихъ сокровищъ. Палата Японская; Китайскіе и Дрезденскіе фарфоры. Картинная галлерей 209.

РАФАЭЛЕВА МАДОННА... 218.

БАСТАЙ, *Августа*..... 221.

ДРЕЗДЕНЬ, *Августа*....

Брюлевъ бельведеръ или терраса. Мѣдная Голгофа на мосту. Памятникъ генералу Моро..... 228.

БЕРЛИНЪ, 1826 года, *Августа*.....

Части города. Разряды жителей. Королевскій замокъ. Липовая улица. Бранденбургскія ворота. Публичные памятники. Площадь и улица Императора Александра. Учрежденія для призвннй бѣдныхъ. Благотворительныя общества Еврейскія. Академія наукъ. Академія художествъ. Университетъ и прочія учебныя заведенія. Шарлоттенбургъ: храмъ и мавзолей надъ гробомъ Королевы Луизы. Готическій памятникъ народу и войскамъ на Крейцбергъ. Рыбачій праздникъ въ Стралау. 232.

БРЕСЛАВЛЬ, $\frac{20 \text{ Августа.}}{1 \text{ Сентября}}$ 247.

КРАКОВЪ..... 249.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Сравнительное обозрѣніе состоянія просвѣщенія въ Россіи съ состояніемъ его въ прочихъ государствахъ Европы..... 251.

ПАРИЖЪ, 1825—1826 года....

Шаткость религии Французовъ. Дѣйствіе Іезуитовъ во Франціи.
Пятидесятилѣтній юбилей. Каноизація короля Людовика XVI.
Мятежъ въ Парижѣ, по поводу лишенія духовенствомъ почести отъзванія и погребенія актера Филиппа. Вліяніе Іезуитовъ
на публичное воспитаніе.

Съ высотъ горы Юры послѣдній поклонъ красотахъ Альпійской природы и первое при-
вѣтствіе Франціи, — спранъ, недавно могу-
щественной и спршной, нынѣ смирившей-
ся, но все еще обладающей средствами гос-
подствовать надъ Европою. Она господ-
ствуетъ не силою оружія, сокрушенныхъ
вмѣстѣ съ триумфами Наполеона, — не дипло-
матіею, перемѣнившею свой повелительный
тонъ, и даже не вліяніемъ просвѣщенія и
образованности, а просто всеобщностию
своего языка, изобрѣшательностию своихъ

Часть IV.

1

модь, нарядами и безчисленными игрушками, сдѣлавшимися первою потребностію всего прекраснаго пола Европейскихъ обществъ. Фемиспокль говаривалъ въ шутку о своемъ сынѣ младенцѣ: „Мой сынъ командуешь моею женою, моя жена мною, я Афинами, Афины всѣми народами; слѣдовательно мой сынъ естъ повелитель всѣхъ народовъ.“ Не поже ли можно сказаць и не шупя о Франціи? Она опукала своими цвѣточными цѣпями весь прекрасный полъ Европы; а прекрасному полу покорсвивуешь все: и сила и мужество, и ученость и промышленность, и Циндамъ и Пашонизмъ.

Нѣтъ нужды описывать Доль, Дижонъ, Труа и другіе мелкіе города и мѣстечки, черезъ копорыя пролегаешь дорога Женевская въ Парижъ. Они должны бытъ извѣсны всѣмъ, пакъ называемымъ, особамъ благовоспитаннымъ. Благодареніе гувернерамъ и гувернанткамъ, управляющимъ системою нашего домашняго воспитанія, — географія и исторія Франціи въ нашихъ дѣтскихъ урокахъ очень часно предшешествуютъ Русской

азбукъ и знаніе ихъ почитается болѣе нужнымъ, нежели знаніе закона Божія.

И шакъ, если угодно, я поведу любопытныхъ прямо въ *Парижъ*. Онъ намъ менѣе извѣстенъ, нежели сколько мы воображаемъ; нѣтъ уже того Парижа, котораго мы знали за десять лѣтъ, за пять лѣтъ и даже за годъ; самое усиленное вниманіе не можешь слѣдовать за всѣми его измѣненіями. Съ того времени, какъ въ немъ посажено было древо вольности и пролилась кровь вѣнценоснаго государя, надъ эшимъ городомъ прогремѣлъ судъ небесный: „Буди прясыйся;“ — и онъ прясется и въ религіи и въ правленіи и въ нравахъ. Его скривали блестящія и рассыпающіяся, какъ метеоры; его правители являющіяся и исчезающія, какъ Кипайскія пѣны.

Начнемъ съ *Религіи*. Приготовленное грубымъ суевѣріемъ и деспотизмомъ духовенства, безвѣріе Якобинцевъ въ дни терроризма съ яростію устремилось на всѣ святыни. 3 аббатства и 63 монастыря мужскихъ, 13 аббатствъ и 70 обителей женскихъ, 80 каплицъ и до 60 приходскихъ

церквей въ одномъ только Парижѣ были разрушены или проданы съ публичнаго торга.

Пустота и мракъ, раскрытые безбожіемъ, привели какъ бы въ изумленіе самихъ невѣрующихъ; они посѣщали наполнивъ духовную область существами аллегорическими; посвящали олтари олицетвореннымъ идеямъ вольности, войны, славы и многимъ другимъ. Такимъ образомъ приведено было въ дѣйство изрѣченіе главы ихъ Вольпера: „Если бы не было Бога, надлежало бы изобрѣсти его.“

Опьяненная чадою революціи, Директорія, приходя въ память, нашла нужнымъ прежде всего обнародовать, что она признаетъ бытіе Бога. Это объявленіе, начертанное на фронтонахъ нѣкоторыхъ церквей, оспаривается доселѣ неизглаженнымъ (въ 1825 году); да сохранивъ его время на вѣки, въ урокъ потомству, какъ слѣпа мудрость человѣческая, оставленная собственнымъ своимъ силамъ.

Не извѣстно, по внутреннему ли убѣжденію или по однимъ расчетамъ полишники,

Наполеонъ возстановилъ храмы и богослуженіе католическое; но система умѣренности, принятая имъ въ дѣлахъ религіи, согласовалась съ духомъ вѣка и народа. Она примирила враждующія спороны либераловъ и фанатиковъ, оградила совѣсть народа отъ ихъ посягательствъ и обезпечила внутреннюю пищу государства почти во все продолженіе имперіи.

Бурбоны принесли съ собою вѣру опцевъ своихъ, числную Римскую или папешскую, и поручили завѣдываніе духовными дѣлами и публичнымъ воспитаніемъ ордену Іезуитовъ, еще не утвержденному никакимъ постановленіемъ государственнымъ, но уже успѣвшему распространиться во всѣхъ краяхъ государства и вкраснѣ во всѣ отрасли правленія.

Тонкіе и хитрые въ пѣсномъ кругу дѣйствій, въ сношеніяхъ съ лицами частными и семействами,—Іезуиты показали себя самыми грубыми политиками въ дѣлахъ общественныхъ. Схоластическая, всегда одинакая и съ XVI вѣка ни на шагъ не подвинувшаяся впередъ, метода ихъ воспитанія ебила ихъ

съ полку. Спавя успавъ своего учредителя выше всего, они не дозволяютъ себѣ никакихъ опъ него опспуленій, пребуемыхъ временемъ и обспояпельспвами.

Первымъ опытомъ вмѣшательства ихъ въ управление были духовныя *мисси*, принятыя ими внутри Франціи. Мисси, которыя доселѣ опсправляемы были въ Америку и на воспокъ для обращенія невѣрныхъ, однимъ значеніемъ своимъ изумили Французовъ. Принявъ на себя роль Апостоловъ, Иезуиты, по прибытіи въ какой либо городъ, учреждали въ немъ духовныя процессіи, провозглашали на площадяхъ напыщенныя рѣчи о обращеніи въ нѣдра Апостольской Римской церкви и спавили на площади или на мосту, въ знакъ своего пріумфа, желѣзный позлащенный крестъ, съ означеніемъ года, мѣсяца и числа ихъ проповѣди. Такимъ образомъ они переходили изъ города въ городъ; число новообращенныхъ мало помалу увеличивалось; къ нимъ приспавали простолюдины, женщины и спарики, — всѣ ни холодныя ни теплыя къ вѣрѣ, но имѣвшіе

нужду въ новизнѣ догматовъ для успокоенія своей совѣсти.

Ободренные уснѣхами въ провинціяхъ, Іезуиты перенесли свои дѣйствія въ столицу. Намѣреніе правительсва къ распросраненію эсихъ миссій нимало не предосудительно; оно видѣло, что къ успокоенію спраны, волнуемой легкомысліемъ, своеволіемъ и ложными умспвованіями, не оставалось другаго средспва, кромѣ воспановленія религіи; къ сожалѣнію, избранные имъ дѣлашеля не соотвѣшспвовали его высокимъ видамъ. Сначала въ самомъ Парижѣ Іезуиты были приняты не холодно; но когда, проповѣдуя нищеспу, они спали открыто наполняшъ свои сокровищницы; когда, уча смиренію, сами начали захвапывать бразды правленія и когда въ издаваемыхъ ими книжкахъ спали выставляшъ себя Боговидцами; тогда многіе и изъ послѣдовашелей ихъ замѣнили, что паспыри ихъ носяшъ личину.

Судя по наружнымъ знакамъ набожности, можно подумать, что иныя въ Католической Европѣ послѣ Рима нѣтъ другаго города свяще Парижа, и особенно въ настоящее время, въ продолженіе празднованія *пятидесятилѣтняго юбилея*. На колокольняхъ почти ежедневно праздничный звонъ; на улицахъ крестные ходы; на площадяхъ, занимаемыхъ обыкновенно шарлатанами, раскинуты шатры или подвижныя каплицы, обитыя коврами и бархатомъ для встрѣчи процессій. Процессію составляютъ разные чины духовенства съ хоругвями и крестами, миссіонеры, каноники, викарные епископы и архіепископъ, несущій подъ балдахиномъ Святые дары. За ними слѣдуютъ Король съ принцами и принцессами, по извѣстной ихъ набожности, — придворные чины и около 150 ремесленниковъ и женщинъ. Въ одной изъ такихъ процессій обратила на себя вниманіе молодая пригожая дама, въ прекрасной шляпкѣ, въ модномъ плащѣ, въ богатой шали и, вѣроятно для смиренія души,

съ босыми ногами. Ее сопровождали два гайдука въ блестящей ливреѣ. Оптъ наблюдательнаго взора Парижанъ не укрылось, что смиренница дама имѣеть преѣрасныя маленькія ножки.

По случаю юбилея, обнародованы папскія буллы, дарующія всепрощеніе грѣховъ за самыя малыя пожертвованія, за участвованіе въ нѣсколькихъ процессіяхъ и прочтеніе нѣсколько разъ *Pater noster* и *Ave Maria*; но быстро распространяющійся іезуитизмъ сдѣлалъ всѣхъ столько недовѣрчивыми, что они смотряютъ на самыхъ ревностныхъ католиковъ, какъ на фарисеевъ. Недавно во всѣхъ магазинахъ, въ кошорыхъ продаются эспампы, появились литографированныя изображенія духовной процессіи; всѣ участвующія въ ней лица представлены съ разнунными ршми и въ самыхъ изуродованныхъ, карикатурныхъ положеніяхъ. Вотъ общій отголосокъ о крушыхъ мѣрахъ, принимаемыхъ Іезуитами для обращенія Французовъ въ нѣдра Апостольской церкви.

Не удивительно, что, при такомъ расположеніи духа шакъ холодно былъ принять

священнѣйшій обрядъ канонизаціи или сопричисленія къ лику святыхъ принявшаго мученическій вѣнецъ, короля Людовика XVI. На помѣ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ палъ подъ сѣкирою и гдѣ Благословенный Александръ въ 1814 году съ союзными монархами и войсками приносилъ благодарственныя молишвы Богу силъ, благословившему его оружіе,—тамъ въ послѣдствіи (*) приносилась очистишельная жертва, въ присутствіи короля, государственныхъ сановниковъ, войска и всего Парижа. Я не знаю, гдѣ укрывались и какую бурю мученій испытывали въ это время пережившіе свой позоръ, виновники королевской смерти; но Французы новаго поколѣнія смотрѣли на это торжество, какъ на обрядъ для нихъ чуждый; они не слушали молишвъ, не преклоняли колѣнъ и оставались съ покрытою головою, какъ будтобы кровь вѣчнаго мученика не пала на ихъ опщевъ и на нихъ самихъ.

Иезуиты употребляютъ всѣ усилія къ возстановленію духовнаго управленія среднихъ вѣковъ. Многіе декреты и буллы пап-

(*) Въ Мав 1826 года.

скія приводяпся въ исполненіе епископамъ южныхъ епархій мимо министерства и палаты, которыя однѣ только имѣютъ право по закону давати разрѣшеніе на ихъ обнародованіе. Многія древнія постановленія каноническія, по несообразности ихъ съ духомъ нынѣшняго времени давно уже опричужденныя и забытыя, снова получаютъ свой ходъ и силу. Одно изъ такихъ постановленій лишало умирающихъ актеровъ и актрисъ почести опѣванія ихъ по чину церковному и погребенія на общемъ католическомъ кладбищѣ. Упрямство и непокорность духовенства въ возобновленіи этого правила дали поводъ въ прошедшемъ году къ большому безпокойству и волненіямъ въ столицѣ, по случаю смерти актера Филиппа изъ Труппы Гимназіи Драматической. Лишь только распространилось извѣстіе объ опреченіи священниковъ совершить надъ нимъ погребальныя молитвы, около 100,000 человекъ двинулись съ гробомъ его сперва къ этимъ священнослужителямъ, потомъ въ Тюльерійскій дворецъ къ королю, отъ короля къ министру духовныхъ дѣлъ,

Гермополипскому архіепископу; и, не получивъ ни опъ кого удовлешворенія, рѣшились прибѣгнуть къ самоуправству. Они впоргли силою въ церковь, пробыли въ ней нѣсколько времени съ шѣломъ покойника и попомъ опнесли его на общее кладбище, призывая въ молитвахъ и рѣчахъ своихъ Судію Всевышняго разсудиць ихъ прю и поручая его благоспи душу усопшаго.

При полипикѣ болѣе оспорожной и мѣрахъ менѣе крупныхъ, можно было бы, кажешся, дать совершенно другое направление этому народу, еще не совсѣмъ подавившему, въ себѣ чувствва религіи: но Іезуишпы, подобно неперпѣливымъ врачамъ, хошящъ лечишь слабыхъ больныхъ сильными, опчаянными средствами; они не гнушь, а ломаюшь Францію.

Вліяніе Іезуишповъ на публичное воспитаніе юношештва также съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе усиливается. Почши всѣ учебныя заведенія, среднія и высшія, уже сошпящъ шеперь нодъ вѣденіемъ пашеровъ и управляюшся или членами ихъ общештва или ихъ агентами. Почши всѣ мѣста учи-

пелей и профессоровъ, соединенныя съ хорошими окладами, перешли въ ихъ руки. Многие изъ прежнихъ наславниковъ, не смотря на ихъ преданность правительству и даже на религиозныя правила, удалены отъ ихъ должностей подъ тѣмъ только предлогомъ, что они не исполняли церковныхъ обязанностей въ определенное время и въ определенномъ мѣсцѣ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ.

Шаткость правленія Французовъ. Партия демократическая и аристократическая. Безпокойства въ Парижѣ, по поводу разсужденій въ палатахъ о законѣ наследства. Судъ надъ издателемъ газеты *Constitutionnel*; торжество оратора Дюпена.

Теперь обратимся къ *Правленію*. Въ печеніе придцаши лѣтъ внутреннихъ пере-

воротовъ, Французы пережънили болѣе десяти образцовъ правленія и ни однимъ не удовольствовались. Подобно Лафонпеновымъ искаателямъ форшуны, они рыскали по всему древнему и новому міру, по всѣмъ обласнямъ демократическимъ, дирекшоріальнымъ, консульскимъ, имперскимъ и конспитуціоннымъ; вездѣ искали и спрашивали благоденствія народнаго и доселѣ еще не образумились и не поняли, что истинное благоденствіе находится только тамъ, гдѣ есть порядокъ, подчиненность и чиновначаліе. Французы знаютъ, что пѣло государственное не можетъ существовать безъ головы, но они въ политическомъ умоиспувленіи своемъ воображаютъ, что и ноги способны быть головою. Опъ того все у нихъ идетъ и должно идти вверхъ ногами. Народъ не размышляющій и безразсудный, преслѣдуя одни злоупотребленія въ правленіи, влечетъ за ними тысячу другихъ и, ища Ангеловъ между людьми, самъ первый уподобляется кроваваго жадному звѣрю.

Въ нынѣшнемъ конспитуціонномъ правленіи борятся между собою двѣ партіи:

демократическая и аристократическая. Первую составляют чернь и средній классъ народа; послѣднюю всѣ члены древнихъ возснаноженныхъ фамилій, эмигранты, почешное духовенство и Іезуиты. Папронами демократовъ почитаются оппозиціонные ораторы Палапы депушатовъ; прежде генераль Фуа, прозванный Французскимъ Димосеемомъ, нынѣ Бенжаменъ Констанъ, Себастиани и нѣсколько другихъ. Главою аристократовъ можно назвать графа Виллея, перваго королевскаго министра. Примѣрно, что перевѣсъ блистательныхъ палантовъ почти всегда остается на сторонѣ оппозиціонной; однако нельзя отрицать чести и у графа Виллея, одареннаго умомъ оборотливимъ, характеромъ твердымъ и словомъ лаконическимъ. Сколько разъ шумныя рѣчи оппозиціонныхъ ораторовъ разбивались о его холодную и вѣрную силлогистику, какъ волны о скалу, спящую среди моря!

Въ этой общей свалкѣ трудно отличить справедливость. Генераль Фуа въ одной рѣчи своей произнесъ слѣдующія достопамятныя слова: „Celui qui demande plus

усиленіе высшаго дворянства, какъ главной опоры монархическаго правленія; но эту цѣль поняли. Тысячи адресовъ прошивъ предложеннаго закона присланы были изъ департаментовъ въ Палату представителей; и когда дѣло перешло въ Палату перовъ и назначенъ былъ день для его рѣшенія; то Люксембургскій дворецъ осажденъ былъ 50 тысячами народа. Испуганные перы принуждены были уступить желаніямъ демократовъ; они не утвердили закона—и торжествующая чернь въ обыкновенномъ своемъ пригонѣ, въ кварталѣ Сентъ-Дениса, праздновала въ полночь же вечеръ свою побѣду общою иллюминаціею и жаркою спычкою съ эскадронами жандармовъ, покушавшихся разогнать толпы ея.

Въ прошедшемъ ноябрѣ мѣсяцѣ (1825 года) главный прокуроръ королевскій представилъ Палатѣ юстиціи (Palais de Justice) обвиненіе на издавела газетны Constitutionnel въ его посягательствѣ на религію, на правительствѣ, на нравственность. Важность этихъ пунктовъ, подвергающихъ виновнаго суду уголовному, привлекла вниманіе

обѣихъ партій: аристократической и демократической; первая приготавливала себя къ торжеству, послѣдняя къ оборонѣ. Защитникомъ подсудимаго избранъ былъ извѣстный адвокатъ Дюпень спаршій. Дюпень далъ дѣлу оборотъ совсѣмъ неожиданный; вмѣсто того, чтобы выдерживать нападеніе, онъ самъ повелъ атаку на нападающихъ, сильно и убедительно доказывая, что издатель помянутой газеты восставалъ не противъ религіи, а на Іезуитовъ, не противъ правилъ, а на вмѣшательство паперовъ въ правленіе, не противъ нравственности, а на новыхъ шарлюфовъ, расплѣвающихъ нравы своимъ фарисействомъ. Дюпень говорилъ около трехъ часовъ почти безъ отдыха; рѣчь его исполнена была сильныхъ движеній и колесней; онъ попеременно возбуждалъ въ своихъ слушателяхъ и общій смѣхъ и негодованіе. По окончаніи рѣчи, присяжные судьи объявили издателя газеты оправданнымъ по всѣмъ тремъ пунктамъ. Слово пыстль народа, ожидавшіе съ нетерпѣніемъ развязки, понесли на рукахъ торжествующаго оратора въ его квартиру съ безпрерыв-

ными, насупленными восклицаніями: „Vive Dupin! A bas les Jesuites!“

Можно сказать, что и Иезуиты, какъ бы предчувствуя свою недолговѣчность, спѣшашъ жить и пользоваться выгодами жизни. Почти всѣ богатые приходы и почтеннѣйшія мѣста въ училищахъ заняты членами ихъ ордена; по однимъ духовнымъ завѣщаніямъ отъ спариковъ и женщинъ уже приобрѣтено ими, мимо законныхъ наследниковъ, болѣе милліона наличнаго капитала.

Таинственность, какою они покрываютъ себя, почти непроницаема. Доселѣ неизвѣстны еще ни мѣстопребываніе, ни сословіе ихъ генерала. Прежде приписывали это званіе архіепископу Гермополитскому; нынѣ, когда онъ торжественно опровергнулъ сіе показаніе въ рѣчи, произнесенной имъ въ Палатѣ перовъ, подозрѣнія пали на графа Виллеля, но безъ основанія и, можетъ быть, единственно только по общему нерасположенію къ нему народа.

Во всякомъ случаѣ, при господствующемъ нынѣ духѣ во Франціи, правительству, кажется, оспаривается одно изъ двухъ: или ошибка

*

запѣся опъ покровительствѣ Іезуитамъ,
или пригоповипись къ самымъ неприятнымъ
слѣдствіямъ.

НРАВЫ ФРАНЦУЗОВЪ.

Въ отношеніи нравовъ и нравственности Французовъ мы оспаемся въ такомъ же заблужденіи, въ какомъ Французы относились нашей образованности. Они съ дѣтскимъ просподушіемъ повторають сказку, что Россія еще доселѣ погружена въ грубое невѣжество; мы опъ добраго сердца вѣримъ, что Французы сполько же вѣжливы и любезны, какъ бывали прежде; короче скажемъ: мы думаемъ взаимно думами прошедшаго спольшія, не размышляя, что оно опдѣлено

опшъ насъ цѣлымъ рядомъ эпохъ, поглотившихъ династїи и замѣнившихъ весь образъ Европы.

Вѣжливостъ Французовъ прошедшаго вѣка была опблескомъ двора прежнихъ королей, славившагося утонченностїю вкуса и обращенїемъ. Но когда двора не стало и неистовая чернь присвоила себѣ права самодержавїя; съ того времени свойственныя ей грубостъ, невѣжество и суровостъ бросили тѣнь свою и на прочїя сословія. Было даже время, что вѣжливостъ, признакъ хорошаго воспитанїя, почиалась какъ бы личнымъ оскорбленїемъ величества черни, *lèse-majesté du peuple*.

Наполеонъ хотѣлъ дать другое направленїе правамъ народнымъ, одичавшимъ въ продолженїе владычества терроризма. Онъ старался внушить Французамъ какое-то фантастическое понятїе о личной и національной чести; и хвастовство, обыкновенная болѣзнь душъ мѣлкихъ, едѣвалось общимъ недугомъ Французовъ; и мародеръ и поденьщикъ начали швердить о чести, кою они не имѣли. Въ журналахъ непрерывно

спали повпоряшья насыщенные звуки: „Великой народъ! Великая нація!“ — На шапрѣ, въ роли какого нибудь сержанша, акшеръ, принимая положеніе Кесаря, произноситъ надменно: „Je suis François!“ И самъ Димосеенъ Франціи, генераль Фуа, мужъ съ великими талантами, кричалъ въ принадлежкахъ своего фаншаспическаго патріотизма: „Раздася эхо по землѣ и скажешъ попомощву, кто были Французы!“ — Точно поже дѣлають и профессоры на кафедрахъ и художники въ своихъ произведеніяхъ; всѣ льснютъ великой черни, попомоу что на этой лести основана и слава ихъ и благоденствіе и сущестшованіе.

Почши всѣ путешественники, посѣщавшіе Парижъ, обвиняють гражданъ его въ приспрасіи къ празднои и разсѣянной жизни, къ щегольству и распочительности, къ удовольствіямъ и забавамъ. Какъ споришь противъ полкаго числа свидѣтелей, находя почши на каждомъ шагу подтвержденіе ихъ показаній,—вспрѣчая въ продолженіе цѣлаго дня на всѣхъ площадяхъ, набережныхъ и бульварахъ шолпы зѣвакъ, дви-

жущихся безъ плана и оспанавливающихся безъ цѣли, а передъ наступленіемъ вечера цѣлыя колонны, осаждающія входъ шеапировъ, публичныхъ гуляній, переходовъ (разсагез) и кофейныхъ домовъ. Но принимая на себя роль наблюдателей, не будемъ дѣлать заключеній по одному глазомѣру. Всмотримся ближе въ эти лица съ разинушими ртами, вслушаемся въ звуки ихъ языка; и тогда, къ крайнему нашему удивленію, откроемъ между ними шьму Англичанъ и другихъ иноземцевъ, пріѣзжающихъ сюда для мнимаго успройсхва и сбереженія своей экономіи, и сколько же или еще болѣе иногородцевъ, прибывшихъ въ столицу для коммерческихъ оборотовъ и, какъ водится вездѣ, мѣшающихъ дѣло съ бездѣльемъ. Теперь обойдемъ сады, пассажи, кофейные дома и партеры шеапировъ; и здѣсь встрѣшимъ шѣхъ же иностранцевъ и иногородцевъ, кошорыхъ среднимъ числомъ ежедневно прибываетъ въ Парижъ до 30,000. Если бы и можно было прибавить къ нимъ 10,000 изъ числа позиціонныхъ жителей столицы, убывающихъ время по склонности или по обстоятельству,

въ ожиданіи мѣста по службѣ или работы по подряду; но и въ такомъ случаѣ нельзя было бы сдѣлать по нимъ заключенія о цѣломъ милліонѣ народонаселенія Парижскаго.

Парижъ почищается столицей моды; но моды сославляюшь не столько спросъ, сколько особенную опрасъ промышленности его жителей. Граждане и гражданки обыкновенно одѣваются просто и скромно, заботясь болѣе о приличіяхъ и вкусѣ, нежели о новизнѣ и пышности одежды. Кто же эти первенствующіе жрецы и жрицы вездѣ поклоняемаго идола моды? Это праздношатающіеся непимепры, болѣею частію иноземные, и праздно-распотающія красоту свою нимфы Пале-рояля, оперныхъ переходовъ и Импалинскаго бульвара. Послѣднія сушь живыя вывѣски модныхъ плащевъ, шляпокъ и чепчиковъ; не онѣ одѣваются по моднымъ журналамъ, а модные журналы пользуются ихъ напурою для своихъ карпинокъ. Такимъ образомъ, раскрашенные блондами и лентами ихъ поршрешы развозятся по всей Европѣ и, — совѣсно, но надобно признашься, служашь образцами вкуса и приличій не поль-

ко честнымъ женщинамъ, но и невиннымъ дѣвцамъ.

Почти всѣ путешественники выѣзжаютъ изъ Парижа съ мнѣніемъ о немъ, какъ о развратнѣйшемъ городѣ въ цѣлой Европѣ и о женщинахъ его, какъ о кокеткахъ первой степени. Эпопѣ пунктъ обвиненія такъ важенъ, что мы въ правѣ требоваши опъ обвинителей болѣе ясныхъ и сильныхъ доказательствъ, нежели одно ихъ мнѣніе. Справедливо, что въ Парижѣ вездѣ опворены пуши разврату; однихъ женщинъ, обреченныхъ распутству и состоящихъ подъ вѣдѣніемъ полиціи, считается нынѣ около 30,000; число чрезвычайное, ужасное! Но опкрытый, обнаженный и заклеянный порокъ, поселяющій опвращеніе къ себѣ собственною своею физиономіею, самъ собою переноситъ силу и вліаніе на нравственность семейственную. Опъ него стараются оградити себя каждая женщина, сколько нибудь добросовѣстная; и если не по чувству чести; то по чувству самолюбія, чтобы не быти смѣшанною съ опребіемъ своего пола, поставляется въ необходимость держати

себя прилично и скромно. И вопль что дѣйствительно примѣрно въ Парижѣ въ настоящее время. Можетъ быть самый переломъ нравовъ, послѣдовавшій за революціею, возбуждающею о себѣ самыя ужасныя воспоминанія, много способствовалъ къ улучшенію нравственности здѣшнихъ женщинъ. Коротче скажемъ: Парижанки средняго класса и даже низшаго менѣе даютъ замѣнить свое кокетство, нежели Нѣмки, Италіянки, Испанки и многія другія. Сама камзель Марсъ для ролей кокетокъ уже не находить образцевъ въ настоящемъ обществѣ; и почти всегда невольно впадаетъ въ анахронизмъ, представляя женщинъ прошедшаго вѣка. Между самими служанками уже нѣтъ тѣхъ болтливыхъ, рѣзвыхъ и хитрыхъ, какихъ мы привыкли видѣть во Французской комедіи; нынѣшнія скромницы умѣютъ нескромныхъ мужчинъ держать въ почтительномъ разстояніи.

Я не пишу апологіи Парижанокъ, и зная свойственную имъ вѣтренность, и легкомысліе, не могу даже ручаться за продолжительность ихъ скромности, но представляю

ихъ шакъ, какъ онѣ мнѣ показались въ 1826 году.

Легкомысліе и вѣспренность сунъ наслѣдственныхъ, завѣшныя и родовыя качества Французовъ и Француженокъ; но если бы и въ эпоху отношеніи надобно было найши исключеніе изъ общаго положенія, то я не усумнился бы указать на низшій придворный шпашъ или на служивелей дворца Тюльерійскаго. Вошъ классъ Парижанъ, могущій служить образцемъ спепенности. Они беззаботно пережили всѣ бури революцій и всѣ династіи, ими поглощенные. Они никогда не вмѣшивались и не вмѣшиваются въ политику, выходящую изъ предѣловъ дворца ихъ. Имъ нѣтъ дѣла ни до образа правленія, ни до имени правителей; они убѣждены только въ одномъ, что дворецъ ихъ есть гостиница, правители - гости, а сами они хозяева, обязанные угощать и чествовать всѣхъ гостей, кошорыхъ угодно будетъ націи пославить къ нимъ на постой. Сверхъ того имъ извѣстно, что и консулъ и дикшаторъ и Императоръ и король имѣють нужду въ пищѣ, пиньѣ и шеплѣ, и что - во

всемъ эпохъ нишо не можетъ бытъ удивленворенъ безъ ихъ прислуги; а пощому служители придворные увѣрены, и не безъ основанія, что они только одни самыя необходимыя лица въ государствѣ, а слѣдовательно и самыя пощолныя на своемъ мѣстѣ. Правила придворнаго этикета соблюдающся ими съ строгою опщепливносною; на пр. они съ радушиемъ встрѣчали добраго ихъ короля Людовика XVIII, когда онъ возвратился въ Парижъ послѣ долгаго своего изгнанія; плакали, когда провожали его изъ дворца при побѣгѣ Наполеона съ острова Эльбы, и черезъ нѣсколько часовъ оныи улыбались и изъясляли живѣйшую радость, привѣщивуя самаго Наполеона съ благополучнымъ возвращеніемъ изъ его пущешествія.

СОСТОЯНІЕ ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ ПАРИЖѢ.

Ученныя общества; учебныя заведенія. Королевскій Луврскій музей; Люксембургская картинная галлерей. Давидъ, основатель новой Французской школы живописи; отличительныя свойства этой школы.

Парижъ волшебный городъ. Всѣхъ онъ къ себѣ привлекаетъ; его бранятъ и ненавидятъ и въ поже время хопятъ взглянуть на него; взглянувши насмотрѣшься, узнаешь его ближе и имъ насладишься. Опъ чего такая борьба мнѣній и чувствованій? Опъ того, что Парижъ имѣетъ всѣ средства удовольстворять всѣмъ склонностямъ, прихотямъ причудамъ и вкусамъ. Въ одно и поже время онъ доставляетъ и разсѣянность празднелюбцу и опдыхъ прудолюбивому и заня-

шіе любознапельному. Однимъ словомъ: Парижъ естъ городъ познанія добра и зла. Набросимъ покрывало на его черныя спороны и посмотримъ на одну бѣлую.

Есть много сполницъ, копорыя могутъ соперничеспевать въ просвѣщеніи съ Парижемъ: но ни одна не предспавляетъ сполько удобствъ для любиселей наукъ, искусствъ и художествъ. Въ Лондонѣ, въ Германіи и въ Испалии ученость и эспепическія наслажденія продаются на вѣсъ, по золопникамъ, и самую дорогою цѣною; въ Парижѣ почти все и всѣмъ дается даромъ и сполько, сполько душѣ угодно. Одно исчисленіе здѣшнихъ музеевъ, библіотекъ и учебныхъ заведеній должно изумить наблюдашеля. Вотъ списокъ главнѣйшимъ изъ нихъ: королевскій музей, Люксембургская каршинная галлерей, галлерей Палероальская, библіотешка королевская, Мазаринская, Сенш-Женевьевская, городская, медицинская и королевскаго бошаническаго сада, бошанической садъ, его музей натуральной испоріи и консерваторія художествъ и ремесль. Всѣ они открыты для любопытныхъ во всякое время. *Ученыя обще-*

ства: королевскій институтъ, состоящій изъ четырехъ отдѣленій: математическаго, языка и литературы Французской, исторіи и литературы древней и новыхъ художествъ; астрономическое для измѣренія долготъ, королевское медицинское, Академія или общество поощренія художествъ, общество любителей древностей и многія другія. *Учебныя заведенія публичныя*: университетъ или академія Сорбонская, школа образцовая (normale) или педагогическая, семь королевскихъ коллегій, коллегія Французская и Британская, школа живыхъ восточныхъ языковъ, археологическій классъ въ королевской библіотекѣ, институты глухонемыхъ и слѣпыхъ. *Частныя школы*: политехническая, горная, постройенія мостовъ и шоссе, фармацевтическая, вечерняя; для изящныхъ художествъ: школы живописи, ваянія, зодчества, классъ иконописанія съ натурой предметовъ натуральной исторіи, школы мозаического художества, гравированія на камняхъ, музыки и декламации; для еллинистики школы верховой ѣзды и плаванія; однимъ словомъ: все есть; чего хочешь, того про-

слше. Здѣсь не поспавляетсѣ въ необходи-
мость, какъ въ другихъ справахъ, доволь-
ствовашься нужнымъ; здѣсь можете, и по
часни ученой, имѣшь свои прихоти и пре-
давашься роскоши наслажденій.

Ни времени, ни перпѣтїи не доспанетъ
входить въ разсмотрѣнїе всѣхъ опраслей
учености и воспитанїя; бросимъ бѣглый
взглядъ на одни важнѣйшія учрежденїя, имѣ-
ющїя болѣе дѣятельное влїенїе на общесствен-
ную образованность столицы и народа.

Между ними первенство принадлежитъ ко-
ролевскому *Луврскому музею*. Онъ заключаешъ
въ себѣ 736 спашуй, бюштовъ, гермесовъ,
барельефовъ, камней съ надписями и другихъ
древнихъ памятниконъ, и 1,163 каршинны
и болѣе 4,000 рисунконъ разныхъ школъ. Въ
1815 году, при повальномъ обыскѣ союзныхъ
войскъ, взято отсюда и возвращено въ Испа-
лію, Германїю и Австрію все, что заграб-
лено было Наполеономъ; со всѣми шѣми въ
королевскомъ музеѣ оспаешъ еще множе-
ство аншиковъ и каршиннъ шавихъ, кошо-
ры ставяшъ его на ряду съ первоклассными
музеями Италїанскими. Аншики помѣщаюшся

въ нижнемъ этажѣ стараго Луврскаго дворца: въ одной передней комнатѣ или сѣняхъ (*vestibule*), въ 18 залахъ и 4 аркадахъ, служащихъ входами въ залы.

Въ сѣняхъ достойна особеннаго примѣчанія колоссальная статуя, представляющая *пльнника* изъ сѣверныхъ народовъ, которые въ Римѣ и Греціи извѣстны были подъ общимъ именемъ варваровъ. Костюмъ его, бывшій предметомъ многихъ ученыхъ разсужденій, не похожъ ни на Римскій, ни на Греческій, но имѣетъ разительное сходство съ одеждою Славянскою. Верхняя одежда его не есть Римская туника *colobium*, какъ полагали, а просто рубашка, открытая съ верху до пояса; исподнее платье не передникъ Греческихъ аплетовъ *zota*, а порты; и обувь, называемая учеными *aluta laxior*, есть родъ бахилокъ (лапшей) съ оборками, которыми обвишы наперекрестъ вокругъ широкаго куска полотна или онучей. Полагаютъ, что этою пльникомъ (вѣроятно Славянскій или Сарматскій князь изъ Дакии) украшалъ триумфъ кого либо изъ Римскихъ императоровъ претяго вѣка.

Часть IV.

3

Изъ прочихъ памятниковъ достопримѣчательнѣйшіе суть: извѣстный борець или Боргезскій *Гладиаторъ*, работы Эфесскаго Агазія; нѣкоторыя статуи Римскихъ императоровъ; *Гермесъ*, представляющій Александра Великаго и почитаемый единственнѣйшимъ, оставшимся отъ древности, подлиннымъ поршрешнымъ изображеніемъ сего героя; *группа Центавровъ*, древняя копія съ группы того же имени, найденной въ 1746 году въ виллѣ Адриановой; *группа Тибра*, открытая въ концѣ XV столѣтія вмѣстѣ съ Вапиканскою группою Нила подлѣ *via Lata*, гдѣ былъ храмъ Изиды и Сераписа (онѣ служили украшеніемъ двумъ источникамъ при входѣ этого храма); колоссальная статуя Минервы или *Веллетрійская Паллада*, найденная въ 1797 году въ мѣстечкѣ Веллепри, въ окрестностяхъ Рима, между развалинами древней Римской дачи; колоссальная статуя *Мельпомены*, оставшаяся отъ украшеній театра Помпеева; *Изида* изъ чернаго мрамора, въ Греческомъ стилѣ и съ гіероглифическими письменами (изъ Адриановой виллы); *Психея*, преслѣдуемая Венерою; *Геркулесъ* и *Телефъ*,

колоссальная группа; *Панъ* изъ Греческаго мрамора съ тремя барельефами на пьедесталѣ, — представляющими судъ Париса, генія ночи въ одеждѣ Митры и генія ушра.

Изъ барельефовъ примѣчательнѣйшіе: *мщеніе Медеи*, въ чепырехъ сценахъ со многими фигурами, — обрядъ жертвоприношенія свиньи, овцы и вола *suovetaurilia*, и *жертвогидатель агурехъ*, единственный памятникъ, оставшійся въ этомъ родѣ отъ древности.

Картинная галлеря представляетъ прекрасный картинный проспектъ, простирающійся по набережной Сены отъ Лувра до дворца Тюльерійскаго и оканчивающійся колоннадою изъ 24 столбовъ разныхъ орденовъ. Она включаетъ въ себѣ многія драгоцѣнныя произведенія школъ Италіанской, Фламандской и Французской. Сперва поражаетъ васъ огромная картина *Павла Веронеза* (Веронскаго), представляющая бракъ въ Канѣ Галилейской; въ ней художникъ изобразилъ поршрепы всѣхъ знаменитѣйшихъ современниковъ, въ томъ числѣ императора Карла V и сестру его Елеонору, короля

Французскаго Франциска I съ королевою, королеву Англійскую Марію, Солимана II, султана Турецкаго, и наконецъ себя самаго, играющаго на віолончели, Тинпоретта ему аккомпанирующаго на помѣже инструмен-тѣ и Тиціана, играющаго на басѣ. Далѣе оспанавливаесть на разнообразныхъ произведеніяхъ Французовъ: *Ле Сюера, Лебрюна, Николая Пуссея*; и наконецъ услаждаетъ взоръ и душу изящными произведеніями *Доминикеня, Гвертино, Гвида, Корреджіа, Альбана, брашьевъ Каратти, Тиціана, Макель-Анджела и Рафаеля*. Въ числѣ картинъ Рафаелевыхъ находятсѣ: извѣстный *Архангелъ Михаилъ*, поражающій демона; *сраженіе Святаго Георгія съ дракономъ*; пять святыихъ семействъ, изъ которыхъ лучшія: такъ называемая *La belle jardiniere* и *младенецъ Иисусъ*, подающій руки изъ колыбели и окруженный двумя ангелами, Предтечею младенцемъ и Св. Іосифомъ. Последняя писана Рафаелемъ за два года до его смерти для Французскаго короля, Франциска I. Сверхъ сего пять поршретовъ; въ одномъ изъ нихъ Іоанны Аррагонской, вице-королевы Сицилійской,

голова писана Рафаелемъ, а драпировка Юлиемъ Романомъ: двѣ кисши, рѣзко одна отъ другой оплечающіяся. Изъ Фламандцевъ картины *Гордана*, *Брейгеля*, *Темпера* и *Павла Потера* хороши, какъ и вездѣ; но воздушныя аллегорическія творенія знаменитаго колориста *Рубенса*, не смотря на изящество группировки и сценъ, такъ тяжелы, что неведьно спянушь къ землѣ и къ земнымъ помысламъ.

Люксембургская картинная галлерей, въ недавнемъ времени основанная, предназначена для храненія изящныхъ произведеній живыхъ Французскихъ художниковъ. Она занимательна потому, что даетъ вѣрное понятіе о характерѣ Французской школы и самой націи.

Французская школа живописи раздѣляется на старинную и новую. Старинная, процвѣтавшая во времена Людовика XIV; носитъ на себѣ печать изысканности или многосложности въ изобрѣшеніи, копорая часпо дѣлаетъ ея произведенія сбивчивыми и шемными; новая начинается только съ послѣдняго десятилѣтія прошедшаго вѣка,

вѣстѣ съ *Давидомъ*, почитаемымъ ея главою.

Давидъ, ревностный поборникъ революціи, не имѣлъ ни религіи, ни отечества. Въ дни терроризма онъ участвовалъ въ разрушеніи Парижскихъ храмовъ—и святое вдохновеніе, копорымъ воодушевляли себя всѣ знавшійшіе художники Италіянскіе, никогда не посѣщало его. У него нѣтъ отечества, потому что всѣ прежніе подвиги, совершенные королями и при короляхъ, въ глазахъ его—преступленія. Его жизнь гражданская начинается только съ перваго революціоннаго пожара и оканчивается послѣднею кампаніею генерала Бонапарте въ Италіи. И такъ Давиду, безпріютному сиротѣ политическому, ничего болѣе не оставалось, какъ искать убѣжища въ древнемъ, Греческомъ и Римскомъ, мірѣ. Ошпуда онъ занималъ всѣ мысли для картинъ своихъ и во всѣхъ его картинахъ просвѣчивается не душа чистая и свѣтлая, а духъ мятежный и суровый.

Остановимся передъ лучшими его произведеніями. Вотъ *Погребальный конвой дѣтей Брутовыхъ*, осужденныхъ на смерть самимъ

ощемъ ихъ; лихшоры несутъ шло пресупниковъ между колоннадою; Брушь, сидя въ курульскихъ креслахъ, бросаетъ изъ подлобья суровый взглядъ; споящая подлѣ кресель сшанулъ Рима осъняетъ его своею шъню: мысль — геніальная и высокан, но, къ сожалѣнню, происпекаетъ изъ нечяснаго испочника; въ ней скрыпы и непржириная ненависть художника къ царямъ и безумная его преданность демокраціи. Вопшь другая его картина: *Фермопилы*. Вся дружина Лакедемонская приходишь въ движеніе, при появленіи Персовъ на вершинѣ горы; одни изъ воиновъ спъшатъ одъвашся въ броню, другіе разводяшь на жершвенникѣ огонь: а на переднемъ планѣ сидишь вождь Леонидъ, погруженный въ глубокое мечпаніе. Среди эшаго мечпанія въ глазахъ его загорѣлась великая мысль: умереть на мѣстѣ бишвы со всѣми храбрыми. Эша картина съ недавняго времени привлекаетъ на себя особенное вниманіе Парижанъ; пошому что Тальма вѣрио копируетъ главнаго ея героя въ одной изъ сценъ, представляемой имъ нынѣ съ блиспа-

пельнымъ торжествомъ,) новой прагедіи:
Леонидъ.

Третья картина Давидова *Сраженіе Сабиняно съ Римлянами* за похищеніе послѣдними дѣвъ Сабинскихъ. Это не рашное поле и не свалка враждебныхъ войскъ, а просто фехтовальное училище съ учениками, на первомъ планѣ копораго изображены вмѣсто вождей два фехтовальные мастера, выпадающіе одинъ противъ другаго по всѣмъ правиламъ своего искусства.

Четвертая картина, всѣмъ извѣстная, *клятва Гораціевъ*. Кто не восхищался ихъ величавыми головами, дышущими негодованіемъ? Но на своихъ ли шуловищахъ эти головы? Что значатъ эти при руки, вышянутыя какъ бы по шнуру, съ премо мечами, опущенными внизъ какъ бы по ватерпасу? И что значатъ эти ноги, раздвинутыя разъ въ разъ, какъ бы по командѣ? Нѣтъ, это не Римскіе граждане простыхъ патриархальныхъ временъ, а Гораціи Французскіе, шапиральные.

Въ Люксембургской галереѣ дорого также цѣнятся картины *Жиродетовы*: сцена

изъ попопа, мятежь въ Каирѣ, сонъ Эндимиона и похороны Ашшлы; извѣстнаго художника Гро Францискъ I и Карлъ V въ церкви Сентъ-Дениса; *Дроллинговъ* Орфей; *Резуалево* Карлъ V съ эшампскою Герцогинею, которой онъ дарилъ свое кольцо; *Горація Вернета* поражение Мамелюковъ при Каирѣ; нѣсколько картинъ Петра и Павлина *Геренсво*, *Ришара*, *Кудера*, *Мейньера* и двѣицы *Леско* (Lescot); но, исключая Гро и Горація Вернета, всѣ прочія болѣе или менѣе подчинены одной манерѣ, спиллю и духу.

Вообще въ произведеніяхъ новой Французской школы отражаются: 1) *анпикность*. Способъ учить рисованію по анпикамъ, есть самый точный и вѣрный; но для него въ художнической жизни долженъ быть опредѣленный періодъ. Полезно знать анапомію пѣла во всѣхъ ея подробностяхъ, но привязаться къ ней навсегда значить основать свою славу на скелетахъ; и отъ сего-то соблазна немногіе Французскіе художники умѣютъ предостерегать себя. По мнѣнію моему, анапомію пѣла можно сравнить съ аналишикою краснорѣчія, преподаваемою въ

решорикахъ. Аналитика приучаетъ умъ къ правильному, послѣдовательному и силлогическому порядку мыслей; но горе тому оратору, который и на каедрѣ, передъ собраніемъ народнымъ, будетъ подчинять не періоды и силлогизмы своему воображенію и чувствамъ, а свое воображеніе и чувства періодамъ и силлогизмамъ.

2) *Театральность.* Французскіе художники, посѣщая театры, ловятъ всѣ граціозныя и величавыя положенія актрисъ и актеровъ. Отъ того такъ часто встрѣчаются въ ихъ произведеніяхъ или манеры Марсь, Дюшенуа и Жоржъ или Тальма и, что того несомнѣе, плечистый и мускулистый Лафонъ. Тальма сдѣлался идоломъ живописи; его вы встрѣтите даже и въ картинахъ церковныхъ. Въ церкви Сентъ-Дениса одна картина представляетъ гоненіе Нерона на Христіанъ; но на протѣ Римскомъ посаженъ Тальма, точно съ тою же фізіономіею, какую онъ беретъ въ роли сего императора въ трагедіи Британникъ, — съ тѣми же движеніями, прическою и драпировкою.

3) Французскіе художники, представляя высокое, почти всегда дѣлаются напыщенными; а изображая граціозное, почти всегда впадаютъ въ манерное, копируемое ими съ балетныхъ позвъ Большой оперы. Это общій порокъ Французовъ; они думаютъ, что высокое не можешь обойтися безъ подставки, а граціозное безъ прикрасъ. Надобно ожидать, не сдѣлаешь ли какого переворота нынѣшній профессоръ исторической живописи въ академіи художествъ г. Гро, который получилъ классическое воспитаніе въ Испаніи и непрерывно твердишь ученикамъ своимъ о простотѣ.

4) Въ художественныхъ произведеніяхъ, заимствующихъ содержаніе изъ національной исторіи, у Французовъ очень часто выказывается хвастовство, и хвастовство нелѣзное, ребяческое. Изъ безчисленныхъ примѣровъ я укажу здѣсь только на одну новую картину, привлекающую нынѣ на выставкѣ толпы зѣвакъ. Сцена происходитъ въ Россіи зимою, во время бѣгства Французской арміи. Одинъ, опшавшій какимъ-то образомъ гренадеръ, въ гвардейскомъ мундирѣ

(а это было вѣроятно при 20 градусахъ мороза), наступившій былъ большимъ опрядомъ козаковъ. Не теряя нисколько присупствія духа, онъ прикрылъ свой аррьергардъ случившимся шупъ деревяннымъ заборомъ и положивъ ружье на прикладъ, спалъ гордо одинъ противъ тысячей. Козаки начали вокругъ его маневрированъ и не смѣя напасшь на него опкрыто, послали нѣсколько десятковъ пѣшихъ за заборъ, чшобы схватить или убить его, если можно въ располхъ. „А? Каковы наши гренадеры?“ сказалъ случившійся при этой каршинѣ одинъ знакомый инѣ Французъ. — Да, опвѣчалъ я, эта каршина ни чѣмъ не успунитъ нашей лубочной, предспавляющей Французскихъ мародеровъ въ Русской креспьянской избѣ. Мародеры, присупивъ, какъ говорится, съ ножемъ въ горлу креспьянки, кричали, чшобы она подала все, чшо у ней есть. „Кормильцы мои!“ опвѣчала испуганная баба; „да у меня уже все взято вашею же брашнєю Французами; опспалась только одна коза.“ „Козакъ!“ повшорили въ одинъ голосъ мародеры—и душа у нихъ ушла въ пшпки и давай Богъ ноги.

„Ну, это сказка,“ возразилъ мнѣ Французъ. Нѣтъ, отвѣчалъ я, истинная была, подшверждаемая даже вашимъ соотечественникомъ, графомъ Сегюромъ въ его испоріи кампаніи 1812 года. Прочтите по мѣсто, гдѣ онъ описываетъ шревогу, происшедшую однажды на ночлегѣ старой гвардіи и оспапковъ арміи, во время побѣга ихъ изъ Россіи. Одинъ гвардеецъ, говоритъ онъ, идя по улицѣ мѣспечка, гдѣ былъ ночлегъ, закричалъ во все горло, назвавъ по имени своего поварища: *Гонзакъ*; другимъ послышалось: *козакъ*, и это страшное слово перелепало изъ уха въ уха; въ одну минушу все пришло въ смяшеніе; ударили шревогу и солдаты, не смотря на голодъ, холодъ и усшалость, бѣжали къ сборному мѣспу, спроились во фруншъ; самъ Наполеонъ выбѣжалъ опрометью изъ кварширы; и хопя вскорѣ узнана была истинная причина шревоги, однако солдаты, генералы и вождь долго еще не могли опомнишься онъ испуга.

„Bon! bon! примолвилъ Французъ, улыбаясь; вы добрый папріопшъ.“

Къ сожалѣнію, подумалъ я, мы, при всеѣмъ нашемъ патріотизмѣ, слишкомъ равнодушны къ славѣ нашихъ соотечественниковъ; и между тѣмъ какъ прочіе народы прибѣгають даже къ вымысламъ, чѣмъ поддерживають общій духъ національнаго самолюбія, мы не заботимся о собираніи и обнародованіи истинныхъ анекдотовъ, которыми столь богата эпоха нашей опечеченной войны. На пр. кому извѣстенъ опличный, чрезвычайный подвигъ нашего шпабсъ-рошмистра *Цикляева*, отважившагося съ пятнадцатью только гусарами напасть на сильный конвой Французскій на берегу Западной Двины и принудившаго новымъ, холоднымъ оружіемъ, одними нагайками, сдать въ плѣнъ 220 Французовъ (*) и со всеѣмъ ихъ обозомъ? Воспѣтъ ли эпохъ подвигъ нашими пѣвнами поэтами? Разсказанъ ли хотя однимъ журналистомъ? И по крайней мѣрѣ говорятъ ли о Цикляевѣ хотя въ гостинныхъ? Прой-

(*) Подробности маневровъ нашего героя въ этомъ дѣлѣ истинно по пѣтнческія и героическія, достойныя вниманія нашихъ художниковъ и писателей.

денъ еще нѣсколько времени—и мы сами, если время не сбережешь официальныхъ актовъ, будемъ считать эту чудесную быль за сказку.

КОРОЛЕВСКАЯ БИБЛИОТЕКА.

Славянская Библия Острожскаго изданія.

Королевская библиотека находится въ улицѣ Ришельё, не далеко отъ Палероялл. Она заключаетъ въ себѣ 800,000 помовъ печатныхъ книгъ, 72,000 рукописей, 5000 гравюръ и одно изъ богатѣйшихъ собраній анпиковъ и медалей. Первое основаніе ей предначертано еще въ XIII столѣтіи Святымъ Людовикомъ, положившимъ, подобно нашему В. К.

Ярославу, въ Святой каплицѣ (въ палатѣ юспиціи) для общаго употребленія Священное Писаніе и книги Святыхъ отцевъ.

Королевская библіотека замѣчательна не мѣстностію и числомъ книгъ, а благороднымъ и полезнымъ ихъ назначеніемъ. Въ другихъ споліцахъ не охотно пускають въ публичныя библіотеки, чшобы не порпншь лакированныхъ половъ; не ходяшь въ шкапы, что бы не спирашь ихъ позолоты; не дають въ руки книгъ, чшобы не помяшь ихъ роскошныхъ переплетовъ; короче сказашь, къ эпимъ библіотекамъ можно примѣнншь Русскую прнпчу: „Споишь человекъ въ водѣ по горло; хочешъ пншь, а напншься не можешъ.“ Въ Королевской библіотекѣ совсѣмъ напронивъ; зданіе ея снаружн похоже болѣе на шюрму, нежели на домъ; внупри полы вешіе, шкапы некрасивые, переплеты невзрачныя: за шо лѣспннца широкая и оплогая; входъ для публики опкрышь два раза въ недѣлю, а для любителей чпенія ежедневно; къ услугамъ ихъ гошопы и кресла за длиннымъ споломъ и черннльница и бумага; пребыванія удовлетворяюпся

безъ опговорокъ и безъ малѣйшаго замедленія. Услужливость библіошкарей въ этомъ отношеніи въ полномъ смыслѣ Французская.

Здѣсь не ломають головъ надъ соспавленіемъ системашическихъ кашалоговъ, какъ водится у Нѣмцевъ; но и по спарымъ схолашическимъ системамъ все опыскивають съ удивительною скоростію. Я хотѣлъ однажды испытать библіошкаря на самомъ пруднѣйшемъ для Француза пункшѣ, спросивъ у него Славянской библіи самаго спараго изданія.

„Мы имѣемъ библію перваго Оспрожскаго изданія,“ опвѣчалъ библіошкаръ и съ эпимъ словомъ, прися своими сѣдинами, полешѣлъ по лѣспнищѣ подъ пополокъ, схватилъ огромную книгу и, спусхьясь шѣмъ же полешомъ, подалъ мнѣ ее съ видомъ удовольствія.

И вопъ передо мною: „Библіа сирѣчь „книгы вешкаго и новаго завѣша по языку „Словенску. 1581.“

Для сличенія съ библіями Оспрожскаго изданія, находящимися въ нашихъ библіошкаряхъ, я сѣмалъ слѣдующія выписки.

Часть IV.

4

Зрѣ сія знаменія княжите славнаго,
Ихъ же съдръжнѣть домъ его отъ вѣка давнаго.
И разумѣй яко нестуне и не безъ причины,
О чемъ властивы и ширинъ зновѣсть ты кто нинѣй,
Но яко достоинъ дѣлатель своелъ заплаты,
Не щадяще здравія пивоея утраты.
Крѣпко побѣждаеъ различныхъ съюсостать полки,
И разгоняеъ съ короны драпежины волки.
И еще можетъ
Аще Бъ поможетъ.

Послѣ двухъ спрофъ гербъ Московскій
и на другой половинѣ воинъ на конѣ съ
поднянымъ мечемъ; далѣ слѣдующъ еще
три спрофы, вошь первая:

Возсіяла звезда ясно отъ востока,
Послѣдуя провомъ възвѣщенной отъ пророка.
И приводитъ отъ пресиды трехъ царей съ дары,
Поклонитися съ вѣрою Царевнѣ надъ цары.
Твоя звезда нинѣ тому же послѣдуетъ Царевнѣ.
Хотя всѣхъ створити жителя раевнѣ.
И убываетъ луна ветхаго завѣта,
Сялетъ бо соизще неприступнаго свѣта.
Внемъ же ходя непоткнется,
Но паче спасется.

Слѣдуетъ молишва на Греческомъ и Сла-
вянскомъ въ двухъ сполбцахъ.

Θεε πατερ παντοκρατωρ, Боже Опче вседержише-
λωνиε, αναρχε και παντο- лю. Превѣчный, безна-
δυναε. чальный и всесильный.

Въ этой молитвѣ Князь Острожскій проситъ Бога исправить книгу своимъ благоволеніемъ и дѣйствомъ Пресвятаго Духа.

Помощь обращеніе къ народу Русскому.

• „Вамъ же о Христѣ избранномъ прежде вѣкъ, по предувѣдомленію вѣчнаго Бога, въ народъ Русскомъ сыномъ церкви воспочнымъ и пр. Азъ Констаншинъ, нареченный во святомъ крещеніи Василіе. Благодашю Божию Княжа Оспрозское, воевода Кіевскіи Мрашалокъ земли Волинское и прочаа. Еже вамъ нынѣ повсюду предлагаемое зрится, книги обоего завѣша, глаголемыя Греческимъ языкомъ Библіа, вся порядку напечатана, въ Богоспасаемомъ и домоначальномъ градѣ моемъ Оспрозѣ, въ земли Волинской. Вѣшпо отъ созданія міра, ~~здѣ~~, отъ въплоченія же отъ Духа Свяша и Маріи Дѣвы вочеловѣченія Христа Спаса нашего, ~~дѣ~~ мѣсяца Августа ѿ дня.

*

Изъ предисловія.

Обаче ни дѣла зачати ниже дѣлашелей еже шворипи на сіе изобрѣшохомъ. Ибо и книгъ глаголемыхъ вивліа, възводъ сего дѣла начальшвомъ не имѣхомъ. Дабы нашему изволенію къ начальству сего сѣдѣнія въ всемъ была доволна. Но и въ всѣхъ справахъ роду нашего языка Словенскаго, ниже една обрѣшеса свершена въ всѣхъ книгахъ вепхаго завѣпа. Токмо опъ благочеспива, и въ православіи изрядно сіяшельна Государя, и великаго Князя, Іоанна Васильевича Московскаго, и прочая. Богоизбраннымъ мужемъ, Михаиломъ Гарабурдою, писаремъ Великаго Княжества Липовскаго. Съ прилѣжнымъ моленіемъ испрошеную, сподобихомся пріяши съврѣшеную библию. З Греческа языка, седмьдесятъ и деѣма преводники, множае цяпи сошь лѣшь на Словенскіи преведеную еще за великаго Владимера, вреспившаго землю Рускую.

Въ градъ крѣпокъ невозможно виписи, развѣ врашы и въ дворъ овчій недоспоишъ

входиши, покмо дверьми. Такъ и всякъ хотий вниши въ сей градъ Царя великаго, и въ дворъ овецъ Паспыря небснаго, Боже-спивеннаго писанія, подобаетъ входиши искусно съ пщаніемъ. Въземше ключъ совѣспи съ вѣрою, сквозъ двери, сего преславнаго възвѣщенія. Да явишя гражданинъ небсній. и овца знающа гласъ паспыря своего.

Инакоже входящихъ, вѣждъ како именуешь писаніе.

Ибо училища николи же видѣхъ, но понеже людіе молчашъ, каменіе вопиши понудися.

Сія превосходная сказанія, и дво спрочное съгласіе, многогрѣшнымъ Герасимомъ Даниловичемъ съспавлено бѣ.

.....
Отъ блаженна бо корене благій прозлбе плодъ,

Тако бо благословися отъ Бога православный родъ.

Прежде бо Великій Владимиръ крещеніемъ просвѣтилъ,

Всю землю Рускую Богоразуменіемъ освѣтилъ.

И слава послы избранны да увѣдятъ явъ,

Въ коел церкви уставы къ Божіей слави.

Зразуміють достойны сихъ послѣдовати,
И на лѣта вѣчныи потомству подати.
Они яко искусни пригѣжно внимали,
И Богоразумно увидѣвши пославшему дали.
Вѣсточныи церкви яко днѣви начало,
И дѣствы Богоподобными изрядно сіяло.
Западныи же церкви яко начало пощи,
И поразумѣли древо по его овощи.
Нынѣ же Константиѣ Острожское Княжа,
Егоже бѣ самъ избра яко вѣрна стража.
Праотцевъ своихъ изволенію православныи вѣры,
Внембоя показали Божественныи дары.
Намѣже преславно явися всемирная радость,
Всесвѣтлыхъ писаніи неизглаголанная сладость.
Владимерь бо свои народокрещеніемъ просвѣтили,
Константиѣ же Богоразуміа писаніемъ освѣтили.
Тогда многобожіе упразднися и идольскія лести,
Нынѣ же славится божество единой власти.
Ерославъ зиданіемъ церковнымъ Кіевъ и Черниговъ украси,
Константиѣ же едину соборную церковь писаніемъ взвыси.
Болюше о семъ недоумію иже дръзаю писати,
Ини бо о семъ множае могутъ и лучше сказати.
Паче же Польска кропика, и рускіи лѣтописецъ,
Свидѣтельствуютъ домъ сей яко побѣдоносецъ.
Являшеся преславно отъ начала даже и донынѣ,
Видимыхъ врагъ и невидимыхъ низлагать грѣдынѣ.

„Всесильный и неизрѣченный Боже въ
прехъ соспавехъ оупъ всея швари поклоняе-
мый и славимый. Ты еси всякая благоспи

начало и вина, поспѣшеніе же и совершеніе. Благоволилъ еси убо православному Князю въ умѣ сіе приати, да мнѣ многогрѣшному и зѣло недостойному повелишь божественное слово швое всѣмъ повсюду писиѣніемъ печатнымъ предложиши. Тѣмже убо азъ аще и недостойна, и шимѣніемъ грѣха одержима, свѣдѣй себе. Повинухся повеленію, надѣясь щедрошамъ швоимъ вѣргохся въ пучину неизслѣдимую божешпвеннаго и всесвѣшлаго писанія швоего, купно съ споспѣшники и единомысленники моими. Якоже нынѣ швоимъ челоувѣколюбіемъ въ приспанище съвершенія dospигохомъ. Душа колѣна преклоняюще, и главами нашими въ землю ударяюще, съ слезами радости славимъ и перевозносимъ швое шрисвятое и прехвальное имя, ошца и сына и свяшаго духа. Всѣмже повсюду православнымъ христіаномъ, господіемъ, братіи и другомъ, раболѣпно мешаніе до лица земнаго умилено съспворяю. Опъ усердіяже души прилежно молю, аще приключися нѣкое согрѣшеніе, прощайше; сами же сподоблшеса опъ богато давца болшихъ духовныхъ дарованій, исправляйше. Въдуще,

яко господиъ винограду сего приѣмлетъ послѣдняго яко и перваго, и оупъ единомадесяше часа дѣлавашаго, яко и шягопу вседневнаго вара понесшаго.“

„Сущіяже богоприятныя и душеспасительныя книги вепхаго и новаго завѣша, напечаташася мною грѣшнымъ Іоанномъ Феодоровымъ сыномъ Змосквы, въ богохранимомъ градѣ Оспрозѣ влѣпо оупъ созданія міра 7089, оупъ воплощенія же Бога и Спаса нашего Іисуса Христа 1581, мѣсяца Августа 12 дня.“

ПРОДОЛЖЕНИЕ.

Кабинетъ медалей и древностей. Хранящія художествъ и ремеслъ. Публичныя лекціи Гейлюсака, Тенага, Андрю и Дювеля. Королевскій институтъ или Академія наукъ.

При королевской библиотекѣ находилъсь богатый кабинетъ медалей и древностей, составившійся большею частію изъ кабинета графа Кейлюса, навѣснаго анжикварія. Здѣсь можно видѣть скрижали или таблицы Изидины, Египетскій манускриптъ на папирѣ, щиты Аннибала и Сципіона и драгоценное собраніе идоловъ разныхъ народовъ и 80,000 медалей, подробно описанныхъ Г. Міоннепомъ. О щитахъ Аннибала и Сципіона были между учеными споры; нѣкопорые, какъ я уже замѣнилъ, называютъ ихъ просто Римскими соусниками. И дѣйствительно, для чего мѣшались съ дѣломъ шарла-

панство? Для чего шакъ далеко возводишь ихъ родословную, когда испорія ихъ покрыта мракомъ и когда досповѣрно извѣстно только то, что они находились прежде во владѣніи частнаго Базельскаго гражданина.

Хранилище художествъ и ремеслъ (Conservatoire des arts et métiers), огромное зданіе, находится въ улицѣ Сентъ-Мартина, подлѣ воровъ и бульвара сего же имени. Въ этомъ зданіи, въ сѣняхъ и залахъ систематически расположены всякаго рода домашнія утвари, машины и орудія, употребляемыя въ ремеслахъ и художествахъ, начиная отъ плуга до аероспашовъ. Здѣсь собраны разнаго происхожденія Французскіе, Швейцарскіе и Нѣмецкіе дома, разныя модели всѣхъ извѣстныхъ машинъ съ начала ихъ изобрѣшенія до усовершенствованія и наконецъ образчики всѣхъ издѣлій, существующихъ нынѣ во Франціи фабрикъ и заводовъ, съ означеніемъ мѣста фабрики, имени фабриканта и цѣны каждому издѣлію. Для распространенія круга дѣйствій этого учрежденія, открыты въ немъ уроки рисованія и описательной геометріи и практическое ученіе разнымъ

ремесламъ. Ученики принимаются, по пред-
ставленію меровъ и съ разрѣшенія министра
внутришнихъ дѣлъ. Для публики открыто
хранилище художествъ и ремеселъ по вос-
кресеньямъ и чешвергамъ, а для иностран-
цевъ сверхъ того по вторникамъ и пятни-
цамъ.

Публичныя лекціи преподаются въ уни-
верситетѣ, въ коллегіяхъ и въ Париж-
скомъ Апенее, но въ послѣднемъ не иначе,
какъ съ платою въ годъ 120 франковъ. Для
входа въ университетъ нужно только имѣть
билетъ изъ университетскаго правленія. Въ
продолженіе нынѣшняго академическаго кур-
са гг. *Вильменю* и *Гизо* запрещено читать,
и оспаривать изъ извѣстнѣйшихъ профессо-
ровъ только *Тенардъ* и *Гейлюсакъ*. Чтобы
имѣть удовольствіе слушать ихъ лекціи,
надобно прийти, точно какъ во Француз-
скій театръ, по крайней мѣрѣ часомъ рань-
ше и занять мѣсто въ хвостѣ, à la queue.
Этимъ пехническимъ выраженіемъ назы-
вается длинная цѣпь посѣтителей, начинаю-
щаяся двумя первыми подлѣ самаго входа и
извивающаяся также по два въ рядъ по

всему двору или по улицѣ. Никшо не смѣешь прервашь ее и спашь выше хвоста, если не хочешь бышь выгнанъ общимъ голосомъ, а въ случаѣ ослушанія, и силою. Это обыкновеніе устраняешь всѣ безпорядки, случающіеся опъ пѣснопы при входѣ, и дѣлаешь почти совсѣмъ излишнимъ присущствіе полиціи, даже и при пешахрахъ.

Публичныя аудиторіи устроены въ родѣ полукруглыхъ и крумыхъ амфишешапровъ, шакъ чшо лавки, начинаясь опъ авансены и слѣдуя одна за другою, восходящъ почти до самаго пошолка. Лавки безъ столовъ и безъ нумеровъ и занимающъ слушашелями произвольно, гдѣ кто успѣешь. На полу круглой площадки, ошающейся между самою нижнею лавкою и переднею спѣбною, находипся шакже полукруглая, широкая и на нѣсколько спупеней поднятая авансена. На ней спавипся каедра профессорская, длинный столъ для опышовъ и разныя машины.

Аудиторія Гейлюсака и Тенара, могущая вмѣстипшь до 1500 человекъ, всегда бываешь бипкомъ набища. Первый чпшаешь физику,

последній химію. Слушатели вспрѣчаютъ и проежаютъ ихъ громкими рукоплесканіями. Гейлюсакъ чашаешь скромно, какъ наспоудцій профессоръ; онъ даже просилъ слушателей своихъ не аплодировать ему, давая знать, что если они присвоиваютъ себѣ это право, то найдутся и такіе, которые почтутъ себя въ правѣ обвиспывать; а последнее, само собою разумѣется, неприяно будетъ для профессора. Тенаръ преподаетъ химію просто, ясно и съ блескомъ, въ полномъ значеніи сего слова; пошому что онъ окруженъ бываетъ почти всегда разноцвѣтными газовыми огнями, какъ бы маленькимъ фейерверкомъ. Онъ примѣшиваетъ къ своимъ урокамъ оспропы и прибаушки, хотя вниманіе слушателей къ нему столь велико, что онъ и совсѣмъ не имѣетъ нужды въ подобныхъ прикрасахъ. Гейлюсакъ и Тенаръ преподають свои уроки изустно, стоя и очень часто запивая сахарною водою; опыты ихъ идутъ всегда удачно. Они дають по двѣ лекціи въ недѣлю, каждую по полупора часа; и получаютъ жалованья въ годъ, одинъ около 30,000, другой около 40,000 франковъ.

Преемникъ Лагарпа и Делиля, профессоръ словесности въ Королевской Французской коллегіи (Collége Royal de France), *Андріе*, за преклонностію лѣтъ, читаетъ очень рѣдко, и не иначе, какъ по предварительномъ объявленіи о томъ особою афишкою. Недавно объявлено было, что онъ даетъ лекцію о лучшемъ способѣ учить и учиться краснорѣчію. Слава заслуженнаго профессора привлекла въ его аудиторію въ назначенное время множество слушателей и слушательницъ. Какъ скоро онъ появился, громкія рукоплесканія раздались и продолжались съ минутою во всей залѣ. Андріе, едва движущійся спарецъ, въ полномъ смыслѣ есть развалина прошедшаго столѣтія, съ свойственными тому времени системою, методою и образомъ мыслей. По его мнѣнію, лучшій способъ учить и учиться краснорѣчію состоитъ въ выборѣ лучшихъ руководствъ по сей часпи и въ ревностномъ, неутомимомъ занятіи симъ искусствомъ. Это и справедливо; но лучшихъ руководствъ насчитано было имъ слишкомъ много; и между прочимъ опнесены къ нимъ даже и такія, ко-

споры заданы были схоластиками, по жѣрѣ образованности и разумѣнія ихъ вѣка. Въ заключеніе онъ привелъ длинный, страницы въ двѣ цитатъ изъ Institutiones oratoriae Квинтилиана, не смотря на то, что большая часть слушателей и всѣ вообще дамы не понимали ни слова по Латыни. Андріе почти совсѣмъ безъ голоса; онъ читалъ попопомъ; но въ залѣ такое было глубокое молчаніе, что ни одно слово не могло бытъ проронено. Сухость предмета своего онъ умѣлъ скрасить приличными и весьма забавными оспродами и анекдотами. Вообще, при всей сухлости своей, онъ сохранялъ еще живость и веселость,—такія качества, которыя и на кафедрѣ дѣлаютъ его пріятнымъ и любезнымъ.

Извѣстный своими спатиспическими выкладками младшій Дюпень, братъ адвоката и оратора, недавно послѣ долговременной своей болѣзни, открылъ свой курсъ въ Консерваторіи или ремесленномъ магазинѣ вступительною лекціею о необходимости геометріи въ ремеслахъ и художествахъ. Слабость голоса и моношон-

ность самой лекціи, которую г. Дюпенъ читалъ сидя и по шепрадкѣ, усыпили большую часть слушателей. Въ заключеніе, пошмпрѣвъ на часы, онъ сказалъ: „Я исчи-„слилъ бо ремесль и художесшвъ, имѣющихъ „нужду въ геомешрим; оспаешся еще споль-„бо же, но часы кончились (и вѣрояшно вся-„кой подумалъ про себя: слава Богу, что кончились); попомъ, повышая поспепенно голось, и какъ бы желая разбудить всѣхъ слушателей, ударилъ крѣпко кулакомъ по шолу и прокричалъ извѣспную выходку генерала Фуа: „Раздаспся эхо по земль и ска-„жешъ попомспву, какой великой былъ на-„родъ Французы и пр...“ Съ послѣдними его словами слились громкія рукоплесканія и общія восклицанія: „браво! браво!“

Между шѣмъ какъ профессоры прибѣгають къ подобнымъ шешпральнымъ средспвамъ для поддержанія вниманія и благоволенія къ себѣ слушателей, *Королевскій институтъ* или академія наукъ идешь своею камениспною и шерниспною дорогою, нимало не заботясь подчищать себя своенравному вкусу легкомысленной публики. Королевскій

Институтъ состоитъ изъ четырехъ факультетовъ или отдѣленій: 1) математическаго, 2) языка и литературы Французской, 3) исторіи и литературы Древней и 4) изящныхъ искусствъ. Каждое отдѣленіе имѣетъ свои обыкновенныя засѣданія одинъ разъ въ недѣлю и однажды въ годъ собраніе торжественное. Въ одномъ изъ такихъ засѣданій я былъ свидѣтелемъ чтенія весьма любопытной статьи нашего соотечественника г. Остроградскаго (нынѣ действительнаго члена Императорской Санктпетербургской Академіи Наукъ). Онъ возражалъ въ ней вдругъ противъ теоріи всѣхъ знаменитѣйшихъ Парижскихъ математиковъ. Какъ не математикъ, я не могу ничего сказать о важности этой полемиической статьи; но судя, по впечатлѣнію, произведенному ею на академиковъ, надобно полагать, что она очень щекотала самолюбіе Французское. И действительно, можно ли слушать равнодушно, чтобы молодой человекъ и притомъ еще Русскій, и слѣдовательно Славянинъ или Сарматъ, разру-

шалъ однимъ почеркомъ своего пера всѣ под-
мопки славы спариковъ, и при томъ еще
Французовъ. Опъ того, во время чтенія,
вниманіе ихъ было хотя вынужденное, но
глубокое; а, по окончаніи чтенія, они всѣ
минушы съ двѣ сидѣла, какъ бы оглушенные
ударомъ грома; и вѣроятно не скоро бы вы-
шли изъ своего зашруднишельнаго положе-
нія, если бы одному опважному члену не
пришла мысль соспавишь комитетъ для
внимательнаго разсмотрѣнія всѣхъ доводовъ,
изложенныхъ въ полемикѣ. Послѣдствія оп-
чепливости этого комитета мнѣ неиз-
вѣсны.

9 Февраля н. с. было публичное собраніе
академіи, по случаю принятія въ члены ея
дюка Монморанси. Въ рѣчи, прознесенной
имъ въ этомъ собраніи, достойно замѣчанія
слѣдующее прекрасное мѣсто, напоминающее
о благотвореніяхъ нашего Александра:
„Ce qu' Alexandre a donné en exemples aux
„trônes, en paix et en repos au monde, en gé-
„nérosité, en desinteressement, en services à
„la France, — la poésie, l'éloquence et l'histoire
„le rendront à sa memoire en eloges, en recon-

„naissance, en immortalité!“ „Что Александръ даровалъ пронамъ своими примѣрами, — міру ушверженіемъ въ немъ пшщины и спокойствія, — Франціи своимъ великодушіемъ, безкорыстіемъ и пожертвованіями; за все это поэзія, краснорѣчіе и исторія воздадутъ Егюпамъ похвалами, признапельностію, безмершіемъ.“ Это сказалъ иностранецъ о Государѣ, уже умершемъ, кошорому онъ не имѣлъ нужды льспинь и живому; — сказалъ мужъ, возбуждавшій общее къ себѣ уваженіе свшностію своей жмзни и уже спюявшій самъ на краю могилы, гдѣ можно говоришь одну шолько ишину; дюкъ Монморанси, бывшій воспиташелемъ юнаго герцога Беррійскаго, окончилъ жизнь свою 24 Марта (въ Капюлическую спраспную пшшницу) въ при часа по полудни, черезъ нѣсколько минушь по возвращеніи изъ церкви.

24 Апрѣля было торжественное собраніе Королевскаго инспшшупа. Не смюпри на цвѣпъ общеспва, состоявшаго большею частію изъ дамъ и свѣпскихъ людей, академики чшпали самыя сухія и скучныя сочиненія; какъ шо разсужденіе о *народонаселеніи дрез-*

яго *Рима*, — разсужденіе о причинахъ распро-
страненія искусствъ, наполненное общими мѣ-
стами, тысячу разъ повшоренными въ ты-
сячѣ книгахъ. Къ этому Кювье присовоку-
пилъ свои извѣстія о новыхъ химическихъ
открытіяхъ и Суметь опривокъ изъ своей
позмы: *Іоанна д'Аркѣ*. Последнее стихотворе-
ніе, хопя и неопличное, было настоящею
прохладишельною росою посреди знойныхъ
степей. Не знаю чему болѣе удивляюсь: са-
молюбію ли Парижскихъ ученыхъ, желаю-
щихъ выказывашь свою ученость споль не
умѣшно и безвременно, или перпѣнію пуб-
лики и въ особенноти дамъ, добровольно
подвергающихъ себя ученой пылкѣ въ про-
долженіе чепырехъ часовъ. Мнѣ кажется,
къ этому и изъ мужчинъ немногіе способны.
Одинъ изъ Англичанъ, еще посреди упоми-
наемаго мною чтенія, вспавъ съ спула и
сказавъ почти въ слухъ ломанымъ языкомъ:
sauve qui peut, бросился къ дверямъ; но въ
дверяхъ и въ сѣняхъ такая была давка, что
не было никакой возможности спашься; и
гордый лордъ долженъ былъ сдатьсь на ка-
пишуляцію академіи.

ПОНЯТИЕ ФРАНЦУЗОВЪ О РОССИИ.

Невѣдѣніе или, полнѣе сказать, невѣжество западныхъ Европейцевъ, въ отношеніи Россіи, превосходитъ всякое вѣроятіе. Какъ будто бы она новая часть свѣта, только что открытая и ни въ простиранствѣ неизмѣренная, ни въ состояніи климата неопредѣленная. Древній географъ Птоломей думалъ, что меопическія болота (Азовское море) простирались въ глубь сѣвера до самаго полюса; въ этихъ понятіяхъ не далѣе подвинулись впередъ и Европейцы нашего вѣка. Когда получено было въ Женевѣ извѣстіе о наводненіи Петербурга 7 Ноября 1824 года; то одинъ гражданинъ, впрочемъ довольно образованный, прибѣжалъ къ намъ захывав-

шись, спрашивая, далеко ли отъ Пестербурга Полшава; онъ боялся, чтобы сынъ его, жившій въ то время въ Полшавѣ, не пострадалъ отъ этого наводненія или чтобы и совсѣмъ не попопулъ. Одна Швейцарка, живущая гдѣ-то въ Россіи, уведомляла въ прошедшемъ году родныхъ своихъ, что она не можешь писать къ нимъ за неимѣніемъ въ Россіи чернилъ; и въ слѣдъ за симъ отправленъ въ Россію новый родъ *илпорта*, вѣроятно не предусмотрѣнный и въ шарифѣ: добрая кубышка Швейцарскихъ чернилъ! Мы признавались нѣсколько Парижанъ со всею ихъ опкровенностію, какъ они въ первые дни кантонированія нашихъ козаковъ въ 1814 году на Елисейскихъ поляхъ, боялись къ нимъ приблизиться, починая ихъ людодѣдами, и какъ послѣ, познакомившись съ ними короче, удивились, найдя ихъ такими же людьми, какъ и всѣ прочіе, и припомъ еще съ чувствами гражданскими, патриотическими и религіозными.

„Правда ли, что у васъ бываетъ такой жестокой холодъ, что вы принуждены шопить улицы?“

„Изъ какого матеріала дѣлаются маски, копорыя вы носите зимою для предохраненія лица отъ спужи?“

„Какимъ вы языкомъ говорите, Ташарскимъ или Греческимъ? Греческимъ или Нѣмецкимъ?“

„Вѣдь вы ѣздите на оленяхъ и на собакахъ?“

На эти и подобные вопросы не знаешь, какъ отвѣчать, чтобы не привесни въ замѣшательство самихъ спрашивающихъ. Нѣкоторые изъ нихъ даже обижаются насмолцки вашими отвѣсами, думая, что вы надѣваетесь надъ ихъ легковѣремъ.

Къ невѣжеству присоединяется злословіе. Европа не можетъ смолпрѣть равнодушно на могущество Россіи, споль быспро возрастающей, и не будучи въ силахъ осмолвить подвиги сего юнаго Геркулеса, преслѣдуетъ его клеветою. Не удивительно, что клеветуютъ Россію тѣ, которые никогда ее не видали; это значитъ сполько бросать звуки безъ смысла на вѣшеръ, — слабостъ, спойспвенная сполько же многимъ двуногимъ, сполько и извѣспной породы четверо-

ногимъ. Не удивительно и празднословіе шѣхъ, копорые видѣли Россію, жили въ ней и несли службу частную или общеспвенную; все это еще естественнo, пошому что слуги рѣдко бывають благодарны господамъ своимъ. Но служивъ въ Россіи, бывъ одинъ разъ уже выгнану изъ нея за буйство, описавъ ей сочиненіемъ нелѣпаго и огромнаго пасквиля и послѣ всего этого имѣль безспыдство просивъ о принятіи его снова въ Русскую службу, какъ сдѣлалъ Французъ Масонъ, вопъ это удивительно. Сказываютъ, что вмѣсто отвѣта на его просьбу посланъ изъ Россіи къ нему экземпляръ его пасквиля.

Если не болѣе, то и не менѣе его, услужилъ Россіи одинъ Нѣмецъ,—(а Нѣмцы, извѣстно, большіе пріятели Россіи) сочинилъ книги о Московскомъ пожарѣ: *les Desastres de Moscou*, недавно изданной имъ на языкѣ Французскомъ. Изъ предисловія его видно, что онъ служилъ въ Россіи до тѣхъ и дослужился полковничьяго чина и пошомъ, какъ примѣшно, бѣжалъ изъ Москвы съ Наполеоновою арміею, а слѣдовательно и не

съ чистію совѣстію. Господи Нѣмецъ нападаесть не только на лица и на сословія, но и на все Русское: на Русскую землю и небо, на всѣ Русскія спихи и даже на Русскія добродѣтели и доблести. Онъ говоритъ, что не патріотизмъ вооружилъ Русскихъ въ 1812 году противъ Французовъ, что Рускіе не способны къ такому возвышенному чувству и что ими управляло простое: *одно грубое чувство, un sentiment brutal!*... Г. Нѣмецъ не поставилъ своего имени на книгѣ; вѣроятно намѣренъ снова всплывать въ Русскую службу.

По источникамъ, изъ которыхъ почерпаются подобныя знанія иностранцевъ и въ особенности Французовъ, можно судить и о прочихъ ихъ свѣдѣніяхъ спашистическихъ, историческихъ и филологическихъ объ Россіи. Самъ Наполеонъ, на счетъ ея былъ сблизъ съ полку довѣріемъ своимъ къ посланнику Коленкуру и какому-то Французскому доктору, долго жившему въ Россіи, но, какъ водится со всѣми иностранцами, не знавшему ни языка ея, ни духа народнаго, ни положенія, ни климата.

По часпи исторической (не говорю о мѣлкихъ, а упомяну только о знапнѣйшихъ писателяхъ), извѣстный продолжатель знаменитаго разсужденія Боссюепова о всеобщей исторіи, въ спашѣ объ Россіи, пишеть, что Русскіе говорятъ языкомъ Греческимъ, который будпо бы они заимспвовали опъ Грековъ вмѣстѣ съ крещеніемъ, а крещеніе приняло при Царѣ Владимірѣ въ XV столѣтіи. Надобно замѣшпшь, что эшо говоритъ членъ Королевскаго инспшпшуша, многихъ академій и множесшва ученыхъ общесшвъ, котораго ученыя пишпа занимають всю первую спраницу его книги.

Эшого недовольно; авторъ новой книги, вышедшей въ прошедшемъ году подъ пишпуломъ: *проэктъ соединенія церквей Восточной и Западной*, выказываетъ еще большую глубину мудроспи исторической. Прежде всего онъ разсуждаеть о томъ, что никогда не было споль благопріятнаго времени для соединенія означенныхъ церквей, какъ нынѣ, когда одной воли Императора Александра, какъ главы Восточной церкви, досташпочно для шого, чтобы подчинилъ ее папѣ. Далѣе

авторъ увѣряеть, что Россія до XV вѣка исповѣдовада Римскую Католическую вѣру, что въ XV вѣкѣ Конспаннинопольскій Пашриархъ Фотій (ш. е. Фотій, который жилъ въ IX вѣкѣ и при которомъ послѣдовало раздѣленіе церквей) послалъ одного изъ своихъ Епископовъ въ Липву для обращенія Липовцевъ въ Греческую вѣру, но, не успѣвъ въ своемъ посольствѣ, отправился въ Москву къ Царю Ивану Васильевичу и убѣдилъ его присоединиться со всею Россіею къ Восточной церкви!

По выходѣ въ свѣтъ проэкта соединенія церквей, я думалъ, что Французскіе ученые изобличають невѣжество автора; но, къ крайнему моему удивленію, его бредни повторены были по крайней мѣрѣ въ пяти, если не въ десяти, журналахъ, безъ всякихъ измѣненій и замѣчаній, и наконецъ почто въ томъ же видѣ внесены и въ новую книгу: Жизнь Императора Александра, — вышедшую немедленно послѣ Его смерти. Невольнымъ образомъ подумаешь, что на все Французское просвѣщеніе нашла гуслая Египетская пшма!—

Послѣ всего этого должно ли удивляться, если какой нибудь Французскій журналъ или книга назовешъ какого нибудь нашего липерашурнаго Ерему Оомою, а Оому Еремою или и совсѣмъ ничѣмъ. Недавно наши патріотки княжны Р.... очень основательно доказывали одному здѣшнему профессору, что Русская поэзія въ комедіи и трагедіи уступаетъ Французской, въ апологѣ съ нею равняется, а въ лиричѣ превосходитъ ее. Но когда онѣ наименовали Державина и начали изображать его живыми красками, профессоръ вспыхнулъ и, поперявъ все приличіе, имѣлъ смѣлость сказать: „Прошу извинить меня, княжны; я худо вѣрю въ вашего Державина и увѣренъ, что въ исторіи вашей липерашуры не только нѣтъ и не бывало поэта съ такими достоинствами, но и съ этимъ именемъ.“ Княжны нашли нужнымъ предоставить рѣшеніе этого вопроса прешейскому суду, избравъ судьей меня; но я, при всѣхъ моихъ усиліяхъ могъ только колебать, а не уничтожить упорство профессора.

Къ счастью, вскорѣ послѣ этого спора случай доставилъ мнѣ орудіе пропивъ Француза собственное же Французское. Однажды, проходя подъ аркадою Палерояля, я увидѣлъ на одной колоннѣ огромную на красномъ листѣ афишку, печатанную липерами по крайней мѣрѣ въ вершокъ величиною. Эпо было объявленіе объ опикрытіи уроковъ языковъ Французскаго и Польскаго, космографіи и машемашики. Желаящіе пользоваться этими уроками приглашались для полученія билетовъ къ г. Маріи Де ла Френе (Marie de la Fresnaye), въ Масонской улицѣ, въ № 17 го-спинницы Мира. Нѣсколько ниже въ той же афишкѣ припечатано: „Тамъ же одинъ изъ профессоровъ по понедѣльникамъ и чешвергамъ въ 6 часовъ вечера будетъ безъ всякой платы объяснять оды *Пиндара*, *Горация* и знаменитаго *Державина*. „Des lectures gratuites, soit d'une ode de Pindare, d'Horace ou du „fameux Derjavinn; le tout traduit librement en „vers Français dithyrambiques. “*Ηλιος πάνσι λαμπει.*“ и. е. Солнце свѣтитъ для всѣхъ. Глаза мои разгорѣлись на эпошъ красный листъ; я никогда во всю жизнь мою не присволялъ себѣ

чужой собственности; даже и будучи въ школь, ничего не похищаль у моихъ товарищей, ни чернилъ, ни пера, хопя самъ очень часно спрадалъ опъ ихъ набѣговъ: но теперь, во чшобы ни спало, рѣшился завладѣль краснымъ листомъ, не шолько какъ орудіемъ для опмищенія профессору за оскорбленіе нашего національнаго самолюбія, но и какъ памятникомъ, присуждающимъ нашему барду право лирическаго пріумвирашства на парнасѣ, на ряду съ двумя первыми лириками древности. Я выждалъ минуту, пока толпы проходящихъ пережились, сорвалъ красный листъ и скрылся изъ Палерояля опрометью, безъ оглядки.

Въ послѣдствіи времени я нашель случай познакомиться съ эшимъ безсребреннымъ профессоромъ Марією Де ла Френе; эшо человекъ пожилыхъ лѣтъ, спрастный любитель древнихъ и новыхъ геніевъ поэзіи. Онъ издалъ на Французскомъ языкѣ переводъ одъ Пиндара и Горация и подражаніе одъ *Богъ Державина*. Послѣдней онъ далъ форму драматическую, назвавъ ее *Oratorio Psalmique, ou Hymne à Dieu, imitée du grand*

Poëte Russe Derjavinn. Сочинишель имѣлъ фантазію предсавишь въ своей орапоріи одно папріархальное семейство, воспѣвающее славу, могущество и благоспѣ Творца своего. Дѣйствующія ихъ лица: 1) le bisaïeul (прадѣдъ), 2) l'aïeul (дѣдъ), 3) опецъ, 4) его супруга, 5) его сынъ, 6) юная дочь и 7) дѣвственница шешка. Конецъ гимна поется всѣми хоромъ.

Надобно признахся, что въ эпохѣ орапоріи нѣтъ и шѣни Державина, но Французскій поэтъ въ предисловіи къ орапоріи, не скрываетъ и самъ своего ничтожества предъ Русскимъ бардомъ. Въ немъ по крайней мѣрѣ похвально самоопроверженіе его, и желаніе рѣдкое во Французѣ, заплашишь должную дань удивленія великому генію, безъ отношеній къ его языку и націи.

ДИОРАМА.

Съ распространеніемъ въ новѣйшія времена круга свѣдѣній физическихъ и въ особенности оптики, перспективная живопись оказываетъ успѣхи исполинскіе, невозможныя. За важными открытіями слѣдуютъ другія важнѣйшія; отъ любопытства переходить къ удивленію, отъ удивленія къ очарованію. Искусство раскрашивать, спавишь и освѣщать шептральные декораціи и панораму, превратило точки и линіи въ пространство, перпендикулярную плоскость въ горизонтальную, положило въ атмосферу, въ воду и въ землю съ распростирающимися по нимъ облаками, зданіями и растеніями. Оставалось дать этой жертвовой природѣ движеніе и жизнь; перспектива и оптика

своими чарами и заклинаніями совершили и сіе послѣднее чудо.

Диорама помѣщается подлѣ Храмоваго бульвара въ каменномъ зданіи, имѣющемъ деревянный куполь. Поднявшись по оплогой лѣстницѣ во второй этажъ, вы входите въ темный амфитеатръ, приближаешься къ окну, открывшему въ передней стѣнѣ, и не успѣли еще осмотрѣться, какъ уже перенесены какимъ то волшебнымъ духомъ подъ знойное небо Испаніи, сливающееся съ небомъ Африки. Этого искушающій духъ поспавилъ васъ на одной изъ огромныхъ башенъ, оставшихся отъ Мавровъ, и раскрылъ передъ вами новую землю съ тысячами прелесней. Тамъ вѣнчались Пуншалесъ, Корсадура, островъ Леонъ, мысъ Трокадеро и Порто-Реаль; тамъ цѣпь горъ Сьерры де Рода и холмы, усѣянные монастырями; на концѣ горизонта Кадиксъ, Гибралтаръ и флотъ Французскій; здѣсь гавань Сентъ-Марія, окруженная войсками и народомъ, собравшимися для встрѣчи короля. Онъ только что сошелъ съ корабля и держитъ за руку королеву; его привѣтствуютъ гер-

цогъ Ангулемскій и Французскіе генералы; духовенство, въ церковномъ облаченіи, преложило передъ нимъ колѣна.

Между тѣмъ какъ зритель, развлекаемый тысячами предметовъ, приковалъ взоръ свой къ ихъ прелестямъ, онъ и не примѣнилъ, что густое облако, которымъ подернута была западная часть горизонта, уже повисла надъ гаванью. Заливъ моря началъ рябѣть отъ падающихъ капель дождя; вы слышите ихъ шорохъ; онъ постепенно усиливается, шумитъ и поспешенно запирается.

Солнце проглянуло снова; уже вы начинаете вливать въ себя растворенный прохладю воздухъ, какъ вдругъ раздается глухой подземный ударъ; башня и окрестности колеблются; прелестные виды убѣгаютъ; вы уносите со съмъ амфитеатромъ; спускается густой мракъ и передъ вами мелькаютъ однѣ только тѣни великихъ волшебниковъ искусства: Рафаеля, Тиціана, Рубенса, Рембрандта.

Черезъ минуточку открывается ночная сцена въ Единбургѣ. Играющій вами волшебный духъ теперь носавилъ васъ въ замкъ Го-

лирудсколѣ, посреди развалинъ монастыря, основаннаго въ 1128 году королемъ Давидомъ. Съ правой стороны видны оспашки колоннъ Готической каплицы, въ которой долгое время хранились гробовые склепы королей Шотландскихъ и въ которой несчастная Марія Стюартъ два'раза сочелась бракомъ. На переднемъ планѣ, на одной, повидимому недавно сооруженной, гробницѣ шеплился лампада; передъ гробницею стоишь блѣдная прекрасная дѣвушка съ распущенными по плечамъ волосами, съ поникшею головою и съ сложенными на груди руками. Съ лѣвой стороны подлѣ спѣны примѣпны какіе-то бѣловашные призраки; ихъ нельзя различить во мракѣ. Небо покрыто спонкими облаками, но восточная часть его какъ бы освѣщена восходящею луною; и въ самомъ дѣлѣ, черезъ четверть часа луна начала подниматься надъ спѣною и слабыя лучи ея, скользя черезъ монастырскія воропа, освѣтили еще нѣсколько древнихъ гробницъ. Вокругъ васъ царствуетъ мершвая, ничѣмъ непрерываемая тишина; вдругъ раздастся тихій голось флейшы, сполько же печальный

и меланхолическій, какъ ваша душа ; голосъ приближается , играетъ за стѣною , снова удаляется и умираетъ. Это, можетъ быть, запоздалый поселянинъ , повѣряющій ночи чувства своего сердца.

Вообще въ діорамахъ какъ неподвижные предметы, такъ и феномены природы представляюща съ такою живописію, что производимый ими оптическій обманъ составляетъ задачу для самихъ искусныхъ художниковъ. Г. Гро откровенно въ академіи признался, что онъ не понимаетъ и половины пайнъ, употребленныхъ въ этомъ изобрѣненіи. Одинъ изъ зрителей, не хотя вѣрять, чтобы стоящая передъ гробницею дѣвушка была рисованная, а не живая, и желая опровергнуть подлогъ и вывести всѣхъ изъ заблужденій, (разумеется, это былъ Англичанинъ), бросилъ въ нее апельсинъ и, къ крайнему своему изумленію, увидѣлъ, что и дѣвушка и монашеры съ гробницами и небо съ луною, — все вдругъ зашрясло; однимъ словомъ: весь холстъ, на копоромъ изображены были эти предметы и копорый ви-

съмъ опть зришелей польбо на нѣскольбо локтей.

Діорама изобрѣшена очень недавно художниками *Бутонолибъ* и *Пагерролибъ* (Pagnette). Если бы однимъ или двумя сполѣшїями они жили раньше, то безъ сомнѣнїя признаны были бы волшебниками и заплашили бы за шо жизнь; нынѣ, благодареніе просвѣщенію, — вмѣстѣ съ данію удивленїя, щедро плапятъ имъ и денежную дань. Увѣрають, что видъ развалинъ Голирудскаго замка уже купленъ въ Англіи, и вѣрояшно со всѣмъ секретомъ освѣщенїя, за 60,000 франковъ.

КАБИНЕТЪ ВОСКОВЫХЪ ФИГУРЪ.

Кто не зналъ въ Москвѣ Француза Л... , жившаго въ ней за нѣсколько лѣтъ передъ сямъ? Когда онъ оставилъ Францію, какъ прибылъ въ Россію, кто и что онъ пакоевъ, объ этомъ ни кому не было извѣстно, да и спрашивать объ этомъ почтается у насъ неприличнымъ. Какъ для Француза, для него доспапочно было одной ловкой манеры войши и поклониться, чтобы привлечь на себя вниманіе высшаго класса публики и приобрѣсть себѣ право на занятіе должности наставника и гувернера въ одномъ изъ лучшихъ Московскихъ пансіоновъ.

Въ фізіономіи, чувстввахъ и словахъ Л. было множество прошиворѣчій и спранныстей. Онъ имѣлъ ошь роду около 30 лѣтъ,

но всегда выдавалъ себя за двадцатилѣтняго; онъ былъ веселаго нрава, но часто опъ веселости вдругъ переходилъ къ глубокой меланхоліи, среди которой нахмуренныя бѣлыя брови опѣнялись облакомъ какихъ-то воспоминаній, примѣтно превозжившихъ его сердце. Въ припадкахъ этой меланхоліи иногда большіе глаза его выкапывались какъ бы до половины и лице подергивалось страшными судорогами.

Мнѣ случилось однажды слышать, что Л..., еще до прибытія въ Москву, занималъ мѣсто гувернера въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній въ Россіи и что за безпокойный нравъ свой и за возмущеніе учениковъ прошивъ своего начальства, былъ удаленъ опъ должности, но что выжишь его изъ казеннаго дома не иначе могли, какъ съ помощію полиціи, которая вынуждена была побросать его пожизки на улицу. Всѣ эти подробности я слышалъ опъ весьма достоверной особы, но я ихъ никому не сообщалъ, зная напередъ, что такого рода слухи были бы приняты за слепни и приписаны неблагонамѣренности и даже необразованности

пѣхъ, которые ихъ разсѣваютъ. По крайней мѣрѣ такъ принимается у насъ усердіе всякаго паппріюша, желающаго предостеречь Русскихъ дѣшей отъ заразы какого нибудь пришельца и прошлеца.

Мусье Л.... пробылъ въ Москвѣ не болѣе двухъ лѣтъ и выбылъ совсѣмъ неожиданно, воспользовавшись случаемъ бытъ спутникомъ одной замужней Француженки мадамъ О...., отправлявшейся во Францію только на время и безъ мужа, для свиданія съ своими родственниками. Не нужно напоминать, какое искреннее сожалѣніе оспавилъ онъ о себѣ между родителами, почтавшими поперю безцѣннаго наставника ничѣмъ невозвратимую.

По прибытіи моемъ въ Парижъ, нашъ Москвичъ А. А. І. увѣдомилъ меня, что мусье Л.... находится въ Парижѣ, но что онъ, при самомъ первомъ свиданіи съ нимъ, въ одномъ собраніи молодыхъ людей, опведя его въ спорону, съ безпокойствомъ просилъ не называть его прежнимъ именемъ Л...., а новымъ О..., и. е. именемъ той дамы, которую онъ сопровождалъ

изъ Москвы. Мы посмѣялись надъ эпою его забобливостию и не думали ничему иному приписать ее, какъ одной шолько Французской въпрелости, нашедшей новое имя болѣе благозвучнымъ, нежели прежнее.

Однажды, прогуливаясь по бульварамъ съ А. А., мы захопѣли видѣть кабинетъ восковыхъ фигуръ. Орашоръ кабинета прежде всего показалъ намъ конференцію Вѣнскаго конгресса, поражающую чрезвычайнымъ сходствомъ поршреповъ и коспиомовъ; потомъ объяснялъ значеніе другихъ группъ; потомъ, остановясь передъ грудною фигурою, держащею въ правой рукѣ опсѣченную и окровавленную руку, продолжалъ: „эпо „зодѣй Л....., кошорый опрубилъ руку у „своей мапери...“ При этомъ имени, — оно было поже самое, подъ кошорымъ извѣстенъ намъ былъ упомянутый гувернеръ, — и при разительномъ сходствѣ съ нимъ эпой фигуры, — мы вздрогнули и по невольному движению взглянули другъ на друга и схватились руками. Дрожь пробѣжала по всему моему тѣлу; я уже не могъ слушать со вниманіемъ всѣхъ подробностей сказа и за-

помню только то, что мать, — добрая, но слабая женщина, пожертвовала послѣднимъ своимъ достояніемъ для воспитанія сына, надѣясь найти въ немъ опору и утѣшеніе своей старости, но что сынъ, войдя въ совершенный возрастъ, предался разврату и съ каждымъ днемъ дѣлалъ ей новыя и большія огорченія, и что однажды, когда онъ по обыкновенію своему возвратился домой слишкомъ поздно и въ пьяномъ видѣ и мать начала выговаривать ему и напоминать о своихъ жертвованіяхъ, — онъ схватилъ шопоръ и закричалъ въ изступленіи: „О! Я уже наскучилъ своею моралью; „въ чорту же эта рука, которая на бѣду „меня поила, кормила и нячила!“

Лучше избавишь десятыя преступниковъ отъ заслуженнаго ими позора, нежели предашь суду одну невинную жертву: я всегда благоговѣлъ передъ этимъ закономъ. Я готовъ утѣшать себя мыслию, что и пождешво имени и сходство порпрета изверга Л.... съ извѣстнымъ намъ лицомъ еше одна только игра случая; готовъ скорѣе предполагать, что первый могъ быть толь-

ко ближайшимъ родшвенникомъ и даже брашомъ послѣдняго: но если эпо еспъ одно и поже лице; если эши припадки ипохондріи и судорожныя движенія были опголоскомъ спрашнаго внушршняго судіи — совѣспи; если онъ принялъ имя мужа или сына оболъщенной имъ женщины для того, чшобы зацшипшсь имъ опъ преслѣдованій закона; однимъ словомъ: если эпо чудовище, найдя случай избавишсь опъ плахи, укрывалось въ Россіи подъ одеждою кропкаго паспыря агицевъ, для того полько, чшобы пригошвишъ ихъ расхищеніе: то да будушъ мои подоврѣнія предосперешеніемъ и спасишельнымъ урокомъ всѣмъ легкомысленнымъ, предпочишающимъ свѣшкосшь и ловкосшь воспиташеля его нравспвенности и вообще спавящимъ воспитаніе чужеземное и ломкое выше національнаго, основаннаго на вѣрѣ и благочеспіи.

ФРАНЦУЗСКАЯ ТРАГЕДІЯ.

ШКОЛЫ СЦЕНИЧЕСКАГО ИСКУССТВА: НѢМЕЦКАЯ, АНГЛІЙСКАЯ И
ФРАНЦУЗСКАЯ. ТАЛЬМА. ВИКТОРЪ. СРАВНЕНІЕ Г-ЖИ ДЮШЕНА
СЪ Г-ЖЕЮ ЖОРЖЪ.

Никто изъ артистовъ нашего времени не пользуется такою общою, Европейскою извѣстностію, какъ Тальма, и, надобно признаться, никто сполько не заслуживаетъ ее, какъ много корифей Французской мелломены. Чтобы видѣть въ полномъ свѣтѣ всѣ заслуги, оказанныя имъ искусству, надобно напередъ сообразить, въ какомъ соотношеніи онъ заспалъ театръ вообще въ Европѣ,—что онъ заимствовалъ отъ мекподъ или школы и чѣмъ обязанъ собственному своему генію.

Въ собственномъ смыслѣ, для сценическаго искусства, какъ и для всѣхъ другихъ, должна быть только одна школа, основанная на единствѣ изящества; но время, мѣсто и нравы народовъ, давая особенныя направленія вкусу, раздѣлили ее на разные отрасли. Главнѣйшія изъ нихъ въ наше время суть *Нѣмецкая, Англійская и Французская*. Бросимъ взглядъ на каждую изъ нихъ порознь.

Нѣмецкая школа оплачивается преимущественно своими странностями. Нѣмцы глубокіе теоретики, мѣлкіе практики. На ученыхъ кафедрахъ они проповѣдываютъ романтизмъ, а на дѣлѣ строго держатся предписаній покойнаго Аббата Бампё, пребывавшаго, чтобы прагматическіе актеры вѣрно разговора пѣли, а ноги и руки ихъ панцовали. Пѣніе ихъ оплачивается рѣзкимъ крикомъ, всхлипываніями и монопомією. Одна и таже пѣсня безпрерывно повторяется отъ начала до конца трагедіи. Не надобно смѣшивать неумѣстнаго крика съ высокимъ и громкимъ произношеніемъ. Последнее есть языкъ спрашей, употребляемый всѣми знатнѣйшими артистами во время сильныхъ душевныхъ

волненій; а неумѣспный крикъ есть рѣзкая ноша, невѣрно взяшая; онъ поже въ декламациѣ, что въ оркестрѣ фальшивый понъ прубы, покрывающей собою гармонію прочихъ инструменшовъ. Между драматическими актерами Нѣмецкими мнѣ извѣспны только два исключенія изъ ихъ школы. Въ Вѣнѣ на Императорскомъ придворномъ театрѣ старикъ *Кохъ*, очаровывающій своею естественною рѣчью, и Берлинскаго королевскаго театра молодой артистъ *Крюгеръ*. Впрочемъ г. Крюгеръ не совсѣмъ чуждъ привычекъ своей школы; въ сильныхъ мѣстахъ голосъ его шакже впадаетъ въ пѣніе; поспуль его проспа, но онъ не любитъ споить на мѣспѣ, какъ Тальма; и расхаживаясь по сценѣ, скрываетъ черпы лица своего отъ публики; движенія рукъ у него очень выисланныя; пальцами играетъ какъ бы на фортепиапѣ. Я не говорю о прочихъ актерахъ и актрисахъ, изъ коихъ нѣкопоры, даже и на Петербургскомъ Нѣмецкомъ театрѣ, во все продолженіе драмы или трагедіи танцуютъ минутъ, въ полномъ значеніи этого танца,

не перерывая его даже и въ самыхъ прогнательныхъ сценахъ.

Англійская школа, принявшая въ основаніе выраженіе духовной природы, ошлѣчается преимущественно мимикою и естественною рѣчью. Естественная рѣчь появилась въ новѣйшія времена вмѣстѣ съ возобновленіемъ представленія Шекспировыхъ трагедій; но первая мысль ввести ее въ трагедію принадлежитъ Грекамъ. Аристопель приписываетъ введеніе самаго ямба въ трагедію единственно тому, что эпа мѣра есть удобнѣйшая для разговора. Англійская школа обязана своею славою преимущественно гениаль Гаррика и Кина. Сей послѣдній малаго роста, неуклюжій и неблагозачный, игра его вообще неровна; но бывають минуты вдохновенія, когда онъ поражаетъ электрическимъ самымъ каменныя сердца зрителей. Вдохновеніе есть главная стихія Англійской школы; искусственный восторгъ — школы Французской.

Прочія требованія первой ясно опредѣлены самимъ ея родоначальникомъ Шекспиромъ. Гамлетъ его (явленіе II, дѣйствіе III) да-

еще актеру следующее наставление: „Привноси сипхи, какъ я шебѣ чипалъ ихъ — легко и безъ напряженія; если же ты спашешь возглашашъ подобно многимъ актерамъ нашимъ,—я сполько же бы хопѣлъ ихъ слышашъ отъ городского крикуна. Не рѣжь руками шакъ сильно воздуха; но соблюдай во всемъ приличіе, храни умѣренность; она придаетъ видъ кропости всякой спрасти въ самомъ ея пошокѣ, вихрѣ, шакъ скавашъ, бурѣ.—О! Мнѣ обидно до крайности слышашъ, какъ иной рослый, въ парикѣ наряженный невѣжа перзаетъ спрасть на часши, на куски и раздираетъ уши черни, способной упѣшашься шолько непоняпнымъ кривляньемъ и крикомъ.“—„Соглашай движенія съ словами и слова съ движеніями; особенно старайся не прешупашъ границъ еспешвенной простоты: всякая чрезиѣрность не сообразна съ цѣлю предшавленія, которая первоначально, какъ и пеперь, была и еспѣ — предшавишь зеркало природы.“—„Карпина непомѣрно рѣзкая или слишкомъ слабая можетъ поправишься невѣждамъ, но оскорбишь вкусь разсудишельныхъ, изъ кошорыхъ

миѣніе одного должно быть для васъ важнѣе, нежели голосъ цѣлой толпы незнающихъ.“

Французская школа, строго держащаяся начала подражанія, такъ называемой, пластической или внѣшней споронѣ природы, ведетъ начало свое еще опъ Грековъ и Римлянъ. Въ Аѣинахъ и въ Римѣ, какъ извѣстно, выбирали актеровъ высокорослыхъ и обували ихъ въ кошурны, чтобы они казались гигантами. вмѣсто разговора они пѣли и эпо пѣніе сопровождается было флейпою и пѣлодвиженіями особаго актера, соспавлявшими условный панпоминный языкъ. Все эпо на древнемъ театрѣ не нарушало вѣроянія, потому что дѣйствующія лица въ древнихъ трагедіяхъ были боги или баснословные герои, пребывавшіе особаго образа выраженій, а равно и потому, что стихи у древнихъ не имѣли другаго назначенія, кромѣ пѣнія. Эпа поющая декламация удержалась въ речитативахъ Италіанскихъ оперъ, заступившихъ мѣсто древнихъ арліицъ, а потомъ перенесена была Французами и на ихъ театр. Введеніе ея во Французскую

прагедію несправедливо приписывается Тальмъ; извѣстно, что она употреблялась еще во времена Людовика XIV и что знаменитый Люлли многіе речитативы свои сочинялъ съ декламаціи Шанмелле. Что касается до Тальмы, онъ, воспользовавшись въ молодости, во время пребыванія своего въ Лондонѣ, наставленіями и примѣрами первыхъ Англійскихъ прагмковъ, почувствовалъ еще съ того времени несообразность пѣнія въ прагедіи; и если не могъ въ послѣдствіи совсѣмъ изгнать его съ Французской сцены, то по крайней мѣрѣ онъ успѣлъ опредѣлить мѣсто и тонъ сему напѣву, употребляя его преимущественно только въ тѣ минуты, когда душа настроена къ лирическимъ чувствомъ. Напр. въ прагедіи *Леонидъ*, привѣщивуя опечесиво и скалы Термопильскія, голосъ его издавалъ, въ продолженіи четырехъ стиховъ, какъ бы одинъ и тотъ же тонъ, подобно низко напянутой и дрожащей струнѣ.

Тальма въ послѣднее время раскрылъ во всемъ блескѣ преимущества естественной игры и рѣчи или дикціи въ прагедіяхъ:

Силла, La démente de Charles VI и въ драмѣ Коцебу: *Ненависть къ людямъ и раскаяніе*; но предразсудки публики, привыкшей къ уродливости своей школы, столь велики, что едва доспаетъ всего могущества генія, чтобы ихъ разсѣять. Въ роли Силлы Тальма превосходенъ; но, миѣ кажется, Французы перпятъ его потому только, что онъ представляеть въ ней живаго Наполеона со всѣми его приемами, движеніями, пономъ и взглядомъ.

Въ роли Карла VI, впавшаго въ помѣшательство ума во время несчастной войны съ Англією, Тальма принимаетъ голосъ чело­вѣка болѣзненнаго и убишаго горестію; припомъ являеться на сцену въ шлафрокъ и обросшій бородою. Французы оскорбляю­ся этимъ мнимымъ нарушеніемъ, приличій прагической сцены; но когда король, въ припадкѣ умоизсупленія, воображая себя ок­руженнымъ полпою народа, приступающею къ нему съ вошемъ, — оспанавливаеть на семь фаншомъ опуманенный взоръ и произ­носитъ слѣдующія слова: „За чѣмъ вы здѣсь? „Нѣтъ у меня хлѣба!“ Тогда Францу-

зы, принимая искусство за самую природу, плачущъ и забывающъ о своихъ припязаніяхъ. Въ драмѣ Коцебу, въ роли неизвѣстнаго, Тальма явился въ Нѣмецкомъ кафтанѣ и съ простію; говорилъ почти во все продолженіе дѣйствія однимъ тономъ, низкимъ, опривиспымъ, мрачнымъ. Роль Эйлали играла мамзель Марсъ. Увлеченные новоспію романтической піесы, новымъ родомъ игры и самымъ положеніемъ арписпа и арписпаки, въ первый разъ только явившихся въ этомъ родѣ драмы, Французы заливались слезами, такъ что въ послѣдней сценѣ послѣдняго дѣйствія игра на нѣсколько минутъ была прервана; — случай почти небывалый во время представленія Французскихъ трагедій. Но эта шумка не прошла даромъ мамзели Марсъ и Тальма, особливо послѣднему. Не далѣе какъ на другой день утромъ, во всѣхъ газетахъ осыпали его ругательствами за то, что онъ дозволилъ себѣ упасть съ трона Кесарей въ Нѣмецкую грязь. При этомъ не забыли сдѣлать ему замѣчаніе и насчетъ неуваженія его къ публикѣ, когда онъ, въ минуточку примиренія съ Эйлалией, прижи-

мая къ груди прехлѣтнюю дочь свою, опть неловкостми обнажилъ ее нѣсколько неблагоприспойно.

Въ разсужденіи пластими Тальмы, по еспь положенія шѣла и движенія рукъ, у насъ господствуетъ ложное мнѣніе. Многіе воображаютъ его какою-то древнею спашуею, убѣжавшею изъ Рима и безпрестанно принимающею всѣ граціозныя и величественныя положенія всѣхъ своихъ знакомокъ по Вашикану. Вѣроятно они соспавили подобное понятіе о Французскомъ прагикѣ, по извѣстной его заботливости о уборкѣ волосъ и драпировкѣ костюмовъ; пакъ какъ въ роляхъ Греческихъ и Римскихъ онъ дѣйствительно бралъ самыя вѣрныя слѣпки съ древнихъ бюстовъ и спашуй. Но если въ этомъ отношеніи онъ прихотливъ, какъ женщина; то во всемъ прочемъ, можно сказать рѣшишельно, онъ не выказываетъ никакихъ приязаній. Тальма никогда не ходитъ мѣрными шагами; лѣвая рука его занята погою; правою дѣлаетъ изрѣдка польцо полуоткрытыя движенія; короче сказать: этопъ царь театра знаетъ, что протпота неразлучна

съ величіемъ и что трагедія имѣетъ свой характеръ и свои средства, отличныя отъ пѣхъ, кои употребляются въ балетѣ. Я увидѣлъ его въ первый разъ въ самой блистательной его роли *Нерона*; не бывъ пригласованъ къ его важному, неподвижному спокойствію, нѣсколько разъ обращался къ сидѣвшимъ подлѣ меня Французамъ съ вопросомъ: Тальяма ли это? И не прежде въ эпозѣ увѣрился, какъ въ концѣ II дѣйствія, когда онъ, ославляя принцессу Юнію и произнося послѣдній стихъ: „Madame, en le voyant, songez que je vous vois,“ принялъ осанку, взглядъ и позу, въ которыхъ раскрылась вся душа пирана. Въ подобный обманъ вовлекаемы были имъ не одни иностранцы, въ первый разъ только его видѣвшіе; самъ Наполеонъ, соскучивъ мнимымъ бездѣйствіемъ и разсѣяннымъ видомъ его въ той же роли *Нерона* въ четвертомъ актѣ, въ продолженіи укоризнъ и выговора, обращенныхъ къ нему матерью *Агриппиною*, совѣщивалъ ему по крайней мѣрѣ перебирать руками тогу или рвать ее онъ нетерпѣнія; но Тальяма не послушался своего повелителя, копо-

рый въ пантомимикѣ былъ только ученикомъ его. Въ вышепомянутой пражедѣ *Леонидѣ*, созданной почти исключительно для пластики и составляющей насоящее шоржесиво его, онъ шагже проситъ до самой пош сцены, гдѣ, опершись на жершвенникъ, погружается въ думы, и даже до пош минушы, когда, шихо приподнявшись съ жершвенника, ловишь усшрежленнымъ въ даль взоромъ высокую мысль: *умереть съ дружиною при Фермопилахъ*, и когда вдохновенное лице его покрывается какимъ-шо небеснымъ, неизяснимымъ сіяніемъ.

Таковъ Тальма! Чшо же дѣлаюшь его подражатели? Тоже, чшо школьники, выдерживающіе изъ разныхъ сочиненій цѣшпы краснорѣчія и связывающіе ихъ въ одинъ пучекъ. Они выпшверживаюшь разные граціозныя и величественныя формы своего идеала во всѣхъ его роляхъ, нанизываютъ ихъ на себя въ каждой роли и гоняясъ за блесшками, впадаюшь въ спиль жеманный и напыщенный. Эпошь спиль опразился въ шѣлодвиженіяхъ народныхъ ораторовъ, на кафедрахъ духовныхъ и ученыхъ и въ самой Па-

рижской академіи художествъ, коюпорою Тальма, какъ я уже замѣнилъ выше, безъ всякаго умысла сдѣлалъ болѣе вреда, нежели Давидъ умышленно. Эпопъ спилъ перешелъ и къ намъ въ Россію, разуѣвшись черезъ десятины руки, и нашелъ ревностныхъ своихъ послѣдователей въ Москвѣ и Петербургѣ.

Вирочемъ слабоспъ и уродливоспъ подражателей доказываютъ только могущеспвогенія, спавшаго выше подражаній. Короче сказать: Тальма возвелъ шрагедію классическую на такую спепень выспы, на копорою послѣ него, можеспъ быспъ, уже никшо не въ соспояніи будеспъ поддержеспъ ее.

Я не нахожу нужнымъ исчисляспъ здѣсь всѣхъ частныхъ опличій Тальмы: его важной Римской фізіономіи, грозы нахмуренныхъ бровей, выразиеспльноспи взгляда въ малѣйшихъ движеніяхъ, игры лица во всѣхъ оппшѣнкахъ спраспей и наконецъ его благороднаго и важнаго тона, возбуждающаго невольное къ нему уваженіе въ самихъ артистахъ, его окружающихъ. Все эпо въ немъ спакъ совершенно, что дало поводъ къ молвѣ, будшо бы самъ Наполеонъ бралъ у него

уроки для своей царственной роли. Наполеонъ дѣйствительно часто съ нимъ видался и даже сохранялъ къ нему дружбу; но эти дружественныя отношенія Императора къ артисту объясняются одною лишь признательностію перваго къ благородному безкорыстію послѣдняго; Тальма, бывши еще самъ не богатымъ, имѣлъ радушіе оказать Наполеону пособіе, когда онъ былъ еще въ чинѣ казначея, и, по прибытіи своемъ въ первый разъ въ Парижъ, находился въ спѣсительныхъ обстоятельствахъ.

Послѣ Тальмы, изъ всѣхъ Французскихъ прагическихъ актеровъ, можно упомянуть только о Викторѣ. *Викторъ*, бывший первымъ прагикомъ Одеона, нынѣ занимаетъ роли молодыхъ героевъ на первомъ театръ Французскомъ. Онъ самъ хорошій стихотворецъ и спалъ извѣстенъ одною, сочиненною имъ трагедіею. Соединеніе этихъ талантовъ и вмѣстѣ спранныя судьба его предубѣждаютъ зрителей заранѣе въ его пользу. Будучи сынъ богатыхъ родителей, онъ получилъ хорошее воспитаніе и назначается былъ къ приличному роду службы. Но спросить къ

театру открылась въ немъ очень рано; и наконецъ до такой степени усилилась, что онъ, не смотря на угрозы отца, скрылся изъ его дома и посвятилъ себя совершенно театральному искусству. Отецъ съ своей стороны, не смотря на ходатайство друзей, не хотѣлъ пропустить ему этого поступка и оспаивался непреклоннымъ. Наконецъ молва о паланкахъ молодаго актера убѣдила его идти въ театръ во время представленія трагедіи Гамлета. Въ эту самую минуту, когда Гамлетъ является передъ урною родителя, Викторъ, вообразивъ живо собственное положеніе, своимъ плачемъ изшоргъ слезы у отца и своимъ изсупленіемъ привелъ его въ ужасъ. Отецъ вскаепъ изъ ложи, въ которой онъ скрывался, бѣжитъ за кулисы и, обнимая сына, говоритъ ему: „Оспивайся на помъ поприцѣ, въ которому призвала тебя природа.“ Съ того времени Викторъ всегда играетъ Гамлета съ особеннымъ чувствомъ. Онъ высокаго роста; имѣетъ важную осанку; голова его Римская. Часто однимъ движеніемъ глазъ онъ выражаетъ многое; такъ въ Танкредѣ,

при имени Орбасана, очень естественъ переходъ его къ ярости, хотя онъ и не говоритъ ни слова. Въ роли Нерона (въ трагедіи Britannicus) онъ приближается къ Тальмъ. Съ такою же припворною покорностію слушаетъ угрозы мапери, — съ такимъ же злымъ вздохомъ начинаешъ открывать наперснику свое варварское сердце и почти такимъ же грознымъ тономъ говоришь княжнѣ: „Иди, но знай, что Неронъ видитъ и слышитъ тебя вездѣ.“ Викпоръ во многомъ подражаетъ Тальмъ, — не исключая и всѣхъ недоспашковъ его. Напр. въ пѣхъ мѣспахъ, гдѣ надобно выражатъ жалобу, скорбь или нѣжныя чувспва, онъ пнянетъ всегда съ такимъ воркованіемъ или съ монопонию, ка- кой не чуждъ и его учипель.

О г-жѣ *Дюшенуа* я говорилъ уже довольно подробно, разбирая ея представленія на Женевскомъ псапрѣ. Къ чести ея можно присовокупить, что Тальма никогда безъ нея не играетъ. Съ нею очень долго соперничеспвовала дѣвица Жоржъ, извѣспная своею величавою красопою и осанкою. Дебюпны ихъ, продолжавшіеся около года, раздѣляли

публику на разныхъ партіи; но Дюшенуа, не
смогши на невниманіе къ ней природы, ош-
казавшей ей въ правильномъ очерпаніи ли-
ца, наконецъ воспоржеспвовала надъ всѣми
и, такъ сказать, силою вырвала пальму
первенства у своей опасной соперницы.
Сравнивая ихъ обѣихъ, можно положишь
слѣдующее между ними различіе. Послѣ игры
Жоржъ, нѣсколько прекрасныхъ рисунковъ
или картинъ оспаются въ воображеніи, не
достигая глубины души; послѣ игры Дю-
шенуа, ея голосъ вездѣ васъ преслѣдуетъ,
и безъ умолку вамъ твердитъ: спрашисъ и
ты подобной судьбы: „*Nono sum, humani ni-
hil a me alienum puto.*“

ФРАНЦУЗСКАЯ КОМЕДИЯ.

Дѣвица Марсь. Монрозъ.

На первомъ шаепрѣ Французскомъ даюп-ся предспавленія поперемиѣнно, въ одинъ день прагическою шруппною, въ другой комиче-скою. Говоря о послѣдней, надобно начашь и кончипь почти исключительно одною дѣ-вицею *Марсб*. Ее можно назвашь предспави-пельницею и идеаломъ Французской комедіи. Вообразиле женщину съ прекрасною шалією, съ пріятнымъ лицомъ, съ блестящими гла-зами, съ умною улыбкою, съ голосомъ слад-кимъ, очаровательнымъ, съ рѣчію хорошаго, образованнаго шона, съ выраженіємъ всегда нѣжнымъ и вѣрнымъ, — шакова Марсь. Она играешь придворныхъ и гражданокъ, спару-

шекъ и шаперей, кокепокъ и скромницъ, всѣхъ съ равнымъ умомъ, приличіемъ и естественностію. Г-жа Марсъ удивительное существо; ей уже 45 лѣтъ, но она играетъ еще молодыхъ дѣвицъ, влюбленныхъ и даже невинныхъ, и припомъ съ прелестію, остроуміемъ и простодушіемъ, восхищающими зрителей до безумія. Объ ней - то можно сказать, что сама Талія улыбалась ей при рожденіи и сами граціи ее воспеивали и образовали.

Изъ комиковъ перваго театра Французскаго достоинъ вниманія, можешь быть, только одинъ Монрозъ. Онъ очень естествен но предсавляетъ слугъ. Быстрые глаза его, вздернутый къ верху носъ, черны лица и улыбка выражаютъ хитрость. Проворство въ движеніяхъ,—послупъ то сѣмая, то робкая,—голосъ то тихій, то напыщенный,—все въ немъ забавно. Треугольная шляпа его съ корешками крыльями никогда не перемѣняется; но онъ даетъ ей всегда разныя положенія; то надвигаетъ ее напередъ, то на бокъ, смотря по удачамъ и неудачамъ, въ копорыхъ онъ находишься. За то, когда

Монрозъ является въ другихъ роляхъ, онъ уже выходитъ изъ предѣловъ естественности, и болѣе или менѣе, всегда выказываетъ тонъ и приемы своего происхожденія, какъ мѣщанинъ во дворянствѣ.

БУЛЬВАРНЫЕ И ПРОЧІЕ ПАРИЖСКІЕ ТЕАТРЫ.

На *театрахъ бульварныхъ* барствуетъ *Полье*. Онъ не рѣдко переходитъ изъ одного въ другой, воя всегда за собою слѣпую форшуну съ рогомъ изобилія. Тамъ, гдѣ *Полье*, всегда набиты бискомъ и театръ и театральная касса. Кромѣ отличной игры своей, онъ имѣетъ еще даръ украшать свои роли ослепыми аллюзіями и импровизаціями. Опытъ

этого дара ииъ случилось видѣшь недавно въ одной сценѣ его съ двумя другими хорошими актерами: *Брюнетомъ* и *Одье*, въ театръ des Variétés. Кто-то изъ нихъ сбился съ роли, а суффлёръ на ту пору потерялъ изъ виду то мѣсто, которое надобно было чипанъ ему. Передъ шакою неперпѣливою публикою, какъ Парижская, положеніе артистовъ было очень непріятное; но Пошье, не теряя присутствія духа, обращается къ Одье съ вопросомъ: „Чтожь ты сповишь, какъ жень? Сполбнякъ чпо ли на шебя нашель?“ Одье опивчалъ ему серьезно: „Я жду, чпо скажешъ мой сосѣдь.“ Брюнетъ присовокупилъ: „Я люблю прежде думать, а потомъ говорить.“ Изъ этихъ споровъ и перекоровъ соспавилась цѣлая вставочная сцена, исполненная мыслей и оспротъ. Пошье, какъ умный фарсёръ, извѣспенъ всѣмъ любителямъ театра; но, можешъ бышь, немногимъ извѣспенъ его драматическій палантъ, раскрышый ииъ недавно въ пьесѣ *le Chiffonier*. Онъ играешъ въ ней главное лице,—милліонщика, доведеннаго несчастіями до совершенной нищеты, снискивающаго себѣ насущный хлѣбъ самымъ

бѣднымъ промысломъ: собираніемъ вѣпошей на улицѣ, и, что всего горше, принужденнаго скрывать свое имя опъ собственной дочери. Въ той сценѣ, гдѣ юная дочь его, воспитывающаяся у одной сострадательной женщины, поетъ ему свой любимый романсъ: Il n'ose pas embrasser sa fille, и гдѣ опецъ ея, чувствуя всю тягость своего положенія, спарается казаться веселымъ и шушпливымъ,—Потѣе своею двусмысленною игрою заставляешъ плакать всѣхъ зрителей.

Дѣвица *Фей*, извѣстная подъ именемъ *Маленькой Леонтины*, la Petite Leontine, сдѣлалась уже большою. Она перешла отъ дѣтскихъ ролей къ ролямъ взрослыхъ дѣвицъ; въ послѣднихъ она мила, но въ первыхъ была неподражаема. Я видѣлъ ее за два года передъ симъ; она играла дѣвочекъ и мальчиковъ, добрыхъ и избалованныхъ, послушныхъ и упрямыхъ, смирныхъ и шалуновъ, съ такою естественностію, которая опкрываетъ въ ней необыкновенный въ ея лѣта даръ наблюдательности.

Музыкальная Академія или Большая Опера всегда привлекаетъ къ себѣ полныя зрители своими прекрасными балетами, великолѣпными декораціями, отличною устроеннымъ оркестромъ и легкостью своего зефира *Полл*, своей *Флоры Монтессю* и *Венеры Нобле*.

Комическая Опера держится нынѣ только однимъ новымъ произведеніемъ г. Боельде, *Бѣлою дамою, la Dame blanche*.

Театръ Водевильей примѣрно пустѣетъ и упадаетъ. Не удивительно, что это уродливое произведеніе Мома могло держаться во Франціи, гдѣ нѣтъ народныхъ пѣсень и нѣтъ музыкальнаго слуха; но удивительно и непонятно, какимъ образомъ оно могло войти въ моду въ Россіи, гдѣ каждый ребенокъ имѣетъ врожденную склонность и къ мелодіи и къ гармоніи. Какъ согласишь, чтобы молодые благовоспитанные юноши и дѣвицы, знающіе хорошо Италіанскую музыку, могли слушать равнодушно эти аріетки, наполненныя пошлыми остроуміями и составленныя на одну и ту же погудку, повторяемую безъ складу и ладу?

О здѣшнемъ *Италіянскомъ театрѣ* нѣтъ нужды распространяться; довольно замѣтишь, что онъ находится подъ непосредственнымъ управленіемъ самаго *Россини* и что имѣлъ своими примадоннами знаменитую *Каталани*, мадамъ *Сесси* и нашу Русскую пѣвицу г-жу *Меньвиль Фодоръ*. Нынѣ украшаетъ его собою г-жа *Паста*, отличная актриса и первая пѣвица въ Европѣ въ настоящее время. Недавно явилась на здѣшной сценѣ дѣвица *Зонпагъ*. Послѣ перваго дебюта ея въ *Цырюльникѣ Севильскомъ* журналы справедливо замѣтили сходство ея методы съ методою г-жи Фодоръ. Въ продолженіе втораго дебюта въ *la Donna del' lago* многіе начинали явно и въ слухъ возставать противъ нея; но г-жа Зонпагъ, которая, какъ прилично, сберегаетъ всегда свои силы къ концу, въ самой послѣдней аріи пріятыми и быстрыми переливами своего голоса и нѣжностію выраженія присыдила своихъ хулителей и восхишила всю публику; журналы, замѣчая это, не пропустили случая присовокупить нѣсколько привѣтспвій и ея красотъ. Послѣ прешьяго дебюта, въ которомъ

*

она выполнила съ блескомъ одну изъ труднѣйшихъ музыкальныхъ ролей въ *Донъ Жуанъ* Моцарта, были пылчи голоса за ея искусствомъ и уже ни одного не слышно было противъ. Не извѣстно, оспивается ли на Итальянскомъ театрѣ г-жа Паспа, послѣ условій, заключенныхъ дирекціею съ дѣвицею Зонпагъ; но по неоспоримо, что послѣдняя не можетъ вполне замѣнить первой, которая только одна заслуживаетъ нынѣ титулъ царицы пѣнія. По крайней мѣрѣ между ними нѣтъ ничего общаго или не болѣе, какъ между родами искусства анакреонтическимъ и героическимъ. Зонпагъ имѣетъ голосъ высокій, пріятный и игривый, но еще не совсѣмъ твердый; при переходѣ отъ низкихъ тоновъ къ высокимъ есть у нея одинъ тонъ фальшивый; Паспа обладаетъ голосомъ обширнымъ, сильнымъ и вѣрнымъ. Первая играетъ трудностями искусства; послѣдняя сама ихъ выдумываетъ, чтобы дерзновеннымъ ихъ преодоленіемъ изумлять и поражать слушателей.

Первымъ пѣвцемъ почитается здѣсь Синьоръ *Рубини*, теноръ-сопрано пріятный

и нѣжный, но слабый въ сравненіи съ спраспнымъ и пламеннымъ Давидомъ, котораго послѣднюю лебединую пѣснь я слышалъ за три года передъ симъ въ Вѣнѣ.

Изъ Француженокъ на Италіанскомъ театрѣ играетъ одна только дѣвица *Cinti*, которую мадамъ Капалани перекрестила въ *Чинти*, давая симъ знанье, что подобный талантъ есть принадлежность Италіанки и одно только исключеніе или игра случая во Француженкѣ. Впрочемъ *Cinti* занимаетъ здѣсь однѣ второклассныя роли. Голось ея не обширный, но чистый, ясный и ровный.

ПРОДОЛЖЕНИЕ.

Достопримечательныя Парижскія церкви: Notre Dame; Пантеонъ; Св. Сulpicia; Домъ инвалидовъ. Дворцы Тюльерійскій и Луврскій; Палеоляль. Частныя дома и улицы. Бульвары, переходы (passages). Базаръ. Памятники: конныя статуи Генрика IV и Людовика XIV; Вандомская колонна. Воспоминанія объ Императорѣ Александрѣ.

Между памятниками зодчества, по древности, первенство принадлежитъ *Собору Пресвятой Дѣвы Notre-Dame*. Утверждаютъ, что первое основаніе ему положено было на развалинахъ жертвенника, который посвященъ былъ Галлами Юпитеру, Вулкану, Каспору и Поллуксу. Въ 356 году сей храмъ распространенъ королемъ Хилдебертомъ, а по нынѣшнему плану выпроенъ въ XII столѣтій. По споронамъ фасада возвышающа

двѣ башни, а внутренность имѣетъ видъ Латинскаго креста съ 45 придѣлами. Своды храма, углообразные, поддерживаются 120 колоннами, копорыхъ капители украшены лисьями дубовыми, капустными и чернополоховыми. По стѣнамъ есть множество рѣзныхъ медальоновъ съ изображеніями добродѣтелей, пороковъ, зодіаковъ, городскихъ и сельскихъ работъ и даже нѣсколько лицъ изъ Римской мифологіи. На южныхъ дверяхъ представленъ въ рельефѣ страшный судъ.

Базилика Святой Женевиѣвы, покровительницы Парижа, извѣстная подъ именемъ *Пантеона*, имѣетъ видъ Греческаго креста и состоитъ изъ трехъ главныхъ члусовъ: фасада, колоннады и огромнаго сферическаго купола, висѣщаго надъ окнами и оканчивающагося фонаремъ. Внутренность ея украшена также колоннами, позолотою, барельефами и живописью на стѣнахъ, работы *Гро* и другихъ знаменитѣйшихъ художниковъ. Подъ поломъ базилики находятся погреба съ смертными останками маршаловъ, кардиналовъ, министровъ и сенаторовъ; съ верхняго фонаря обширный и прекрасный видъ

Парижа и его окрестностей. Пантеонъ основанъ только въ прошедшемъ столѣтїи королемъ Людовикомъ XV, по плану архитектора Суффло.

Церковь Св. Сульпиція достопримѣчательна по своему великолѣпному фасаду орденовъ Дорическаго и Ионическаго, помѣщенныхъ одинъ надъ другимъ. По сторонамъ фасада стоятъ двѣ высокія башни съ телеграфами; одинъ изъ нихъ направленъ къ Спразбургу, другой къ Италіи.

Къ изысканнѣйшимъ и первокласснымъ произведеніямъ архитектуры Французской принадлежатъ также *Домъ инвалидовъ*, основанный Людовикомъ XIV и распространенный Наполеономъ. Два эшажа главнаго входа украшены колоннами ордена Дорическаго и Коринтскаго, съ фронтономъ; третій этажъ состоитъ изъ круглой колоннады Коринтской, четвертый изъ оконъ меньшаго размѣра. Надъ окнами крушой и легкой куполь, весь вызолоченный; на немъ фонарь, оканчивающійся шпиремъ и крестомъ. Отъ основанія до креста считается 300 футовъ вышины. Внутри зданія, подъ куполомъ нахо-

дипся шесть придѣловъ и гробницы двухъ знапийшихъ Французскихъ генераловъ, Тюреня и Вобана. Лицевая сторона дома, обращенная къ Сенѣ, простирается на 102 шага. Всѣхъ инвалидовъ помѣщается въ немъ до 7,000; для облегченія ихъ недуговъ и услажденія воспоминаній есть галерея военныхъ картинъ, собраніе плановъ въ рельефахъ всѣхъ Французскихъ крѣпостей и библіотека, состоящая изъ 20,000 томовъ.

Между дворцами достойны примѣчанія *Тюльерійскій* и *Луврскій*. Первый, построенный въ XVI столѣтіи Капериною Медичисъ, носитъ на себѣ печать зодчества феодальныхъ временъ; онъ представляетъ странную смѣсь вкуса Греческаго съ Готическимъ. Надъ параднымъ входомъ возвышается сферическій куполь съ развѣвающимся на немъ королевскимъ флагомъ, а по концамъ главнаго корпуса, вмѣсто башенъ, поднимаются пристройки въ родѣ нашихъ старинныхъ перемовъ съ крупными крышами. Прямо противъ подъезда съ лицевой стороны, сполаятъ триумфальныя карусельныя ворота, сооруженныя въ 1806 году въ честь большой

арміи. Они построены по образцу арки Септимія Севера, съ тремя аркадами. На эпихъ воротахъ сполли, во время Наполеона, извѣстные Коринскіе кони, украшающіе нынѣ фасадъ соборной церкви Св. Марка въ Венеціи. По другую сторону дворца находится Тюльерійскій садъ, состоящій изъ цѣлой рощи, пересѣкаемой тремя аллеями и изъ нѣсколькихъ бассейновъ, украшенныхъ статуями. За садомъ лежитъ осмигранная площадь Людовика XV; на этой-то площади 30 Мая въ 1770 году празднованъ былъ бракъ Людовика XVI, бывшаго въ то время еще дофиномъ; 21 Генваря въ 1793 году онъ принялъ здѣсь мученическую смерть; въ 1814 году память его почтена была здѣсь торжественнымъ молебствіемъ союзныхъ Государей, и наконецъ здѣсь же въ нынѣшнемъ году происходилъ описанный мною выше обрядъ сопричисленія его къ лику святыхъ. За площадью простираются *Поля Елисейскія*; главная ихъ аллея, находящаяся на одной линіи съ главной Тюльерійскою, оканчивается торжественною *Аркою Звѣзды*, начатою въ 1806 году и еще недостроенною.

Луврскій Дворецъ отдѣляется отъ Тюльерійскаго Карусельною площадью и нѣсколькими десятками домовъ вѣшкихъ, грязныхъ и нагроможденныхъ безъ всякаго плана. Дворецъ сей начашъ еще въ 1528 году Францискомъ I, на мѣсто прежде бывшаго здѣсь Голпическаго. Въ постройкѣ его участвовали многіе знаменитѣйшіе архитекторы, Французскіе и Италіянскіе; но сочиненіе главнаго плана его принадлежитъ Пьеру Лескопу, а рисунокъ колоннады или периспилиа врачу Перольпу (Perault), никогда не бывшему архитекторомъ. Этошь периспилиа почищается однимъ изъ великолѣпнѣйшихъ произведеній новой архитектуры. Весь фасадъ дворца, простирающійся на 80 сажень ($87\frac{1}{2}$ фуазовъ) длины и имѣющій 17 сажень высоты, состоитъ изъ двухъ периспилией и прехъ аван-коровъ (avant-corps). Каждый изъ периспилией обнесенъ 12 колоннами Коринтскаго ордена, разставленными попарно въ промежуткахъ оконъ и каждый изъ аван-коровъ украшенъ 8-ю колоннами, а средній сверхъ того и фроншономъ. Самою высочайшею почкою фроншона естъ бюстъ Людо-

вика XIV; Минерва ставитъ его на подножіе, а Муза исторіи пишетъ внизу слѣдующія слова: *Ludovico Magno*. Весь дворецъ составляетъ правильный, огромный квадратъ, котораго всѣ стороны, какъ наружныя, такъ и обращенныя на дворъ, также украшены колоннами и фронтонами. Дворецъ эпохъ со времени Людовика XV совсѣмъ былъ заброшенъ и только при Наполеонѣ снова обратили на него вниманіе. Издержки, исчисляемыя на постройку его, неимоверны; только въ послѣдніе пятнадцать лѣтъ до 1813 года употреблено на него болѣе 22,000,000 франковъ; а всего на окончательную отдѣлку предполагалось до 50,000 000.

Дворецъ, извѣстный подъ именемъ *Палероля*, по наружности своей болѣе похожъ на частный домъ, нежели на дворецъ. Онъ и дѣйствительно сначала принадлежалъ кардиналу Ришелье; но кардиналъ духовнымъ своимъ завѣщаніемъ отказалъ его королю, а король отдалъ во владѣніе герцогскаго Орлеанскаго дома. Во время революціи Палероля обращенъ былъ въ рестораціи и нѣсколько времени носилъ названіе *Дворца*

равенства, Palais-égalité, которе самъ покойный герцогъ Орлеанскій далъ ему, изъ лести и потворства Парижской черни. Фасадомъ своимъ онъ выходитъ на улицу Сентъ-Оноре, а заднею стороною обращенъ къ Палерояльскому саду, опдѣляясь впрочемъ отъ него нѣсколькими рядами крытыхъ деревянныхъ лавокъ и прилавковъ, гдѣ помѣщаются и сапожники и портные и модиспки и книжный магазинъ извѣстнаго книгопродавца Лавока.

Бывшій въ 1798 году пожаръ испребилъ и паинспвенныя, изъ древесныхъ вѣтвей составленныя гробы, спойвшія кардиналу Ришелье до 300,000 франковъ, и циркъ или подземельный театръ съ окружавшими его 30 лавками. Нынѣ отъ всего прежняго сада осталась только три аллеи съ изсохшими деревьями, изрѣдка разбросанными и не дающими никакой тѣни, Но все это замѣнено постройкою вокругъ сада прехъ огромныхъ корпусовъ въ чешыре эпажа. Въ нижнемъ эпажѣ помѣщаются кофейные дома, модные магазины и лавки съ галантерейными вещами и со всѣми предметами роскоши. Подлѣ

нихъ подъ арками со всѣхъ сторонъ
нижутся галереи, служація мѣстомъ гуль-
бища для любопытныхъ и для искателей
приключеній. Бель-этажъ занятъ рестораці-
ями, игорными домами и квартирами содер-
жащелей магазиновъ, въ верхнихъ этажахъ
живетъ всякое опребіе женскаго пола. Меж-
ду прочимъ достойны здѣсь примѣчанія ко-
фейный домъ *Мира*, de la Paix, и кофейный
или пишейный домъ *Слѣпыхъ*, des Aveugles.
Въ первомъ есть театръ, въ которомъ
каждый вечеръ даются представленія безъ
нежно. Его ложи и партеръ загромождены
скамейками и столами; на столахъ разстав-
лены вино, кофей, баваруазъ, мороженое и
фрукты; песнрыя группы посѣщителей и
посѣщительницъ пресыщають въ одно вре-
мя всѣ чувства. Въ кофейномъ домѣ *Слѣ-
пыхъ*, въ продолженіе вечера, безпрестанно
играетъ оркестръ, составленный изъ слѣ-
пыхъ мущинъ и женщинъ. Они помѣщаются
въ подвалѣ, но игру ихъ опчаспи можно
слышать сквозь рѣшетчатое отверстіе,
выходящее въ галерею. Сказываютъ, что
съ этимъ подваломъ имѣють сообщеніе какіе-

по подземельные коридоры съ грошами, исключительно посвященными оргіямъ. Такииъ образомъ гнѣвъ небесный, испребившій огнемъ одни вершепы разврата, попускаетъ существованіе другихъ, приговоря въ нихъ, можетъ бытъ, новое наказаніе народу за замышляемое имъ вновь отступничество отъ вѣры, отъ благочинія и отъ всѣхъ связей гражданскихъ.

Убѣгая отъ сего острова Цирцей, превращающихъ людей въ звѣрей, обратимся вновь къ памятникамъ искусства и остановимъ взоръ нашъ на *домъ Академіи Наукъ*; сихъ благодѣльницъ челоувѣчества, улаждающихъ насъ дома и въ странствованіи, питающихъ нашу юность и обѣщающихъ намъ опрадную спарость. Домъ сей состоитъ изъ храма съ великолѣпнымъ предсѣніемъ и куполомъ и изъ прилегающихъ къ нему зданій, пріятно рисующихся въ воздухъ своими восходящими и нисходящими линіями. Остановимъ взоръ нашъ на *перемахъ Дворца Люксембургскаго* или на *Гопической башнѣ Ратуши* или на легкой, воздушной колоннадѣ вновь сооружаемой *Биржи*. Въпъ

зданіе, дѣлающее честь и архитектору Бронниарду (Brongniard) и вкусу насоящаго времени. Оно состоитъ изъ двухъ этажей, изъ которыхъ верхній назначенъ для коммерческаго Трибунала, а нижній для собранія негоціантовъ; въ длину имѣетъ 250, въ ширину 130 футовъ; вокругъ со всѣхъ сторонъ украшено 66 колоннами Коринтскаго ордена. Между колоннами и стѣнами, какъ въ верхнемъ, такъ и въ нижнемъ этажѣ, идутъ кругомъ широкія галереи. Биржа построена на вновь расчищенной площади противъ театра Комической Оперы. Впечатлѣніе, производимое ею на зрѣніе, ново и пріятно; это воздушный, сквозной павильонъ, въ которомъ имѣетъ почти совсѣмъ стѣнъ, а есть только колонны и между ними огромныя двери и окна.

Частныя дома въ Парижѣ имѣютъ самую невыгодную наружность; обыкновенно закопѣлые и высоты неровной, — большею частію отъ 5 до 9 и даже 10 этажей; иногда длинныя, иногда только въ 4 или 3 окна. Дворы обыкновенно малые, квадратныя, похожіе болѣе на колодцы, наполненные

спертымъ, зараженнымъ опть неподвижности, воздухомъ. Улицы во всѣхъ спарыхъ часпяхъ города шакъ узки, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ нѣпть возможности разѣхашься двумъ карешамъ, а иногда и одна длинная навощи-чья шелѣга при поворотѣ загоразиваетъ вдругъ нѣсколько улицъ. Эта пѣснопа и поспоянная пѣнь, бросаемаа домами, изъ ко-порыхъ многіе никогда не освѣщаются соли-цемъ, даетъ нѣкоторымъ улицамъ видъ кана-ловъ или шрубъ, спромыхъ для провода грязной воды и всякой нечистоты.

Вырываясь изъ эспихъ часпей города на *булевары*, выходишь въ другую атмосферу и дышешь болѣе чистымъ воздухомъ. *Булевары* опоясываютъ городъ со спороны Сѣверной и Южной; первые проспираются на 2,490 шауазовъ или 2184 сажень, послѣдніе на 3,680 шауазовъ или 3348 сажень. Они имѣютъ по споронамъ аллеи, изъ нѣсколькихъ рядовъ деревьевъ. На сѣверныхъ булевахъ, подлѣ аллей ппянушся ряды домовъ съ лавками, ма-газинами и великолѣпными кофейнями. Ма-газины, съ стеклянными дверьми, наплены модными надѣліями, бронзами, мебелью, фар-

форомъ, аспашани и всѣми предметами роскоши, наиве шольно промышленосиъ и изобрѣшпательность челошъческая могли выдумать. Здѣсь же находятся и пешеры, называемыя подъ именемъ бульварныхъ. Въ аллеяхъ разбросаны прилавочки съ мѣлочными товарами, показываюшися разные диковинки шарлашамами и радаюшися звуки разныхъ музыкальныхъ инструментовъ. Это разношѣшная, разногласная и никогда непрерывающаяся армонка.

Мысль замѣнить далекіе обходы по кривымъ и нечисшымъ улцамъ устройствомъ переходовъ (passages) есть самая счастливая. Переходы не что иное, какъ обширныя вридоры, крышыя сшедами и вымощенныя плитнякомъ, между двумя рядами магазиновъ, убранныхъ со всею роскошью вкуса. Одни изъ нихъ состоятъ изъ прямыхъ линий, какъ переходы *Панорамы*, *Монпескѣ* и *Фейдо*; другіе изъ прямыхъ и поперечныхъ, образующихъ видъ шахмата, какъ переходъ *Большой Оперы*. Вновь отспроенный переходъ *Виоіенскій* имѣетъ крушой поворотъ подъ прямымъ угломъ, въ родѣ шриугольника безъ основы;

и по срединѣ двѣ арки съ зеркальнымъ про-
стѣякомъ. Днемъ они освѣщаются сверху
сквозь стеклянную крышу, вечеромъ горя-
щими въ магазинахъ газами. Вечеръ какъ въ
Палероалѣ, такъ и въ переходахъ 'продол-
жается отъ сумерокъ до 11 часовъ ночи, и
во все это время движущаяся непрерывно
впередъ и назадъ группы мужчинъ и дамъ, ри-
суются въ распавленныхъ по сторонамъ зер-
кала.

Вмѣсто испребленного пожаромъ на бу-
леварѣ *Базара*, недавно выпроеитъ новый въ
улицѣ Сенпъ-Оноре. Это есть огромное зда-
нiе въ родѣ манежа, состоящее изъ двухъ
отдѣленій, сообщающихся между собою двумя
арками. Одно изъ нихъ имѣетъ крышу обы-
кновенную, другое стеклянную. Въ каждомъ
изъ отдѣленій находится по нѣскольку ря-
довъ лавокъ и прилавочекъ, съ разнородны-
ми, но большею частію мѣлочными повара-
ми. Базаръ вечеромъ освѣщается газомъ, но
посѣщителей и покупателей бываетъ въ
немъ очень мало, вѣроятно по невыгодному
его положенію, удаленному отъ бульваровъ,
Продавцы жалуются, что многіе изъ нихъ

*

не могутъ выручитьъ даже той суммы, которая употреблена ими на наемъ лавокъ и на закушку поваровъ.

Изъ публичныхъ памятниковъ я упомяну здѣсь только о важнѣйшихъ: о конныхъ статуяхъ Генриха IV и Людовика XIV и о Вандомской колоннѣ.

На западной оконечности острова, образуемаго рукавами Сены и сообщающагося съ берегами ея посредствомъ Нового моста (Pont-Neuf), до революціи стояло конное изваяніе Генриха IV. При началѣ волненій, народъ заспавлялъ всѣхъ проезжающихъ выходя изъ экипажей и поклонялся образу короля, хотѣвшаго устроить благосостояніе своихъ подданныхъ до того, чтобы каждый изъ нихъ могъ ѣсть курицу въ супѣ (la poule au pot); но въ продолженіе мятежей пошъ же народъ разрушилъ и лжкъ обожяемаго имъ государя. По возвращеніи Людовика XVIII на престолъ, онъ отдалъ повелѣніе о возстановленіи всѣхъ памятниковъ на прежнихъ ихъ мѣстахъ. Въ слѣдствіе этого повелѣнія и добровольныхъ пожертвованій, вылита изъ бронзы липейщи-

комъ *Лемотомб*, по модели *Ромьера* (Rognier), и поставлена въ 1817 году на означенномъ мѣстѣ спашуя добраго короля Генриха. Въ двухъ барельефахъ, украшающихъ пьедесталь, изображены двѣ примѣчательнѣйшія эпохи изъ его жизни: вшествіе его въ Парижъ и дозволеніе провозити въ него съѣстные припасы въ то время, когда онъ еще былъ въ осаждѣ.

Конь Генриха IV представленъ въ покойномъ движеніи, а конь Людовика XIV на дыбахъ и въ одно изъ тѣхъ мгновеній, когда сей государь, держа въ правой рукѣ свой маршальскій жезлъ, отдаешъ какое-то важное приказаніе. Эта послѣдняя спашуя вылита также изъ бронзы, по модели *Бозіо*, и поставлена на площади Побѣды (Place des Victoires) въ 1822 году. Людовикъ одѣтъ въ Римскую ногу, а голова его покрыта огромнымъ парикомъ XVII столѣтія. Привычка Французовъ къ парикамъ, вышедшимъ изъ моды только со времени революціи, сполько еще сильна, что они нисколько не подозреваютъ несообразности ихъ съ Римскимъ одѣніемъ. Знакомы особенно удивляются въ

эпоми памятникъ красотѣ формъ коня, соразмѣрности всѣхъ частей его и гармонической совокупности всего цѣлаго. Вся эта масса бронзы держится на двухъ заднихъ ногахъ и на хвостѣ коня. Художникъ имѣлъ здѣсь въ виду монументъ Петра I, но все это усидіе есть только слабое подражаніе неподражаемому творенію Фальконеша.

Вандомская колонна, получившая свое имя отъ площади, на которой она воздвигнута, безспорно должна занимать первое мѣсто между памятниками Парижа. Подобно колоннѣ Антониновой, она вся обита барельефами, вылитыми изъ пушекъ, взятыхъ у Австрийцевъ въ продолженіе кампаніи 1805 года. Всѣхъ барельефовъ, на которыхъ изображены дѣйствія этой войны, числомъ 276, и всѣ они сплочены и расположены виннообразно, восходя съ низу въ верхъ. Колонна оканчивается галлереею и куполомъ, на которомъ развѣвается бѣлый флагъ. Въ галлереею есть входъ по внутренней лѣстницѣ. Подножіе колонны есть квадратное, и на каждой сторонѣ его представлены также въ барельефахъ профетъ или разнаго рода

вооруженія. Вокругъ колонны надъ подножіемъ виситъ огромный бронзовый вѣнокъ, поддерживаемый на всѣхъ четырехъ углахъ одноглавыми орлами. Въ сооруженіи этой колонны участвовали архитекторы Леперъ и Гондуенъ, скульпторъ Денонъ, рисовщикъ Бержеретъ, липейный мастеръ Делонга и рѣщикъ Реймондъ. Она имѣетъ, вѣспѣ съ подножіемъ, 155 футовъ высоты и 22 фута въ поперечникѣ. На помѣ мѣспѣ, гдѣ размѣщается нынѣ флагъ, прежде стояла статуя Наполеона; въ 1814 году Французы изъявляли свое желаніе замѣнить ее изваяніемъ Императора Александра, но Императоръ на это не согласился. Не знаешь, чему болѣе удивляешься въ этомъ великомъ Государѣ: необыкновенной ли умѣренности Его, какъ побѣдителя, или необыкновенной прозорливости, какъ политика, сколько хорошо знавшаго характеръ Французскаго народа. Подобную умѣренность показалъ Александръ при другихъ предложеніяхъ. Французы просили у него дозволенія назвать его именемъ одну изъ лучшихъ улицъ Парижа, идущую отъ Вандемской площади на бульвары; но

Императоръ отвѣчалъ имъ: „Пусть она называется улицею Мира Rue de la Paix,“ и эпо миа остаешся при ней доселѣ. Они просили также дозволенія разрушить Аустерлицкій мостъ, построенный Наполеономъ въ память побѣды, одержанной имъ при Аустерлицѣ надъ войсками Австрійскими и Русскими; но побѣдитель Франціи отвѣчалъ: „Лучше напишите на эпозъ мосту, что въ 1814 году Императоръ Александръ прошелъ по немъ съ своими войсками;“ и эпозъ высокій отвѣтъ испорія напишешъ на своихъ скрижаляхъ золошными буквами.

Въ память пребыванія Императора Александра въ Парижѣ выбита здѣсь медаль. На лицевой ея споронѣ изображенъ Государь въ лавровомъ вѣнкѣ; на задней споронѣ, подъ сѣнію лавроваго дерева крылатый геній (побѣда или слава), сидя на камнѣ, пишешъ грифелемъ на доскѣ слѣдующія слова: „Séjour d'Alexandre à Paris“ (пребываніе Александра въ Парижѣ).

Достойно замѣчанія, что нынѣшній король иначе не выѣзжаешъ изъ дворца, какъ

въ сопровожденіи цѣлаго эскадрона ; между
тѣмъ какъ Императоръ Александръ въ
продолженіе своего пребыванія въ этомъ
городѣ, для него чуждомъ и за нѣсколько
недѣль или дней бывшемъ ему враждебнымъ,
являлся всегда безъ шлохранищелей и безъ
свишты, сопровождаемый одними восклицані-
ями народа, съ неперпѣніемъ желавшаго
насладиться его рѣчами и даже однимъ ли-
цезрѣніемъ? Какой рѣдкій даръ привлекашь
къ себѣ сердца и однимъ взглядомъ обезору-
живашь самихъ враговъ своихъ!—

ВЫПИСКА ИЗЪ ДНЕВНИКА ВЪ ПАРИЖѢ.

Роковая вѣсть о смерти Императора Александра. Жестокие морозы въ Парижѣ. Карнавалъ. Духъ настоящаго судопроизводства во Франціи. Версаль. Севрская фарфоровая фабрика. Гулянье въ Лоншанѣ. Испытаніе въ институтѣ глухонѣмыхъ. Картинная галлерей въ пользу Грековъ. Балетъ: Вулкановы сѣти. Романы Наполеоновскаго гренадера въ Елисейскихъ поляхъ.

ДЕКАБРЬ, 1825 года.

Первое извѣстіе о кончинѣ Императора Александра получено было здѣсь изъ Берлина, въ двѣнадцатый день послѣ Его смерти, — наканунѣ воскресенья, въ кошорое приготовлялся по какому-то случаю при дворѣ балъ. Немедленно разосланы были повѣстки

объ опмѣнѣ его, и всѣхъ особы, которыя ииѣюшъ приѣздъ ко двору, — въ день праздника, вмѣсто бальнаго плашья, одѣлись въ шрауръ.

Мы Русскіе узнали эту новостъ только въ воскресенье, во время обѣдни, въ Русской церкви, — и поражены были, какъ бы ударомъ грома. Миръ и пишина, водворенные Александромъ въ Европѣ, — могущество, до котораго онъ довель Россію, и наконецъ слава, какою благословиль Его Небесный Промысль и какою никпо изъ смертныхъ никогда не вѣнчался, — все это уже давно заспавило насъ забытъ, что онъ долженъ умереть, какъ и всякой человекъ; и вся эта надежда, эта вѣра наша вдругъ рушилась и разсыпалась, какъ пріятный, быстролетный сонъ.

Послѣ обѣдни я зашелъ въ одну изъ библиотекъ новоспей; Парижане, прошивъ обыкновенія своего, не сидѣли и не читали, а спояли группами посреди залы, — пасмурные, задумчивые; только изрѣдка слышно было имя Александра.

Прежде всего попалась мнѣ одна изъ краснорѣчивѣйшихъ спашей, написанная Шато-брианомъ и уже оппечатанная не помню въ какой газетѣ. Лишь только я началъ читать ее, слезы брызнули изъ глазъ моихъ. Одинъ изъ Французовъ, проходя мимо меня и замѣтивъ, что я закрываюсь, спросилъ тихо: „Вы вѣрно Русскіе?“ Вы угадали, опъчалъ я отрывисто. „Плачьте, продолжалъ онъ; вы имѣете причину плакать, не скрываясь; мы искренне раздѣляемъ вашу горестъ.“ Я поблагодарилъ добраго Француза, и не желая обратитъ на себя вниманіе прочихъ, немедленно оставилъ библіотеку.

По полученіи официальнаго извѣстія по-сольствомъ нашимъ о кончинѣ Императора, намъ разосланы были пошчасъ повѣстки о имѣющей быть панихидѣ. Въ назначенный часъ церковь наполнилась какъ Русскими, такъ и Французами. Она вся обитна была черными сукномъ и освѣщена тусклымъ сіяніемъ свѣчъ. Печальный обрядъ начался Литургіею. Тихое служеніе священника, унылый напѣвъ пѣвчихъ и гармоническій, превосходно выполненный шремъ голосами, кон-

церить изъ извѣстнаго списка Давидова : „Господи! скажи кончину мою и число дней моихъ,“ — все это волновало душу и разди- рало сердце. Но когда началось пѣніе самой паннихиды и раздались возгласы о успокоеніи души Того, Кому въ молитвахъ своихъ мы привыкли доселѣ испрашивать благоден- ственное житіе и здравіе; тогда настала общій плачь, превратившійся наконецъ въ рыданія. Всѣ плакали, — мы о своемъ опцѣ, Французы объ одномъ изъ великодушнѣйшихъ своихъ побѣдителей и благодѣтелей.

Смерть великаго Государя заставила умолкнуть самую зависть и соединила пе- редъ Его гробомъ всѣ партіи; всѣ, — не ис- ключая и либераловъ, какъ бы опомнив- шись, отдали ему въ журналахъ послѣдній долгъ справедливости, раскаянія, призна- тельности и благословеній.

Споръ, возникшій между двумя порфиро- родными Братьями, не о томъ, кто имѣетъ болѣе права на вѣнецъ Имперіи, вмѣщающій въ себѣ полсвѣща, а о томъ, кто имѣетъ болѣе права быть подданнымъ, — споръ небывалый и безпримѣрный въ лѣпоци-

сяхъ исторіи, — изумилъ Парижъ и всю Францію.

Извѣстія, получаемыя изъ Германіи и сообщаемыя въ журналахъ, наконецъ успокоили насъ совершенно и удостовѣрили, что Небесный Промыслъ, изливающій на новаго своего Помазанника дары мудрости, правосудія и мужества, скрываетъ въ этихъ дарахъ залогъ благоденствія, могущества и славы Россіи.

ЯНВАРЬ, 1826 года.

Въ первыхъ числахъ Января н. с. выпалъ здѣсь снѣгъ; въ слѣдъ за тѣмъ, въ теченіи двухъ недѣль, морозы постоянно продолжались отъ 12 до 15 градусовъ. Дома не снабжены ни печами, ни двойными стеклами; камни ни сколько не нагреваютъ

комнатъ. Ночью, въ постели, надобно было одѣваться во крайней мѣрѣ двумя толстыми шерстяными одѣлами и закрывать ими всю голову. Къ утру, на верхнемъ одѣлѣ, отъ дыханія образовался всякой разъ ледь.

Въ окрестностяхъ Парижа, на дорогахъ, находили замерзшія шѣла пѣшеходцевъ. Въ этой гибели виноватъ не столько морозъ, какъ сами жители, не принимающіе прошивъ него никакихъ предосторожностей. Они во все продолженіе осени и зимы, остаются большею частію въ однихъ серпучкахъ или курткахъ, п. е. въ помъ же плащѣ, которое носятъ весною и лѣтомъ. Это едвали въ состояніи перенести и мы Русскіе, рожденные на снѣгахъ и укрѣпленные вьюгами,—и въ особенности мы, мирные граждане Россіи. И послѣ этого Французы все еще продолжаютъ упорствовать въ мнѣніи, будто бы ихъ большая армія истреблена одними нашими морозами!

Ф Е В Р А Л Ъ.

7, 8 и 9 числа н. с. былъ *карнавалъ*. Онъ начался процессіею мясниковъ, провождавшихъ по улицѣ Сентъ-Оноре большого бѣлаго вола, распещренного разноцвѣтными лентами. Дойдя до Тюльерійскаго дворца и получивъ отъ короля даръ, они отправилась обратно съ тѣмъ же воломъ въ свои бойни. Въ продолженіе всѣхъ шрехъ дней, съ 1 часа по полудни до самой ночи, всѣ бульвары и прилегающія къ нимъ улицы наполнены были народомъ и экипажами. Кареты внутри и снаружи набишы были маскированными, которые кривлялись, говорили рѣчи, пѣли, ревѣли, блеяли, мяукали.

М А Р Т Ъ.

1-го числа издашеть коммерческой газеты за смѣлыя выраженія прошивъ палаты депутатовъ былъ приговоренъ просидѣть въ шюртъмъ одинъ мѣсяцъ и заплашеть шптрафу 100 франковъ. Достоинъ примѣчанія духъ настоящаго судопроизводства во Франціи: смѣлыя выраженія, сказанныя прошивъ палаты депутатовъ, почишаюся преступленіемъ; а шѣже самыя выраженія, сказанныя прошивъ палаты перовъ и прошивъ короля, не вмѣняюся даже и въ проснупокъ; за нихъ не шптрафуюшъ, не судяшъ и къ суду не зовушъ.

9-го мы были въ *Версали*, ошстоящей оупъ Парижа на 20 верстѣ. Въ залахъ дворца и въ церкви ешъ прекрасныя картины Павла Веронеза и фрески Лебрюна и Лемуана; въ оперной залѣ, нѣкогда шумной и великолѣпной, нынѣ совершенное запусшѣніе. Въ боль-

шомъ Трианонъ показывается собраніе анпиковъ и пошель знаменитой Меншенонъ. Въ маломъ Трианонъ аллея и тропы сада, прудъ, храмъ Венеры и деревенскіе домики предспавляютъ прекрасную картину. Въ паркѣ дворцовомъ, котораго устройство принадлежитъ знаменитому Ленопру, фонтаны съ группами Аполлона и Нептуна великолѣпны. Въ оранжереѣ есть множество сполѣпныхъ деревьевъ всѣхъ частей свѣта и между прочимъ чепырехъ-сотъ-лѣпнее померанцовое дерево, извѣспное подъ именемъ *великаго Бурбона* (le grand Bourbon). Въ 1530 году, когда оно перешло въ королевскую оранжерею изъ одной частной описанной въ казну, ему было уже болѣе 100 лѣпъ; со всѣмъ шѣмъ оно еще во всей своей красѣ и силѣ.

16-го мы ѣздили осматривать *Северскую фабрику*, въ сопровожденіи г. Одуана, профессора минералогіи въ королевскомъ ботаническомъ саду. Начиная отъ фарфоровой земли, онъ показывалъ и объяснял намъ всѣ процессы фабрики: фарфоровую муку, способъ ея заквашиванія, работу на спанкахъ,

обжиганіе, составленіе красокъ и производсво живописи. Въ магазинѣ есть одна ваза въ 27,000 франковъ; другая, на которой изображенъ Гомеръ у горшечника, въ 25,000; — претья круглая съ аллегорическими изображеніями органовъ чувствъ въ 20,000.

22, 23 и 24 числа было гулянье въ поляхъ Елисейскихъ и въ Лоншанѣ. Спеченіе народа большое и при ряда экипажей. Средній рядъ исключительно назначенъ для посланниковъ, для придворныхъ и для почешнаго Французскаго дворянства, такъ какъ, за сорокъ лѣтъ передъ симъ размежеваны были наши большія дороги. У насъ это размежеваніе не имѣло успѣха; наши дворяне вскорѣ принуждены были смѣшаться съ простолюдинами, оставивъ свою полосу, поросшую подорожникомъ, на приволье прогоняемымъ по дорогамъ гуршамъ; въ Парижѣ напрошивъ годъ отъ году средняя линія гулянья становилась полиѣе, потому что число дворянъ умножается безпрестанно какъ возвращеніемъ во Францію эмигрантовъ, такъ и новыми производсвами. Эмигрантамъ, въ вознагражденіе претерпѣнныхъ

ими во время революціи поперъ, ассигнованы опть казны огромныя суммы, и сверхъ того, для большаго облегченія ихъ, удвоены и даже утроены штабы по всей арміи; такъ что, при нынѣшнемъ составѣ войска, каждое штабъ и оберъ-офицерское мѣсто занимается тремя офицерами, т. е. однимъ налицо и двумя заштабными, большею частью безъ всякихъ заслугъ и способностей, но съ полными окладами. Не нужно пояснять, какія чувства возбуждаютъ въ народѣ всѣ эти нововведенія (не исключая и геральдическаго этикета на гуляньяхъ), — столь мало согласныя съ духомъ конспиративной харпій.

30-го были мы на испытаніи учениковъ миссионерскаго глухо-нѣмыхъ. Эпохъ миссионерства, основанный аббатомъ Де л'Эпе и прославленный достойнымъ его преемникомъ аббатомъ Сикаромъ, нынѣ находится въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Метода ученія глухо-нѣмыхъ, будучи согласована съ главными началами психологіи, основана вся на постепенномъ и систематическомъ развитіи ихъ способностей. Обыкновенно пока-

зываютъ имъ сперва вещи, попомъ ихъ качества, употребляя и для выраженія ихъ сперва естественные знаки, попомъ условные. Разговариваютъ съ глухо-нѣмыми посредствомъ движенія губъ, рукъ и лица. Каждой буквѣ соотвѣтствуетъ особое образованіе пальцевъ; и эти образованія или фигуры рисуются такъ быстро, что безъ привычки никакой глазъ не успѣваетъ за ними слѣдовать. Глухо-нѣмыхъ учатъ читать, писать, арифметику, закону Божию, географіи, исторіи, основаніямъ геометріи и даже метафизикѣ. По окончаніи каждаго мѣсяца дѣлается имъ публичное испытаніе, на которомъ всѣ вопросы, предлагаемые имъ какъ отъ наставника, такъ и отъ посѣщителей, разрѣшаются почти всегда самымъ удовлетворительнымъ образомъ. Что здѣсь нѣтъ никакого подлога, мы удостоверились вполне оповѣщаніемъ ихъ на собственные наши вопросы, предложенные нами на письмѣ. Одинъ изъ этихъ вопросовъ заключалъ въ себѣ слѣдующій смыслъ: „Какое чувство должно преимущественно одушевлять глухо-нѣмыхъ воспитанниковъ.“ По прѣчтеніи этихъ спровъ

вопрошаемый глухонѣмой, повидному, сначала очень затруднился. На лицѣ и въ глазахъ его видны были все усміе и работа ума. Помошь вдругъ лице его прояснилось; онъ схватилъ мѣлъ и началъ писать на доскѣ: „C'est celui de la reconnaissance aux grands „hommes qui sont parvenus à nous rendre à la „société et à nous donner une majestueuse idée „de l'Être Suprême etc...“ „Чувство признательности къ тѣмъ великимъ людямъ, которые своими усиліями возвратили насъ обществу и дали намъ величественное понятіе о Существѣ Высочайшемъ и пр...“ Признаюсь, читая этушь умилительную описаніе, вылившійся прямо изъ чистаго и невиннаго сердца, я не могъ удержаться отъ слезъ; поже самое дѣйствіе онъ произвелъ почти и на всѣхъ присутствовавшихъ.

Послѣ сего испытанія мы осматривали шокарныя и разныя механическія издѣлія глухонѣмыхъ: ибо, по уставу инспитуса, каждый глухонѣмый обязанъ еще учиться шокарному искусству и какому нибудь ремеслу, по собственному его выбору, для обезпеченія будущаго своего состоянія.

М А Й

Въ пользу Грековъ открыта особая картинная галлерей, состоящая большею частью изъ новыхъ произведеній Французской школы. Въ ней между прочимъ выставлена новая картина Давидова, представляющая прехъ Грацій; Граціи вѣроятно писаны съ натуры Голландокъ, но съ натуры грубой и тяжелой.

Въ *Панорамѣ* нынѣ показывается прекрасный видъ Ріо-Джанейро; въ *Косморамѣ* виды Термопилъ, Аона, Аѳинъ и Миссолунги; въ *Диорамѣ* окрестности Парижа и развалины или внутренность монастыря Сент-Вадриля; оба сіи вида, изъ которыхъ послѣдній оживленъ движеніемъ листьевъ на деревьяхъ и порывами вѣтра, суть произведенія художника Буфона. Для рѣзвы кспати упомянушь здѣсь и о *Жеорамѣ* или Георамѣ. Это въ большомъ размѣрѣ ландшафты, обращенныя

лицемъ къ центру земному, занимаемому обыкновенно зрителемъ.

Новый балетъ *Вулкановы* същи начинаешся рожденіемъ Венеры. Въ шу минушу, какъ она является изъ морской пѣны, приходитъ въ движеніе цѣлая вселенная. Боги Олимпа, земли, океана и даже шаршара, всѣ съшнашъ видѣшъ небывалое въ мірѣ чудо: богию красоны. Эша минуша торжественна; дѣйствіе машинъ споль многосложно, и вмѣспѣ споль быспро, чисте и исправно, что глаза разбѣгающся невольню, съ верху въ низъ, съ низу шо въ одну, шо въ другую сторону. Главная декорация этой сцены или мѣсто дѣйствія списано съ Женевскаго озера и его окрестностей; художникъ опчаспи правъ, пошому что видъ сего озера такъ прекрасенъ и величественъ, что едвали можно замѣнить его какимъ либо фантасмическимъ. Вулкановы кузнецы, Олимпъ съ богами и сонъ шакже превосходно предшавлены. Дѣвица Нобле играетъ Венеру, Моншессю Флору, Жюлія Терпсихору, шанцовщикъ Поль Зефира. Декорации этого балеша стоили 180,000 франковъ; но онѣ скоро окупашся;

охотниковъ видѣшь выходящую изъ пѣны Венеру такъ много, что, несмотря на безпрерывныя представленія, недоспаешь бжлешовъ.

І Ю Н Ъ.

Теперь (лѣпомъ) всѣ гуляютъ въ Ботаническомъ саду, въ Тиволи, въ предмѣстіяхъ, въ Елисейскихъ поляхъ, въ Болонскомъ лѣсу и другихъ окрестностяхъ. Все ищетъ свою прелестъ на своемъ полюбившемся и въ свое время; лѣпомъ я люблю лучше проводить вечера въ поляхъ Елисейскихъ, нежели въ театрахъ, и слушаешь лучше романсы Французскіе, нежели серенады бродящихъ пѣвцевъ и пѣвицъ Заальпійскихъ. Эти серенады увлекаютъ подъ роскошное небо Италіи; а я хочу спать здѣсь, подъ густыми вѣтвями каштановыхъ деревьевъ, чтобы видѣшь передъ собою природу дѣй-

спивительную: Парижанъ и Парижанокъ, вупцовъ, чиновниковъ, воиновъ и эту руну Наполеоновой гвардіи,—высокаго, смуглаго и усаспаго вешерана. Вопъ онъ опкрываетъ свои сѣдны, кладетъ фуражку къ ногамъ и гуспымъ дрожащимъ басомъ начинаетъ пѣть о своихъ походахъ, о биввахъ, о ранахъ и судьбѣ, его постигнувшей; побѣда его оставила; опечество его опвергло; любовь и дружба ему измѣнили; онъ опспался безъ крова, безъ приюта. Таково содержаніе романовъ одного спараго гренадера, собирающаго вокругъ себя шолпы въ поляхъ Елисейскихъ. Не мое дѣло судить, хорошо или худо дѣлаетъ правительство Французское, оставляя безъ прирѣнія всѣхъ, уцѣлѣвшихъ опрѣ Наполеоновыхъ армій, вешерановъ. Нѣтъ сомнѣнія, что они, по преданности своей къ Наполеону и его фамилии, не могутъ быть вѣрными королю ни въ какой службѣ: но съ другой стороны нельзя не предвидѣть, что рано или поздно жалобныя ихъ пѣсни найдутъ опгосокъ во многихъ сердцахъ.

ЛОНДОНЪ, 1826 года *Юля*...

Английскій таможенный уставъ. Устройство дилижансовъ и дорогъ. Видъ Лондона. Прогулка по Лондону. Пространство его и населенность. Два противоположныя начала въ государственномъ управленіи. Монополия помѣщиковъ. Тщеславіе и скупость богачей. Страсть Англичанъ выказывать себя чужаками. Направленіе просвѣщенія въ Англии. Успѣхи въ механическихъ художествахъ. Моды Английскихъ дамъ, дѣвицъ и мушкетъ. Опрятность въ платьѣ, въ содержаніи домовъ и улицъ.

Ушомленный и почти измученный впечатлѣніями предметовъ хорошихъ и худыхъ, полезныхъ и вредныхъ, пріятныхъ и безобразныхъ, — всего того, что можетъ служить свѣдомъ для ума, образцомъ для вкуса и предостереженіемъ или урокомъ для жизни, — наконецъ я оставилъ Парижъ 2 Юля, въ особенно веселомъ расположеніи духа. Общество наше въ дилижансѣ примѣрно ладило; и, можетъ быть, именно отъ того, что оно соспавлено было изъ стихій, опредѣлено одна другой прошивоборствующихъ. Изъ легкаго,

какъ воздухъ, Француза, изъ холоднаго, какъ вода, Англичанина, изъ тяжелаго сына земли—Нѣмца и изъ пламеннаго, какъ огонь, Русскаго. Мы всѣ осправлялись въ Лондонъ, исключая Нѣмца. „Я не люблю моря“, сказалъ послѣдній, распаваясь съ нами въ Булони; Англичанинъ, перекрестивъ его, прочиталъ прощажно: „Земля еси и въ землю пойдеши.“

Въ *Кале*, до котораго отъ Парижа считается 260 верстъ и 32 почты, мы приѣхали 3 числа въ 6 часовъ вечера. На другой день, въ 8 часовъ утра, мы осправились на пароходъ и черезъ 2½ часа были уже въ *Дуарбъ*. Здѣсь съ самаго пачала дали мнѣ почувствовать, что я нахожусь въ такой сырнѣ, гдѣ право ѣсть, пить, чистать и даже дышать цѣнился вѣсомъ золота. Лишь только я успѣлъ расплашиться въ гостинницѣ и гоповидся съѣсть въ дилижансѣ, мнѣ подали изъ шаможни записку, кою порою пребывалось съ меня около 20 шиллинговъ за право ввоза книгъ, бывшихъ въ моемъ чемоданѣ. Я не имѣлъ нужды въ этихъ книгахъ и предлагалъ оставитъ ихъ въ шаможнѣ до моего

возвращенія изъ Лондона, но мнѣ оповѣчали, что означенная сумма уже внесена въ приходную таможенную книгу. Существуетъ ли въ Англии законъ навязывать путешественникамъ подобныя права пропивъ ихъ воли, или штрафовать ихъ за незнаніе Англійскихъ законовъ, не предваря о ихъ существованіи, — разбирашь было поздно; дилижансъ уже споялъ на дорогѣ.

Отъ Дувра до Лондона счищается спанцій 10, Англійскихъ миль 71, что равняется 106½ нашимъ верстамъ. На счетъ устройсва дилижансовъ нельзя не отдать справедливости Англичанамъ: карета покойная и легкая; лошади спашныя; сбруя красивая; ѣзда скорая; на перемѣну лошадей употребляется не болѣе двухъ или пяти минутъ. Дорога, не булыжникомъ покрытая и ухашиваемая экипажами, какъ во Франціи и Германіи, а уже ухапанная и гладкая, какъ шокъ, идетъ по возвышенностямъ и равнинамъ, по полямъ, оплочно воздѣланнымъ, — мимо фермъ, украшенныхъ садами, — черезъ города Кеншербури, Рочесперь и наконецъ по берегу Темзы, одушевленной движеніемъ кораблей, бѣгу-

щихъ въ верхъ и въ низъ на распущенныхъ парусахъ, подъ разноцвѣтными флагами.

Мы прѣхали въ Лондонъ 5 числа въ 6 часовъ утра, когда правый берегъ Темзы, низкій и ровный еще покрытъ былъ туманами, а весь лѣвый, уже облипый лучами восходящаго солнца, представлялъ песпрую, сплошную и безконечную полосу зданій, простирающуюся отъ запада къ востоку и восходящую отъ рѣки къ сѣверу. Надъ эшимъ амфитеатромъ господствуютъ великолѣпный соборъ Святаго Павла, монументъ, крѣпость и около 30 храмовъ съ шпицами, похожими на стрѣлы, успремленные къ небу.

Успроивъ мою кварширу во Французской гостинницѣ Жонне (de Jaunay) на Лейчесперской площади (Leicester-square), прежде всего я хотѣлъ ознакомиться съ наружностію Брипанской столицы и ея жителей. Эпотъ бѣглый взглядъ на города въ сущности своей есть только первый актъ полнаго зрѣлица; но, подобно многимъ путешественникамъ, не имѣя средствъ и времени слѣдовать за полнымъ ходомъ драмы, я довольствуюсь однимъ ея началомъ; полагая, что

на театрѣ политическомъ, какъ и во всѣхъ художественныхъ, можно по первымъ сценамъ составить себѣ болѣе или менѣе вѣрное понятіе объ общихъ чертахъ главныхъ актеровъ.

Лондонъ можно раздѣлить на пять главныхъ частей, оплечающихся между собою наружноспію, составомъ и назначеніемъ. Первою изъ нихъ назовемъ самую верхнюю по теченію рѣки, — *Вестминстерскую*. Она состоитъ изъ шарыхъ излучистыхъ улицъ, окруженныхъ обширными пустырями, и заключаетъ въ себѣ обѣ камеры парламента, большую часть присутственныхъ мѣстъ и контору для иностранцевъ Alien-office. Впоярая, простирающаяся отъ Вестминстерской на сѣверъ и отъ всѣхъ прочихъ на западъ, известна подъ именемъ *Западной West end*. Въ ней находятся Сенсъ-Джемскій и другіе дворцы, дома посланниковъ, лордовъ и богатыхъ негоціантовъ, театры и модные магазины. Она окружена парками и имѣетъ много площадей съ садами (Squares); расположеніе улицъ довольно правильное. *Улица Регента* съ превосходною мостовою и широ-

кими прошеуарами естъ одна изъ первыхъ въ Лондонѣ; а полукруглый поворотъ ея или такъ называемый *Quadrant*, состоящій изъ 140 огромныхъ липыхъ колоннъ, составляетъ единственную въ своемъ родѣ колоннаду во всей Европѣ. Третья часть города, называемая собственно подъ именемъ *City* или городища, простирается отъ Веспингсберской, внизъ по теченію Темзы, до башни или древней Лондонской крѣпости *Tower of London*. Эту часть можно назвать мѣстомъ склады всѣхъ предметовъ внутренней и вишней торговли. Промышленность и дѣятельность купечества кипитъ въ ней съ утра до вечера. Въ знаменитой ея биржѣ, можно сказать, продаются съ молотка всѣ близкія и отдаленныя части свѣта, не исключая и Англіи. Вблизи биржи находящійся Англійскій банкъ, всѣ частныя банки и магазины. Главнѣйшія улицы *Strand*, *Fleet* и другія, проходящія мимо великолѣпнѣйшаго храма Св. Павла, составляютъ непрерывную цѣпь блестящихъ и роскошныхъ лавокъ, на пространствѣ нѣсколькихъ миль. Четвертая и, по теченію Темзы, самая низкая

часть города вся покрыта лѣсомъ кораблей. Она заключаетъ въ себѣ, на пространствѣ чепырехъ миль длины, приспань Лондонскую, бассейны или доки (docks) Вест-Индскій, Лондонскій и Остъ-Индскій, въ кошорыхъ корабли непрерывно выгружаются, починиваются и снова нагружаются. Пятая часть *Southwark* и весь южный берегъ Темзы загромождены фабриками желѣзо-плавильными, стеклянными, мыловарными, красильными, шляпными и п. п. Улицы ея грязны; воздухъ зараженъ смрадомъ. Надъ домами носятся вѣчныя облака дыма. Противуположная сей послѣдней, вновь спроектирующаяся на сѣверѣ, есть самая красивая и самая здоровая часть города. Она вся состоитъ изъ квадратовъ, образующихъ родъ шахматна и пересѣкается двумя улицами, идущими во всю длину ея отъ запада къ востоку *Паддингтоноулъ* и *Оксфордскою*, соединяющеюся съ *Гольборноулъ*. Регенпозъ циркъ и паркъ вдаются въ нее заливомъ со стороны сѣвера; на приличныхъ разстояніяхъ усроены квадратныя и круглыя скверы или площади съ садами. Сады обыкновенно обнесены же-

лѣною вызолоченною рѣшеткою и украшенны внутри или памятниками или проспектами. Улицы всѣ правильныя, широкія, съ кирпичными пропуарами; дома выстроены изъ кирпича и некрашеные; кирпичный цвѣтъ съ клѣпчатými фигурами даетъ имъ видъ Готическій.

Самая большая длина Лондона отъ запада къ востоку простирается на $7\frac{1}{2}$ миль, ширина отъ сѣвера къ югу на 5 миль; въ окружности имѣетъ онъ около 30 миль; а въ площади до 18 квадратныхъ миль, включая въ это число и русло Темзы, занимающей 7 миль въ длину и около $\frac{1}{4}$ мили въ ширину.

По исчисленію г. Лейга (Leigh), авторъ книги *Nouveau tableau de Londres*, Лондонъ содержитъ нынѣ 70 скверъ, 8,000 улицъ и переулковъ, 160,000 домовъ, 1,100,000 жителей и около 200,000 гостей иностранныхъ и иностранцевъ (*).

Изъ всѣхъ этихъ цифръ видно, что своимъ пространствомъ Лондонъ не уступаетъ

(*) По ведомостямъ 1831 года Лондонъ имѣетъ 174,000 домовъ и 1,474,000 жителей.

даже Москвѣ, — по народонаселенію, превышаетъ болѣе, нежели прешью, Парижъ, — по движенію торговли, можно назвать его всемірнымъ базаромъ, — гаванью Европы, имѣющею прямыя сношенія со всеми частями свѣта.

Въ мірѣ политическомъ, какъ и въ нравственномъ, есть два начала: доброе и злое. Въ первомъ скрывается источникъ благоденствія, во второмъ источникъ алополучія народовъ. Первое состоитъ въ спрогой, безкорыстной подчиненности; второе въ безусловномъ, мнимомъ равенствѣ или брапствѣ. Тамъ, гдѣ есть подчиненность, вмѣстѣ съ тѣмъ есть и непрерывное звено порядка гражданскаго и личной безопасности или свободы; подчиненный въ одно и тоже время покоряется высшимъ; закономъ поставленнымъ, властямъ и самъ властвуетъ по закону надъ низшими; онъ всегда подъ эгидою однихъ и служитъ щипомъ для другихъ. Тамъ, гдѣ ищутъ мнимаго равенства или брапства, недоросли брапья, не имѣющіе надъ собою никакой опеки, не имѣютъ и никакого ручательства ни въ своей

*

собственности, ни в своей жизни. Они безпрестанно мѣряются между собою силами и никто изъ нихъ не знаетъ, что случится имъ завтрашній день: мнимое господство или неволю, цѣли и эшафонъ.

Англичане держались обѣихъ началъ: безусловная подчиненность на флотѣ дала имъ первенство надъ всѣми народами на моряхъ; равенство правъ произвело въ Англіи вѣчную борьбу между классомъ рабочимъ и хозяевами, между производителями и непробителами.

Преобладаніе силы порождаетъ насиліе. Въ Азіи малое число деспотовъ, недовольствуясь лишеніемъ личныхъ правъ большинства числа ихъ рабовъ, опиниваетъ у нихъ плоть, кровь и кости отъ костей, — ихъ женъ, невестъ и дочерей; отъ того на одной сторонѣ гаремы и многоженство, на другой жизнь анахоретская, скитальческая. Въ Англіи нѣсколько тысячъ владѣльцевъ размежевали между собою всѣ земли и урочища, и нѣсколько сотенъ капиталистовъ завладѣли всѣми горами сокровищъ, оставивъ всѣхъ прочихъ безъ домовъ, безъ недви-

жиной собственности и даже без средств существования. Спросишь, прихоти и нужда произвели въ Англичанахъ общую, неутолимую жажду къ золоту, замѣнившую у нихъ всѣ благородныя порывы чести и доблестей гражданскихъ; золото сдѣлалось для всѣхъ первою потребностію жизни, первымъ пиломъ обществу, первымъ идоломъ ихъ въ роуваніи; всѣ поклонились золотому шельцу.

Изобиліе Англіійскихъ богачей почти всегда сопровождается ихъ щеславіемъ или скупосцію. Тщеславіе есть слабосць лордовъ, владѣльцевъ помѣстій; они щедрими руками сыплютъ золото, споль легко добытое ими опъ отдаваемыхъ въ наемъ полей и угодій. Скупосць есть недугъ капиталистовъ, приобретающихъ сокровища трудами рукъ своихъ или неусыпною работою ума своего. Можешь бышь, ни у одного образованнаго народа нельзя найти такихъ образцовъ скупосци, какіе встрѣчаются въ Англіи. Здѣсь не рѣдки случаи, что богачи миліонщики играютъ роль нищихъ во всю жизнь свою, испощая себя голодомъ и холодомъ, единственно для того,

чтобы не имѣшь несчастія видѣшь почтапы-
ни свои полные сундуки или чтобы эпоною
ролью опвеспи опъ себя зоркіе глаза мо-
шенниковъ и воровъ.

Нигдѣ нѣшь такого множества чуда-
ковъ какъ между Англичанами; но не-
льзя не примѣшшишь, что большая часть ихъ
спранностей происходишь не сполько опъ
ихъ флегматическаго сложенія, сполько опъ
мѣлочнаго желанія обращать на себя вни-
маніе другихъ. Когда мнѣ случалось встрѣ-
чашь,—а встрѣчи эпи не рѣдки на твердой
землѣ, и особливо въ Швейцаріи и Испаніи,—
двухъ идущихъ рядомъ дженплеменовъ, од-
ного въ длинномъ фракѣ съ коралковымъ ли-
фомъ, въ шахматныхъ шароварахъ, и въ ни-
веньной дѣпской шляпкѣ,—другаго въ наря-
дѣ жокея, въ сапогахъ съ опворопами и въ
шляпѣ длиннополой, имѣющей по крайней
мѣрѣ около аршина въ поперешникѣ; мнѣ
всегда приходило на память изрѣченіе Гре-
ческаго философа: „Сквозъ эпи лохмощья ва-
ши я вижу ваше щеславіе.“

Ходъ просвѣщенія въ Англіи соразмѣряет-
ся съ господствующею спраснію Англичанъ

къ приобръшеніямъ. У нихъ науки не цѣль духовная, а только средства жизни матеріальной; и опъ того ихъ умственныя способности не достигли ни въ чемъ такого развитія, какъ въ химіи, математикѣ и механикѣ. Химія открыла имъ способы составлѣнныя самыя прочныя краски для ихъ жидѣлій, замѣняющыя горючія вещества газами, превращающыя неблагородныя металлы въ благородныя. Математика приучила ихъ умъ къ смѣсливости, гибкости и дальновидности, споль необходимымъ въ коммерческихъ оборотахъ; механика открыла имъ шайну замѣняющыя тысячи рукъ и часовъ одною машиною и нѣсколькими минушами. Въ механическихъ художествахъ ни одинъ народъ въ Европѣ не можетъ соперничать съ Англичанами. Самыя швердыя вещества пѣающыя на ихъ машинахъ, какъ воскъ; самыя грубыя спановѣются нѣжными; наши пенька и ленъ превращаются въ тончайшія полотна и башисты, вѣпоши въ воздушную бумагу, пепель и песокъ въ хрустальное стекло, стекло въ пеньку и ленъ. Я имѣю мошокъ этого льна, похожаго на паушину и блестящаго,

сдѣланнаго при мнѣ въ насперской г. Фанна (въ Регеншовой улицѣ). Самые просныя снаряды, — мѣхъ и шруба или насосъ, направляющъ огонь ночника на стекло, расширявающъ его въ нѣсколько минутъ и дающъ формы мѣжнѣйшихъ пшицъ и расщѣній, со всѣми оплывами цвѣтовъ, жилокъ и плевъ.

Во Франціи и Россіи самымъ ремесламъ стараются дать назначеніе изящно-художественное, напр. Гобеленовымъ тканьямъ: въ Англіи запрошивъ изыскиваютъ способы производить живопись и рисованіе посредствомъ машинъ; въ Лондонѣ есть автомашъ-художникъ, весьма вѣрно снимающій абрисы со всякаго лица.

Нигдѣ съ такимъ искусствомъ не поддѣлываютъ зубовъ, глазъ и другихъ пошеряныхъ частей тѣла, какъ въ Англіи. Известенъ анекдотъ, какъ одинъ путешественникъ, возвращавшійся изъ Лондона, остановился въ гостинницѣ и ложась въ постель, приказалъ служишело гостинницы опвинишишь ему сперва ногу, потомъ руку и наконецъ, зашѣшивъ испугъ служишеля и желая надъ нимъ еще болѣе позабавишья,

сказалъ: „Ну! теперь опивши мнѣ голову;“ и просподушный слуга, принимая его за дьявола и ограждая себя крестомъ, ни живъ ни мертвъ ошъ него скрылся.

Англичанки, какъ и всѣ женщины въ Европѣ,—ревностныя жрицы моды; но въ ихъ нарядахъ приѣшно болѣе прихотей, нежели вкуса. Было время, — и оно еще у всѣхъ въ памяти, — когда знатныя дамы въ Англіи носили платье газовое, все прозрачное и сквозное; нынѣ, какъ бы послѣ общей повальной простуды, онѣ всѣ закушались по самую шею въ непроницаемыя, ситцевыя или шелковыя ткани. Прибавьте къ этому длинныя ихъ лифы, уродливыя на грудяхъ нашивки узенькія шляпки съ опущенными по бокамъ полями и въ заключеніе всего этаго мѣдныя и высокія вершка въ два подножки, копорыя въ сухую погоду онѣ носятъ въ рукахъ, а въ сырую подвязываютъ къ башмакамъ: вотъ обыкновенный костюмъ Лондонскихъ дамъ средняго класса, а опчасти и высшаго.

Дѣвицъ здѣсь держатъ по крайней мѣрѣ до 16 года въ бѣлыхъ фаршукахъ, какіе употребляютъ у насъ въ пансіонахъ; а съ эпо-

го времени ихъ одежда почти ни чѣмъ не отличалась отъ одежды замужнихъ, не исключая и нашивныхъ на грудяхъ сосковъ, столь рѣзко противурѣчущихъ цѣломудрію, скромности и приличіямъ ихъ возраста. Одна только уборка волосъ ихъ проста и прелестна; они обыкновенно завиваются въ локоны, рассыпающіеся вокругъ алебастровой шеи.

Въ мужескомъ полѣ надобно отличать негочіанцовъ отъ дженплеменовъ; первые малымъ чѣмъ разнятся отъ прочихъ Европейцевъ, послѣдніе всегда имѣютъ на себѣ или въ себѣ что нибудь особое; ихъ легко можно распознать по огромнымъ въ четверть аршина вышины галшукамъ, по длиннымъ лифамъ кафтановъ, — по выгнутому фершикомъ рукавъ, зашитымъ въ карманы или, какъ говорятъ у насъ, въ зимнія кварширы, — и особенно по разсыпанной ихъ физиономіи и вѣчно открытому рту.

Хороши или худы костюмы Англичанъ и Англичановъ, но они принадлежатъ ихъ народу, согласованы съ ихъ климатомъ и обычаями или по крайней мѣрѣ производятся ихъ изобрѣтательностію. Эта черта не

есть одно слѣдствіе безвкусія, какъ у насъ обыкновенно думаютъ; но, можешь быть, и плодъ благородной гордости и неулычливаго характера.

Опрятность Англичанъ, доходящая до щегольства и даже до пщеславія, въ Лондонѣ бросается въ глаза на каждомъ шагѣ. Она видна въ ихъ платьѣ, въ сполѣ, въ убранствѣ домовъ и даже въ содержаніи улицъ. Рубашки и споловое бѣлье перемѣняется ежедневно; комнашы убираются каждое утро; внутри покоевъ и на лѣспницахъ разосланы богатые ковры; двери на улицу изъ дубоваго или краснаго дерева съ мѣдными или бронзовыми ручками; передъ дверьми прошуары въ сырую погоду усыпаны пескомъ; улицы въ жаркіе дни поливаются непрерывно. Доспойно замѣчанія, что въ Лондонѣ, гдѣ считается 174,000 домовъ, во всѣ дома посредствомъ подземныхъ каналовъ проведена вода изъ Темзы и изъ каналовъ и въ каждомъ домѣ, какъ въ кухняхъ, спруюющихся обыкновенно въ подвалахъ, такъ и во всѣхъ мѣспахъ, гдѣ нужно, есть краны, дающіе чистую воду.

ДОСТОПРИМЪЧАТЕЛЬНОСТИ ЛОНДОНА.

СОВОРЪ Св. ПАВЛА. КОНЦЕРТЫ ВЪ СОВОРЪ. ВЕСТМИНСТЕРСКОЕ АББАТСТВО. ПЛАТА ВЪ ЦЕРКВАХЪ ЗА МѢСТА. КРЕПОСТЬ ТАУРЪ; КРОВАВАЯ БАШНЯ; Jewel office. ДОКИ ДЛЯ КОРАБЛЕЙ. КОЛОННА ВЪ ПАМЯТЬ ПОЖАРА 1666 ГОДА: ПАМЯТНИКИ ВАТЕРЛОСКОЙ ПОВЕДЫ. ВОКСАЛЬ. ВОЕННЫЕ ГОСПИТАЛИ ВЪ ГРИНВИЧЪ И ЧЕЛСЬ.

Здѣшній *Соборъ Св. Павла*, по красотѣ Греческаго стиля, почищается первымъ храмомъ послѣ Римской церкви Св. Петра. Онъ построенъ въ началѣ прошедшаго столѣтiя архитекторомъ Христофоромъ Реномъ на мѣстѣ прежняго Готическаго, разрушеннаго пожаромъ въ 1666 году; и простирается въ длину на 500 фузовъ, въ ширину на 285, въ вышину на 340. Съ 1790 года внутренность храма украшена многими

памятниками, сооруженными въ честь знаменитыхъ мужей. Примѣчательнѣйшій изъ памятниковъ принадлежитъ адмиралу *Нельсону*. Онъ предсавляетъ въ Турецкой шубѣ, опирающимся на якорь. Съ одной стороны Англія показывается его двумъ молодымъ морякамъ; съ другой стоитъ Англійскій левъ; на подножіи начертаны слѣдующіе три слова: *Копенгагенъ, Нилъ, Трафальгаръ*. Во время богослуженія, которое совершается здѣсь въ 9 часовъ утра и въ 3 часа по полудни, хоры пѣвчихъ привлекаютъ своимъ концертомъ множество народа. Въ Маѣ мѣсяцѣ, въ пользу вдовъ и сиротъ духовнаго званія, дается въ соборѣ большой концертъ, въ которомъ участвуютъ лучшіе артисты духовные и свѣтскіе, и между прочимъ хоры Вестминстерскаго аббатства и придворные. Сверхъ сего въ Іюнь, отъ 6 до 8 тысячъ дѣтей изъ приходскихъ училищъ даютъ вокальный концертъ, въ пользу бѣдныхъ.

Полагаютъ, что древняя церковь Св. Павла и церковь Св. Петра, нынѣ известная подъ именемъ Вестминстерскаго аббатства, были первыя изъ Христіанскихъ хра-

мовъ, воздвигнутыхъ въ Бришаниі во время владычества Римскаго. Догадка сія подтверждается открытіемъ, при рытіи фундамента нынѣшняго Павловскаго Собора, древнею ризницею или дарохранильницею *Presbyterium*, образующею полукруглое зданіе.

Вестминстерское аббатство многократно сползло, разрушалось и возобновлялось. Нынѣшнею пышностію Готическихъ своихъ украшеній оно обязано зодчему Рену. Это узорчатый каменный шпатель, прицѣпленный къ двумъ башнямъ и поддерживаемый внутри 48 колоннами изъ сѣраго мрамора и прекраснымъ порфиромъ, который Англичане называютъ Соломоновыми врапами. Аббатство имѣетъ много придѣловъ; изъ нихъ примѣчательнѣйшій есть *Генриха VII*. Каменный пополокъ его обремененъ различными изображеніями, стѣны украшены тонкою деревянною рѣзбою, полъ вымощенъ бѣлымъ и чернымъ мраморомъ. Въ этомъ придѣлѣ, назначенномъ исключительно для погребенія королевскихъ фамилій, находятся гробницы Генриха VII, королевы Елисаветы,

Эдуарда V, брата его Ричарда и Маргариты Дюгласъ.

Одинъ изъ придѣловъ посвященъ преимущественно поэзамъ *The Poets' corner*. Между памятниками его занимаетъ первое мѣсто гробница Шекспирова съ его изображеніемъ, держащимъ въ рукѣ свитокъ собственныхъ его стиховъ; на подножіи представлены главные лица его трагедій: Генрихъ V, Ричардъ III и королева Елисавета.

Въ зданіяхъ, принадлежащихъ аббатству, примѣчательна комната, называемая Иерусалимскою *Jerusalem chamber*, въ которой скончался Генрихъ VII. Ему предсказано было, что онъ умретъ въ Иерусалимѣ.

Всѣхъ церквей и каплицъ въ Лондонѣ: Англійскихъ болѣе 100, квакерскихъ 6, около 200 диссидентскихъ и 5 синагогъ.

О Лондонѣ поже можно сказать, что говорили о древнемъ Римѣ: *omnia venalia!*.. (все продажно). Мѣста въ церквахъ нанимаются въ годъ и по шрепямъ, также какъ и въ театрахъ; просто за входъ въ Веспминстерское аббатство платятся одинъ шиллингъ и пять пенсовъ; а за входъ въ со-

боръ Св. Павла, въ его библіошеку, въ верхнюю галлерію и колокольню, — всего около 4 шиллинговъ, ш. е. около пяти рублей.

Лондонская крѣпость *Tauэрѳ* (*Tower of London*) стоитъ на сѣверномъ берегу Темзы, въ самой нижней части города. По шремъ золотымъ медалямъ и другимъ аншикамъ, опарышымъ при рыши ея фундамента, нѣкошорые изъ аншикваріевъ заключающъ, что здѣсь была прежде крѣпость Римская. Нынѣшнія стѣны успавлены пушками и обведены ровомъ, но, по вычисленіямъ инженеровъ, онѣ могушъ держаться пропивъ канонады непріятельской не болѣе четверти часа. Тауэръ имѣешъ тройные ворота; они опворяюшся и зашворяюшся ежедневно съ болѣшею церемонією, для которой содержипся нарочно довольно значительный шпашъ.

Одна изъ здѣшнихъ башенъ называется кровавою the *Bloody Tower*; полагаюшъ, что въ ней умерщвлены малолѣтний Эдуардъ V и брашъ его Ричардъ, по повелѣнію дяди и опекуна ихъ герцога Глочестерскаго, завладѣвшаго послѣ ихъ смерти престоломъ.

Jewel office есть небольшая темная комната, в которой хранятся королевская утварь; какъ-то короны, державы, скипетры и пр. Она освѣщается только небольшою люстрой, производящею игру въ алмазахъ и другихъ драгоценныхъ камняхъ. За входъ въ нее платится около 5 шиллинговъ.

Нѣсколько ниже крѣпости находится бассейнъ или доки (docks): *Вестъ-Индскій* для 300 кораблей, *Лондонскій* для 500 и *Остъ-Индскій*, исключительно для судовъ, прибывающихъ изъ Восточной Индіи (*). Товары обыкновенно выгружаются посредствомъ желѣзныхъ блоковъ и переносятся въ близъ лежащіе магазины. Лѣсъ корабельныхъ машинъ, движеніе машинъ, шумъ и гамъ работниковъ свидѣтельствуютъ о необычайной торговой дѣятельности.

Нѣсколько выше крѣпости, противъ Лондонскаго моста, господствуетъ надъ цѣлымъ городомъ Дорическая колонна (*the Monument*), сооруженная по проекту Христофора Рена въ воспоминаніе о пожарѣ, испребившемъ Лондонъ въ 1666 году. Колонна эта считается высочайшею въ цѣломъ мірѣ;

(*) Въ 1829 году открыты еще Екатерининскіе доки.

потому что она поднимается на 202 футов высоты, между тем как Аннионна в Риме имеет только $172\frac{1}{2}$, а Вандомская в Париже не более 140 футов.

Всех мостов на Темзе семь; самый красивый из них есть недавно построенный *Ватерлоский*. В память Ватерлоской победы сооружена еще в Регеншовой улице церковь Св. Филиппа, с очень хорошим портиком, — и воздвигнута в Гидь-парке колоссальная бронзовая статуя Геркулеса, посвященная Лондонскими дамами герцогу Веллингтону и его храбрым сподвижникам. Она имеет 18, а с предстолом 36 футов высоты и вылита из пушек, взятых у Французов в сражениях при Саламанке, Виппори, Тулузе и Ватерлоо.

В *Британском музее* достопримечательно собрание окаменелостей и Египетских древностей. Здесь же находится Индийский идол *Гуламб*, поволоченный, с остроконечною шапкою, с поджатыми ногами.

British Institution и Национальная галерея заключаютъ въ себѣ множество картинъ Испаніанской и Голландской школы и весьма

малое число Англійскихъ. Въ одной частной галлерей показывается Наполеоновъ портретъ во весь ростъ, въ порфирѣ. Онъ подаренъ былъ Наполеономъ графу Сегюру, а снѣ послѣднимъ проданъ въ Англію.

19 Іюля въ день коронаціи Георгія IV былъ праздникъ въ *Воксалѣ*. Посреди сада возвышался храмъ съ открытымъ портикомъ, въ которомъ помещался оркестръ. Колонны и другія принадлежности храма унижены были разноцвѣтными огнями. Надъ куполомъ его находилась корона, — подражаніе той, копорая хранилась въ Тауэрѣ. Боковыя аллеи сада превращены были въ галлерей съ огненными сводами, коронами, гербами и знаменами. Въ залѣ Воксала даны концерты и небольшой балетъ, заключенные пѣсню: „Боже, храни Короля.“

Въ *Гринвичѣ* госпиталь мажоровъ помещается въ великолѣпномъ дворцѣ. Англійскій король Вильгельмъ III спросилъ Петра Великаго, что болѣе понравилось ему въ Англіи. „То, ошвѣчалъ Петръ, что дворецъ вашего величества походитъ на госпиталь, а госпиталь на дворецъ.“ Точно тоже можнъ ска-

запѣ и нынѣ о госпитали Гринвической, въ сравненіи ея съ дворцами Сентъ-Джемскими и прочими. Съ террасы, вдоль Темзы, видно множество кораблей и открывается почти весь Лондонъ съ прелестными его окрестностями. Архипекшуря церкви превосходна. Въ такъ называемой расписной залѣ примѣчательны модель Римскаго корабля, изображение Африки со львомъ и спашун адмирала Гове и вице-адмирала Нельсона. Подлѣ самаго города устроены обширный паркъ съ обсерваторіею, черезъ которую Англичане проводятъ первый меридіанъ.

Въ Чельсѣ есть другой военный госпиталь, *In subsidium et levamen emeritorum, senio belloque fractorum* (*), какъ сказано въ надписи на фронтонѣ. Устроено больницъ, опрятность въ комнахахъ, порядокъ въ споловыхъ, дисциплина, благочиніе и управление въ обѣихъ сѣхъ госпиталяхъ могутъ служить образцами для всѣхъ подобныхъ заведеній.

(*) Для пристанища и призванія заслуженныхъ воиновъ, удрученныхъ лѣтами и извуренныхъ войною.

ВЫПИСКА ИЗЪ ДОРОЖНОЙ КНИЖКИ.

АНГЛІЙСКІЕ Цыганы. Брюссель. Ахенъ: дворець Карла Великаго; соборная Министерская церковь; принадлежности Германской имперіи; святыни. Минеральные источники. Причины упадка Ахена. Кельнъ: причины упадка его промышленности. Соборная церковь; мощи трехъ волхвовъ; распятіе Апостола Петра, картина Рубенса. Взглядъ на Рейнъ. Кобленцъ. Майнцъ. Франкфуртъ. Люцеское поле; воспоминаніе о сраженіи съ Французами въ 1815 году. Лейпцигъ; воспоминаніе о знаменитой битвѣ 4, 6 и 7 Октября 1815 года.

Изъ Лондона я выѣхалъ въ дилижансѣ 23 Юля въ 10 $\frac{1}{2}$ часовъ утра, а въ Дувръ прибылъ въ 7 $\frac{1}{4}$ по полудни.

Подлѣ *Ротестера* мы встрѣтили Цыганскій таборъ. Здѣшніе *Цыгане*, также какъ и Русскіе, промышляютъ пляскою, музыкаю и ворожбою; бродяшъ съ одного мѣста на

другое и живутъ подь открытымъ небожъ, укрываясь ошь непогоды въ длинныхъ досчашыхъ шибшкахъ или фурахъ, похожихъ на маленькіе домики. Чашашъ и писашъ они не умъюшь и говорашъ языкомъ опличнымъ ошь Англійскаго. Полагаюшь, что первое Цыганское семейство прибыло въ Англію изъ Египша.

24 числа въ 12½ часовъ по полудни паракодъ вышелъ въ проливъ Pas de Calais ; вѣперъ поспешенно усиливался и качалъ насъ, какъ въ колыбели ; волны прыгали черезъ палубу. Въ пристань Кале мы вошли въ 5 часовъ.

Маршрутъ 25 и 26 числа во Франціи и Бельгii: *Гравелинъ, Дюнкиртенъ, Фуриъ, Остенде, Бригге, Гентъ и Аlostъ.*

27 и 28 пробылъ я въ Брюсселѣ. Лучшія зданія здѣсь соборъ, дворець, рашуца и шеапръ. Въ соборѣ ешь очень хорошія Гобелены каршины и рѣзная каеэдра, поддерживаемая Смершю и Архиспрашигомъ, поражающимъ діавола. Королевская фамилія живешъ въ здѣшнемъ дворцѣ шолько шесшь мѣсяцевъ осеннихъ и зимнихъ, а прочіе шесшь прово-

дѣшь въ Гагѣ. Прошивъ дворца въ паркѣ примѣчательна спашуя Маріи Магдалины, лежащей на скалѣ и читающей книгу. Въ музеѣ естѣ хорошая каршинная галлерей и минералогическій кабинетъ. Послѣдній недавно обогащенъ превосходнымъ собраніемъ Русскихъ минераловъ, подаренныхъ городу Ея Императорскимъ Высочествомъ, Наслѣдною Принцессою Анною Павловною. Готическое зданіе рапуши оплчается высокимъ шпиемъ, составленнымъ изъ башенокъ. Прошивъ рапуши на шой же площади стоишь старый королевскій домъ съ надписью: *A peste, fame belloque libera nos, Maria pacis. Hoc votum pacis publicae Elisabet consecravit, m. e.* Отъ мора, глада и войны свободи насъ, подательница мира Марія. Сіе зданіе сооружено Елисаветою по обѣщанію о общественномъ мирѣ. На часахъ написано: *Patriae sit aurea quaevis, m. e.* да будетъ каждый часъ для опечесива золотымъ. Первыи здѣшній кофейный домъ *Mille colonnes*, обыкновенный приупъ полишическихъ выходцевъ изъ Франціи и другихъ странъ, имѣеть оплчное устроиство и украшенія.

29 выѣхавъ изъ Брисселя въ 4 часа утра, мы прибыли въ *Ахенъ* (Aix la chapelle) въ 8 $\frac{1}{2}$ часовъ по полудни.

30 *гисла*. Дворецъ, въ которомъ родился Карлъ Великій, обращенъ съ давнихъ временъ въ рапушу. Онъ построенъ былъ на мѣстѣ древней Римской крѣпости, отъ которой еще доселѣ уцѣлѣла одна башня. Въ одной изъ залъ рапуши, бывшей прежде провнкою, храняшся портреты всѣхъ посланниковъ, присушествовавшихъ на конгрессѣ 1748 года.

Соборная церковь, называемая *Минстерскою* (die Münster), первоначально построена еще Карломъ Великимъ и освящена въ 804 году Папою Львомъ III. По словамъ одной современной лѣтописи, при обрядѣ освященіи предназначалось быть 365 архіепископамъ и епископамъ; но когда къ полному числу недоставало двухъ, то на ихъ мѣстахъ явились два епископа Тонгрскіе, съ давняго времени умершіе и погребенные въ Масприхтѣ, которые и оставались, при совершеніи церемоніала, до самаго его окончанія.

Посреди церкви находятся гробница Карла Великаго съ надписью: *Carolo Magno*. Надъ гробницею виситъ огромное паникадило, имѣющее видъ короны изъ серебра и позолоченной мѣди; оно принесено въ даръ Фридрихомъ Великимъ и вмѣщаетъ въ себѣ до 48 свѣчь.

Въ Минстерской церкви хранятся символы Германской имперіи: Евангеліе, мечъ Карла Великаго, часть земли, орошенной кровію Великомученика Стефана, нѣсколько другихъ принадлежноостей и каменный протъ, на которомъ сажались императоры во время ихъ вѣчанія.

Здѣсь находятся также части разныхъ мощей и другія рѣдкости, какъ то: черепъ и часть руки Карла Великаго; охопниціи его рогъ изъ слоновой кости, обложенной золомъ, съ надписью много разъ повшеренною: *Mein! ein!* Золошой крестъ, осыпанный драгоценными камнями, съ частию животворящаго креста; поясъ Спасителя и вервие, которымъ онъ привязанъ былъ къ столбу, поясъ Пресвятой Богородицы; часть Аароновой вѣшви; крупицы манны, посланной

Измальшняма въ пущыни и сукно, на которомъ отсѣчена глава Іоанна Крестителя. Всѣ эти свящыни хранятся въ роскошно украшенномъ ковчегѣ и показываючися народу только черезъ семь лѣтъ. Сія выставка, продолжающаяся 15 дней, въ средніе вѣки привлекала безчисленныя толпы богомольцевъ изъ всей Каполической Европы. По свидѣтельству современной лѣтописи, въ 1492 году исчислено было ихъ въ одинъ только день 142,000 и, по окончаніи церемоніи, вынуто было изъ кружекъ въ шоль день 80,000 золотыхъ флориновъ.

Горячихъ *минеральныхъ источниковъ* въ Ахенѣ шестъ; три въ верхней части города и три въ нижней. Одинъ изъ нихъ, вытекающій изъ скалы, внутри шакъ называемой Императорской бани, превосходитъ протіе какъ степенью жара, шакъ и количествомъ сѣры.

За городомъ въ предмѣстіи Буршейдѣ (Porcetum, Borgette) есть нѣсколько другихъ источниковъ, кошорые заключающъ въ себѣ большое количество углекислорога газа и совсѣмъ не имѣющъ сѣры.

Ахенъ со времянъ Карла Великаго былъ вторымъ городомъ Нѣмецкой имперіи: *Sedes regni trans Alpes, caput omnium provinciarum et civitatum Galliae.* Въ немъ вѣчались на царство императоры домовъ Саксонскаго, Франконскаго, Швабскаго, Габсбургскаго и Люксембургскаго; но съ 1614 года, когда Спинола изгналъ изъ него всѣ богатыя семейства пропешпанскія, онъ примѣрно началъ клониться къ паденію, которое скоро довершено было внушреними безпокойствами, — слѣдствіемъ худаго управленія. Нынѣ счислается въ немъ менѣе 30,000 жителей, между тѣмъ какъ въ 1367, было 19,826 гражданъ способныхъ къ вооруженію, сверхъ молодыхъ людей неженатыхъ.

Въ политическомъ мірѣ Ахенъ знаменитъ двумя мирными трактатами, заключенными 2 Мая 1668 года между Франціею и Испаніею и 18 Октября 1748 года между Франціею, Англіею и Нидерландами. Здѣсь же въ 1818 году былъ конгрессъ.

31 выѣхавъ изъ Ахена въ 7 часовъ утра, мы прибыли въ *Кельнъ* въ 3 часа по полудни. На мѣстѣ этого города прежде былъ укрѣпленный Римскій лагерь, обращенный Уби-

ликъ въ городъ (*opridum Ubiorum*) и распространенный при Императорѣ Клавдіѣ военнымъ поселеніемъ, которому онъ далъ прозваніе во имя своей супруги Агриппины, родившейся здѣсь во время похода опца ея Германика. На однихъ воропахъ, оставшихся опъ Римлянъ, видна доселѣ слѣдующая надпись: С. С. А. А. п. е. Colonia. Claudia. Agrippina. Augusta.

Въ средніе вѣки Кёльнъ былъ однимъ изъ сильнѣйшихъ городовъ Ганзейскаго союза и могъ выстать до 30,000 ратниковъ. Въ то время находилось въ немъ 69 монастырей, 19 приходскихъ церквей и 49 каплицъ. Причиною упадка его силы и торговли были изувѣрство и необдуманныя распоряженія мѣстныхъ властей. Имъ въ 1423 году, въ день Св. Вареломея, изгнаны изъ города всѣ Евреи и вскорѣ послѣ того, по случаю безпокойствъ между пкачами, сожжено 1700 спанковъ; въ 1618 году изгнано еще до 1400 протестантскихъ семействъ; съ ними удалились изъ города прежняя обширная его промышленность и дѣятельность. Вандамы Французской революціи нанесли Кёльву по-

слѣдній ударъ; ограбивъ сокровища и памятники художества, они уничтожили и здѣшній университетъ, прошивоборствовавшій распросправенцію ихъ вольнодумства. Въ послѣдствіи, при Французскомъ правительствѣ, многіе монастыри и церкви были совсѣмъ разрушены, а другіе обращены въ магазины и фабрики.

Нынѣ въ Кёльнѣ всѣхъ домовъ считается 7400, всего народонаселенія Каполическаго 58,000, но Люперанъ не болѣе 600, Реформатовъ 700 и Евреевъ 200; шелковыхъ фабрикъ 16, а суконныхъ, составлявшихъ нѣкогда главную отрасль Кельнской промышленности, только 3. Число фабрикъ, на копорыхъ выдѣлывается *O de Колонь*, значительно умножается; нынѣ считается ихъ 15, копоры выручаютъ ежегодно болѣе 300 тысячъ франковъ.

Примѣчательнѣйшее зданіе въ Кёльнѣ, одинъ изъ первыхъ памятниковъ древняго Нѣмецкаго зодчества, есть здѣшній *Соборъ*. Своды его поддерживаются четырьмя рядами столбовъ и каждый рядъ заключаетъ ихъ въ себѣ по 25.

Сверхъ того семь колоннъ въ главномъ олшарѣ, прообразующія, какъ видно изъ надписи, семь столповъ, на которыхъ Премудрость создала себѣ домъ. Стѣны хора украшены великолѣпными шкаными картинами, рабочаными по рисункамъ Рубенса. По сторонамъ столбовъ уцѣлѣли 12 изваяній Апостоловъ, относимыя также къ числу изящныхъ памятниковъ древней Нѣмецкой скульптуры.

Въ одномъ изъ придѣловъ, за главнымъ олшаремъ, хранятся кости *трехъ Волхвовъ*, приходившихъ на поклоненіе Спасителю въ Вилеємѣ. Они были присланы въ даръ Кѣльнскому Архіепископу Рейнгольду Фридерикомъ I (изъ дому Гогеншпауфенскаго), по взятіи имъ и разрушеніи Милана. Гробница, въ которой они лежали, украшена была драгоценными камнями, жемчугомъ и 226 камнями Греческими и Римскими. Надпись, означавшая имена Волхвовъ: *Каспара, Мельхиора и Валтазара*, состояла изъ рубиновъ; золотыя вѣнцы на трехъ головахъ, каждый вѣсомъ въ 6 ливровъ, также осыпаны были алмазами и рубинами. Всѣ сіи сокровища со многи-

и другими погибли во время нашествия Французовъ въ 1794 году. Золотые вѣнцы нынѣ замѣнены проспымъ вызолоченнымъ мепалломъ.

Одно изъ лучшихъ произведеній Рубенса, *Распятіе Апостола Петра*, находящся въ церкви его имени. Правая рука Апостола уже пригвождена, лѣвую держитъ палачъ; ноги съ нижнею часпюю креста подняты въ верхъ; правая пригвождена, лѣвую двое держатъ, шретій прибываетъ; глаза обращены черезъ голову; уста полуопверсны; выраженіе лица разительное, спрашное. Однимъ словомъ: въ художественномъ отношеніи эта картина есть совершенство, но въ эстетическомъ въ ней не соблюдено ни благородства, ни истины. Цѣль художника безъ сомнѣнія была удивить зрителей преодоленіемъ трудностей, и онъ подвергся непрощительной ошибкѣ, избравъ для удовольворенія своему тщеславію одно изъ священнѣйшихъ лицъ нашей религіи и обезобразивъ его фантастическимъ положеніемъ. Самое выраженіе боли спрадальца проповѣдчикъ характеру Ученика Христова, про-

повѣдывавшаго шерпѣніе и швердосшь духа въ спраданіяхъ.

* 1 Августа, н. с. Пупешесшвіе по Рейну пребуенъ живописной кисти и поэзіи. Природа поставила здѣсь одну изъ галлерей своихъ прекрасныхъ ландшафтовъ. По обѣимъ сторонамъ рѣки шлнупся горные хребты, опоясанные лѣсами. Каждая группа горъ увѣнчана полуразвалившимися спѣнами и башнями древнихъ замковъ. О каждомъ замкѣ сохраняется въ народѣ сказка, перемѣшанная съ былью и небылицами, въ которой играютъ роль феи, гномы, драконы и другія спрацилища, — порожденія Нѣмецкой фантазіи.

Въ *Кобленцѣ* и *Майнцѣ* мы останавливались на самое короткое время. Въ первомъ, основанномъ еще Римлянами, къ старой крѣпости приспроены три новые башіона: *Императора Александра*, *Короля Французскаго* и *Лорда Веллингтона*; въ послѣднемъ прежде былъ укрѣпленный Римскій лагерь и потомъ построена Друзомъ Германикомъ крѣпость, названная *Magontiacum*. Въ 70 году опъ Рождесшва Христова поселился въ ней

22-й легионъ, участвовавшій при завоеваніи и разрушеніи Іерусалима. Съ нимъ прибылъ сюда епископъ Кресценцій, почитаемый первымъ проповѣдникомъ и распространителемъ Христіанской вѣры на берегахъ Рейна.

Въ *Майнцѣ*, въ XIII столѣтіи положено было первое основаніе могущественному и знаменитому союзу, извѣстному подъ именемъ *Ганзы*. Первоначально его цѣлію было охраненіе торговли по Рейну отъ набѣговъ и грабежей разбойниковъ. Въ этомъ союзѣ, заключенномъ въ 1355 году, приняли участіе болѣе ста городовъ со многими князьями, графами и другими владѣльцами. Соединенными ихъ силами разрушены главные припоны разбойниковъ, эти неприступные висящіе на скалахъ замки, которые воображеніе прослоудиновъ населило разными страшными лицами и отъ копорыхъ нынѣ оспались однѣ развалины, одно простое украшеніе Рейнскихъ ландшафтовъ. Первая мысль въ составленію Ганзейскаго союза, въ которомъ столь значительно участвовалъ и нашъ Новгородъ, была подана прослымъ гражданиномъ, *Арнольдомъ Вальденомъ*.

Майнцъ въ XII столѣтіи былъ также главнымъ мѣстопребываніемъ поэтовъ, извѣстныхъ подъ именемъ Minnesänger. Въ XV столѣтіи прославили его изобрѣтатели и усовершенствователи книгопечатанія *Гуттенбергъ*, *Фаустъ* и *Шефферъ*, Изъ первыхъ опытовъ изобрѣденнаго ими искусства сохранились въ здѣшней публичной библіотекѣ псалтирь 1459 года, библія 1462, католиконъ (*Le Catholicon*) 1460 и множесство другихъ книгъ тогоже времени.

2—7 Августа. Въ *Франкфуртѣ* прежде всего бросается въ глаза образъ построения деревянныхъ спаричныхъ домовъ. Обыкновенно второй этажъ выдается надъ первымъ, а третій надъ вторымъ въ родѣ балкойовъ; самыя спички каждаго этажа, по мѣрѣ ихъ возвышенія, расширяются и образуютъ пирамиду, обращенную въ верхъ дномъ или верхомъ въ низъ.

Соборъ здѣшній, въ которомъ избирались императоры Римскіе, принадлежитъ къ памятникамъ древней Нѣмецкой архитектуры. На стѣнахъ разставлены ихъ гербы, покрытые шлемами. Въ *Реймерѣ* или *рапушѣ* по-

называется зала, въ которой они короновались. Пополокъ ея низкій, досчатый со сводомъ; передняя стѣна, обращенная къ рынку, косая; такъ что правый уголъ ея выдается далѣе, нежели лѣвый. Около 40 Императорскихъ поршреровъ служатъ единственныиъ украшеніемъ этой прониой.

Въ *музеумѣ* есть копіи Рафаелевыхъ лажей и довольно богатое собраніе картинъ старой Нѣмецкой школы. Въ произведеніяхъ послѣдней еще видна печать католицизма; напр. Господь Саваоѣ представляется въ папской шіарѣ, Іосифъ Аримавей въ капуцинскомъ капишонѣ и п. п.

Публичныхъ монументовъ здѣсь нѣтъ, кромѣ воздвигнутаго королемъ Прускимъ Фридрихомъ Вильгельмомъ II въ память Гесенцевъ, падшихъ здѣсь на приступѣ въ 1792 году. Эшопъ памятникъ состоитъ изъ дикой скалы, на которой лежатъ шлемъ, голова овна и кожа Немейскаго льва, осѣненные щипомъ.

Франкфуртъ былъ обнесенъ старыми стѣнами; Наполеонъ приказалъ ихъ срыть и намѣсто ихъ развеспи сады съ рошицами,

цаѣтшиками и фоншанами. Эшопъ родъ садоводства, распространенный Наполеонъ во многихъ Нѣмецкихъ городахъ, доставилъ мнѣ, кромѣ пріятныхъ гульбищъ, здоровую атмосферу.

Въ Франкфуртѣ есть еще для гулянья очень красивый островокъ съ садомъ на Майнѣ; а по вечерамъ, раза два въ недѣлю, ошворяется *воксалъ*, который находится внутри самого города. Ворота и большая зала, галлерей и бесѣдки,—все бываетъ унизано плошками и фонарями. Въ углубленіи сада усстроена искусственная скала съ водопадомъ и фоншаномъ; надъ скалою горитъ звѣзда. Павильонъ, въ которомъ играютъ музыканты, также украшается разноцвѣтными огнями.

Прочіе вечера очень пріятно можно проводить въ *касино*, гдѣ есть залы для чтенія журналовъ, игорныя и бильярдная. Чтобы имѣть свободный входъ въ *касино*, надобно имѣть рекомендацію одного изъ членовъ. Я былъ предспавленъ сюда *банкиромъ Гонпаролъ*, простымъ, кропкимъ, добрымъ и самымъ услужливымъ изъ всѣхъ *банкировъ*,

съ которыми мнѣ случалось имѣть сношенія во время путешествія.

Оставляя Франкфуртъ, я вмѣняю себя въ удовольствіе сказать нѣсколько словъ и о здѣшней гостинницѣ *Благо Лебедя*, zum Weissen Schwanen. Это Аммоновъ (а для гаспроновъ мамоновъ) храмъ среди Нѣмецкихъ песчаныхъ степей. По опрятности комнатъ, по распорядности прислуги, по оплчному устройству стола и по дешевизнѣ, она можетъ соперничать не только съ лучшими Лондонскими и Парижскими, но даже и съ Швейцарскими гостинницами.

Дорога изъ Франкфурта въ Лейпцигъ идетъ чрезъ Ганау, Фульду, Готу, Эрфуртъ и, минуя Веймаръ, чрезъ Наумбургъ и Люденъ. Между Гельнгаузеномъ и Ганау въ 1813 году князь Вреде съ честью выдержалъ нападеніе Наполеоново. Въ *Фульдѣ* примѣтельна церковь Св. Михаила, построенная, — какъ увѣряютъ, — по образцу Иерусалимской. Замокъ *Вартбургъ*, убижище Лютера и пещица Юнсона, начальника одной изъ масон-

сихъ ложь Нѣмецкихъ, въ 1817 году 18 Октября былъ мѣспомъ собранія Нѣмецкихъ студеновъ. Онъ спомпъ при Эйзенахъ на горѣ и обруженъ лѣсомъ. Въ *Наулбургѣ* 28 Юля бываетъ ежегодно процессія въ память дѣшей, выпросившихъ пощаду городу у Гусишовъ; Коцебу написалъ на эшошь случай прогашельную драму. Поле *Люценское*, ровное и шолько изрѣдка осѣненное деревьями, прославлено двумя генеральными сраженіями, данными здѣсь въ 1632 и въ 1813 году.

Извѣстно, что Гусшавъ Адольфъ Великій лишился здѣсь жизни. На помъ мѣспѣ, гдѣ было найдено его шѣло, покрытое семью ранами, поставленъ небольшой монументъ. Въ память сраженія 1813 года, называемаго иначе бишвою при Гросъ-Гершенѣ, неподалеку отъ этой деревни воздвигнушь Королемъ Прусскимъ прекрасный; желѣзный обелискъ, увѣнчанный знаменіемъ вѣры, крестомъ.

Наполеонъ, какъ извѣстно, себѣ присвоилъ побѣду подъ Люценомъ. Онъ основался на помъ, что союзники опсшупили отъ Люцена за Эльбу. Французскіе писатели, а

съ ними и нѣкоторые другіе иностраннныя, повпоривъ въ своихъ сочиненіяхъ содержаніе бюллетеней Наполеоновыхъ, не приняли труда изслѣдовать, когда произведено союзниками опшупленіе, по какимъ расчетамъ и для какихъ видовъ. Пришворство, хвасповство и явная ложь Французскихъ вѣсповщиковъ не спояшь и опроверженія; довольно замѣлишь, что Французы подь Люценомъ не выиграли ни шагу земли и ни одного орудія, а союзники опняли у нихъ пять пушекъ, завладѣли важною по своему положенію деревнею *Большимъ Гершеномъ* и провели ночь гораздо впереди шѣхъ мѣспъ, опкуда они выспутили по упру.

Одно изъ самыхъ важныхъ покушеній Наполеона было разорвать и разсѣять наше лѣвое крыло; но и это покушеніе опстановлено и уничтожено личными распоряженіями Государя Императора. Его Величество, какъ только замѣшилъ движеніе непріятельскаго корпуса, оппчасъ приказалъ опспавишь проптивъ него 40 пушечную батарею и самъ наблюдалъ за дѣйспвіемъ этихъ орудій, споя

подъ градожь пуль, до пѣхъ поръ, пока не-
пріашель принужденъ былъ отступить.

При столь очевидныхъ преимущесвахъ союзниковъ, намъ осмается только жалѣть, что планъ битвы, начертанный графомъ Випгенштейномъ, предводительствовавшимъ въ этомъ сраженіи союзными войсками, не во всѣхъ частяхъ былъ выполненъ надлежащимъ образомъ. Главное упущеніе произошло отъ самаго маловажнаго и почти ничтожнаго обстоятельствова. Одинъ изъ чиновниковъ главной кватирры Блюхера, ночью наканунѣ сраженія, получивши пакетъ съ распоряженіями главнокомандующаго, въ просонкахъ не читавши бумаги, положилъ ее подъ подушку; а когда проснулся и спать члпшалъ, то, къ крайнему своему изумленію, увидѣлъ, что эта бумага заключала диспозицію сраженія и что часъ, назначенный къ выступленію Прусскаго корпуса, давно уже прошелъ. Между тѣмъ Государь Императоръ и Король Прусскій, ночевавъ въ Борнѣ, при были часу въ четвертомъ утра въ Пегау и не найдя еще Прусаковъ, принуждены были очень долго ихъ дожидаться; такъ что ар-

мія выспроилась къ нападенію не въ шестомъ часу, какъ слѣдовало по диспозиціи, а уже въ одинадцатомъ. Обвиняють также генерала Винценгероде въ томъ, что онъ не надлежащимъ образомъ употребилъ конницу, раздробивъ ее безъ всякой нужды на часши.

Въ планѣ графа Випгенштейна между прочимъ было предположено возобновить сраженіе на другой день; и онъ въ самомъ дѣлѣ, шомчасъ по окончаніи битвы 20 числа, еще не оставляя поля, занялся распоряженіями къ новому нападенію: но когда попребавалъ, чтобы орудія, бывшія въ дѣйствіи, пополнены были артиллерійскими снарядами изъ парка главной арміи; то генералъ, начальствовавшій артиллерією, опвѣчалъ, что паркъ далеко отспалъ!... (*) Это непредвидѣнное обстоятельство, бывшее единспвенною причиною опспупленія союзниковъ за Эльбу, очень огорчило не только главнокомандующаго, но и самого

(*) Свѣдѣнія сіи заимствованы изъ *Записокъ о походѣ 1813 года*, Генералъ-Маіора М. Давылевскаго.

Императора; шѣмъ болѣе, что преимуще-
ства, прибрѣшенныя союзниками въ сраже-
ніи 20 числа, ручались и за будущіе ихъ успѣ-
хи. Пришомъ же Французскія войска уже
всѣ введены были въ дѣйствіе; всѣ болѣе
или менѣе были разспроены и, какъ въ по-
слѣдствіи открылось, ночью ошступили на
значительное разшояніе; между шѣмъ какъ
союзники, кошорые провели ночь на полѣ
сраженія, имѣли еще свѣжій корпусъ графа
Милорадовича. Мы уже не говоримъ о вос-
шоргѣ, какимъ одушевлены были въ по вре-
мя войска союзныя: о довѣренности Русскихъ
къ своему полководцу, уже много разъ увѣ-
чанному лаврами, — и о соревнованіи Пруса-
ковъ, горѣвшихъ желаніемъ искупить цѣною
своей жизни честь и свободу своего опе-
чества.

9—10 числа, н. с. Въ *Лейпцигѣ* есть спа-
ринная крѣпость *Pleissenburg*, построенная
по образцу прежней Миланской; на одной изъ
башенъ ея помѣщается обсерваторія. Здѣш-
ній университетъ основанъ еще въ 1409 го-
ду, по случаю переселенія сюда многихъ сту-
деншовъ изъ Праги. Церковь его, называемая

Paulinum, известна пѣмъ, что въ ней Люшеръ проповѣдывалъ свое ученіе. Изъ прочихъ церквей примѣчательна Св. Николая, украшенная внутри хорошою колоннадою и картинами оплечнаго художника *Эзера* (Oeser).

Въ Лейпцигѣ ежегодно бывають при ярмонки: въ новый годъ, въ Пасху и въ день Св. Михаила. Иностранныхъ купцевъ, приѣзжающихъ на ярмонки, — какъ видно изъ особаго изданнаго здѣсь адресъ - календаря, — счашаешя около 1100; въ томъ числѣ однихъ книгъпродавцевъ опъ 260 до 290. Съ нѣкотораго времени открыта здѣсь подлѣ университета биржа, исключительно для книжной торговли.

Дорогія мадѣлія и всѣ предмѣны роскоши, въ продолженіе ярмонокъ, помѣщаются преимущественно въ домѣ и на дворѣ *Ауербаха*. Дворъ сей, названный такъ по имени своего водчаго, врача Ауербахскаго, бываешъ въ то время обыкновеннымъ мѣстомъ собранія высшаго общества.

Память *Геллерта* почтена здѣсь тремя монументами: въ саду университетскомъ,

въ церкви Св. Іоанна и на общемъ кладбищѣ. Сверхъ сего воздвигнутъ ему же и *Сулцеру* памятникъ въ саду Рейха, работы Эзера.

Разныхъ учебныхъ заведеній, ученыхъ обществъ, библіотекъ, ботаническихъ садовъ и кабинетовъ натуральной исторіи, рѣдкостей и художествъ здѣсь столько, сколько досташочно было бы и для обширной столицы.

Для гулянья есть здѣсь бульвары, сады съ респораціями (садъ *Рейхеля* съ банями), огороды *Кампе* и книгопродавца *Реймеса* съ кухней и очень красивая роща *Розенталь*.

Вопь и славное поле предъизвѣстной битвы 4, 6 и 7 Октября 1813 года. Въ этой битвѣ званіе главнокомандующаго союзныхъ войскъ носилъ Австрійскій фельдмаршалъ князь Шварценбергъ: но всѣ важнѣйшія распоряженія происходили непосредственно отъ Императора Александра.

Армія непріятельская расположена была около Лейпцига полукружіемъ, по сторонамъ дороги, ведущей въ Дрезденъ; войска союзныя, сию прошивъ непріятелей, образовали дру-

гое обширѣйшее полукружіе. Императоръ Александръ въ первый день сраженія, ш. е. 4 числа, находился близъ Госсы, а Наполеонъ у Мейсдорфа; только шреверстное пространство раздѣляло двухъ соперниковъ, пришедшихъ на этихъ равнинахъ рѣшить судьбу царствъ и народовъ.

Русскіе первые начали сраженіе нападеніемъ на Вахау въ 10 часу утра. До полудня обѣ стороны на всѣхъ линіяхъ сражались съ равнымъ упорствомъ, безъ примѣсныхъ преимуществъ; но въ 1 часу сосредоточенные Наполеономъ пѣхотные корпуса маршала Виктора и генерала Лористона, конница подъ начальствомъ Неаполитанскаго короля Мюрата и двѣ дивизіи гвардіи съ 150 орудіями высыпали изъ Вахау и, прорвавъ корпусъ принца Евгенія Виртембергскаго, быстро неслись къ Госсѣ, гдѣ находился Государь. Казалось, Наполеонъ уже держалъ въ своихъ рукахъ побѣду; онъ послалъ въ Лейпцигъ извѣстить о ней короля Саксонскаго и приказалъ звонить въ колокола во всѣхъ церквахъ города.

Государь уже споялъ подь непріятельскими выспрѣлами; ядра падали вокругъ его. Князь Шварценбергъ и прочіе генералы упрашивали Его Величество удалиться; но Императоръ въ эти рѣшительныя минуты, сохраняя все свойственное Ему величіе духа и хладнокровіе, — не оставляя мѣста, даетъ слѣдующія приказанія: 1) выдвинушь пѣшедную конницу къ разобщенному центру; 2) роты артиллеріи подвинуться впередъ и 3) двинушь резервную артиллерію, бывшую подь командою генерала Сухожанета.

Черезъ двѣ минуты 112 Русскихъ орудій уже спояли въ спрѣю противъ 150 Французскихъ. Двѣ грозныя тучи уперлись одна въ другую; небо дымилось отъ ихъ облаковъ; земля колебалась отъ ихъ молній и грома. Черезъ полтора часа этой ужасной канонады Русскія орудія взяли перевѣсъ; Французскія опспушили. Роковой часъ Наполеона пробилъ—и звонъ колоколовъ, возвѣщавшій о его минутномъ поржесствѣ въ Лейпцигѣ, превратился въ погребальный.

5-го числа въ продолженіе всего дня былъ проливной дождь. Войска какъ союзныя,

такъ и Французскія спояли подъ ружьемъ, почти безъ всякаго дѣйствія; но съ наступленіемъ ночи послѣдніи отступили къ Лейпцигу. 6-го числа новая битва загорѣлась съ рамнаго упра. Императоръ Александръ, подвигаясь съ войсками поспешенно впередъ, оспановился наконецъ на помъ возвышенномъ мѣстѣ у Мейсдорфа, на кошоромъ пробылъ въ первый день сраженія Наполеонъ. Нѣмцы назвали эту высокую холмомъ 'монарховъ' *Monarchenhügel*.

Лейпцигъ взяли 7 числа Русскими, съ кошорыми находился въ то время одинъ полько корпусъ Бюлова. Помери, преперпѣнныя Французами въ три дни этой битвы, почти немовѣрны. Изъ 170,000, бывшихъ на полѣ сраженія, переведено за рѣку Салу полько 90,000. Убито 1 маршалъ, 4 генерала, 20,000 нижнихъ чиновъ; ранено два маршала и множество генераловъ, офицеровъ и рядовыхъ. Въ плѣнъ взяны король Саксонскій, два корпусные начальника (*Ренъ и Лористонъ*), 20 дивизионныхъ и бригадныхъ генераловъ и около 40,000 нижнихъ чиновъ, полагая въ помъ числѣ и 20,000 раненыхъ, находившихся

въ Лейпцигѣ. Со стороны союзниковъ убито и ранено 21 генераль, 1800 офицеровъ и 45 тысячъ нижнихъ чиновъ; въ помѣ числѣ 300 Шведовъ, 8,000 Австрійцевъ, 15,000 Прусаковъ и 22 000 Русскихъ!.. (*) Эти цифры могутъ служить лучшимъ опроверженіемъ на всѣ хвастливыя рѣчи нашихъ сосѣдей Нѣмцевъ, приписывающихъ все себѣ и опшимающихъ все у Русскихъ въ великомъ подвигѣ возстановленія царствъ и народовъ Европы. Добрые Нѣмцы, лежавшіе ницъ передъ Наполеономъ и поднятые на ноги Русскими, не шутя гонимы увѣряя всѣхъ и каждого, что они сами встали, а что всего забавнѣе, будто бы и сама Россія одному только ихъ возстанію обязана своимъ спасеніемъ въ войнахъ съ Наполеономъ. Опъ чего происходитъ такое непоимѣрное хвастовство?—Опъ того, что всякой долгъ тяжель, а долгъ признательности есть самый тяжель, кошорый можетъ быть выполненъ только людьми съ великою душою.

(*) Подробности этой знаменитой битвы, названной Нѣмцами битвою народовъ, *Völkerschlacht*, превосходно изложены въ *Запискахъ о походѣ 1813 года*, Генераль-Маіора М. Данилевскаго.

ДРЕЗДЕНЪ, $\frac{31 \text{ Июля.}}{12 \text{ Августа.}}$

Видъ Дрездена. Внутренность города. Церкви. Палата королевскихъ сокровищъ. Палата Японская; Китайскіе и Дрезденскіе фарфоры. Картинная галлерей.

Съ Мейссенской дороги Дрезденъ показывается во всемъ своемъ блескѣ. Рѣка Эльба съ бѣгущими судами, длинный мостъ съ арками, Капюлическая церковь, дворцовая башня, садъ и перраса Брюлева, церкви Пресвятой Богородицы и Св. Креста—все это представляетъ картину самую прелестную.

Внутренность города довольно соотвѣтствуетъ пышной его наружности. Улицы широки, чисны и вымощены прощуарами; дома очень опрятны, выстроены въ линію,

Часть IV.

14

съ пшью или шестью эпажами, и выкрашены сѣрою, желтою и зеленою краскою. Посреди города, который почти весь на лѣвомъ берегу Эльбы, есть очень хорошая площадь, называемая новою, и другая площадь Вициллиева, загроможденная рынками.

На новой площади стоитъ *церковь Пресвятой Богородицы* съ колоннами и башенками; внутренность ея круглая съ двумя рядами ложь; олтарь, представляющій моленіе Иисуса, есть твореніе скульптора Фейга.

Придворная церковь Св. Софіи есть памятникъ древности; она ничего не заключаетъ въ себѣ достопримѣчательнаго, кромѣ поршретовъ Люперайскихъ проповѣдниковъ, которые выставлены по всѣмъ сторонамъ вѣсто икорь. Какое смѣшеніе предразсудковъ! Люперане почитаютъ за грѣхъ украсити храмъ изображеніями Апостоловъ и мучениковъ, утвердившихъ вѣру, изображеніями Богородицы и страстей Христовыхъ; и между тѣмъ выставляютъ поршреты такихъ людей, которые прославились не столько спростію жизни и свястію, сколько краснорѣчіемъ или Богословскими преніями

прошивъ Каполиковъ. Кромѣ сихъ двухъ протестантскихъ церквей есть еще двѣ: *Св. Креста* съ высокою башнею и *Св. Анны*; но самая великолѣпная церковь въ Дрезденѣ есть *Католическая*. Снаружи она украшена колоннами и множествомъ статуй, извлеченныхъ изъ фарфора; внутри, кромѣ многихъ фресковъ, достойны примѣчанія запрестольная картина Менгсова, представляющая Вознесеніе Господне, и огромный органъ, устроенный Зильберманомъ. Къ этому присоединяются два оркестра инструментальной и голосовой музыки. Въ праздники и въ дни воскресные присутствуютъ здѣсь вся королевская фамилія. Извѣстно, что Саксонцы почти всѣ исповѣдуютъ вѣру протестантскую, а король и дворъ католическую.

Въ Дрезденѣ столько собрано рѣдкостей, столько едва ли разсыпано въ цѣлой Германіи. Я начну краткій мой отчетъ объ нихъ съ *Палаты королевскихъ сокровищъ*. Первая зала заключаетъ статуи и группы, сдѣланныя изъ бронзы въ маломъ видѣ; во второй разсѣялены статуи и группы косяныя, извлеченныя Дрезденскими художниками. Въ третьей

выкованные изъ серебра и золота вазы, стаканы, ложки и блюда; въ четвертой и пятой множество издѣлій изъ минераловъ, осыпанныхъ драгоцѣнными камнями. Между прочими достопримѣчательны разные поршрешы мозаическіе, и одинъ превосходный *портретъ Петра Великаго*, писанный на эмали. Шестая зала наполнена королевскими ушварями, и можно сказать, единственными по великолѣпію и пышности. Короны, скипетры, мечи и пиросты не осыпаны, но обременены драгоцѣнными камнями. Цѣлые кресны, звѣзды и эполеты бриліантовые, сафирные, рубиновые; алмазь желтый и алмазь зеленый, можетъ быть, единственные въ своемъ родѣ. Великій Моголь на тронѣ подѣ балдахиномъ; процессія Индѣйцевъ, которые идутъ въ шаперъ, несутъ сокровища и падаютъ ницъ на ступени лѣспницы, — все это превосходно. Глаза разбѣгаются во всѣ стороны залы, вездѣ видать драгоцѣнности и наконецъ ощущаютъ ушомление отъ перелива воды и разноцвѣтныхъ огней, играющихъ въ камняхъ. Директоръ, который показывалъ намъ эти сокровища,

вища, постепенно приходилъ въ воспоргъ; въ шонъ его примѣнно было щцеславіе; и, кажешся, всякой разъ онъ хопѣлъ намъ ска-зашъ: Кпо счаспливѣе моего короля въ цѣ-ломъ мирѣ?... Въ самоъ дѣлѣ это сокро-вища Моголовы или Крезовы; но, къ несча-стію, и участь новаго Креза нѣсколько бы-ла похожа на участь древняго. Извѣстна испорія Фридриха Августа, взятаго въ плѣнъ союзными войсками во время Лейп-цигскаго сраженія.

Палата Японская заключаетъ сокровища другого рода. Въ десяти залахъ разспавлены антики Египетскіе, Греческіе и Римскіе. Между ними доспойвы примѣчанія нѣсколь-ко бюсповъ съ мраморными головами и съ алебаспровыми цвѣшными шогамъ; два ап-лепа и двѣ Венеры, вырышые въ Геркуланѣ. Аплепы, шакъ какъ и два борца изъ неволь-никовъ, предспавлены въ одинакомъ поло-женіи и вѣрояшно имѣли одно назначеніе; ш. е. они спояли или въ какомъ нибудь ам-фитеатрѣ или сперегли входъ чершоговъ какого нибудь вельможи.

Палата Японская получила названіе свое отъ весьма рѣдкаго собранія фарфоровъ, вывезенныхъ Голландцами изъ Японіи для Августа II, курфюрста Саксонскаго и короля Польскаго. Здѣсь есть множество большихъ вазъ, похожихъ формою на Эпрусскія; спашуи, группы, пшпцы и чешвероногія. Одна зала наполнена такъ же фарфорами *Китайскими*; какъ то вазами, парелками, чайными чашками и блюдцами, которыя вѣроятно служили сперва моделью Саксонской фабрикѣ, а потомъ распространились и въ другихъ частяхъ Европы. Есть чайники, обивные розовыми или другими цвѣтами, очень искусно сдѣланными изъ фарфора; есть такъ же чайники въ видѣ пшпцъ и другихъ живописныхъ. Многіе украшены позолотою и шонкими узорами; краска какъ на Японскихъ, такъ и на Китайскихъ фарфорахъ, по большоѣ части синяя; фигуры человѣческія на первыхъ предспавлены лучше, нежели на послѣднихъ; ландшафты довольно хороши на обонхъ. Такъ работали Японцы и Китайцы за сто лѣтъ передъ симъ; но такъ же точно они работаютъ и теперь. Живопись и

важныя ихъ основаны на одной степени, и, кажешся, долго еще останутся недвижимыми. Китайцы и Японцы суть Египтяне нашего времени; можетъ быть, когда нибудь и они примуть Европейскій вкусъ въ свои произведенія и будутъ его уродовать своею фантазією.

Дрезденскіе фарфоры, расположенные по времени, показываютъ быспрый ходъ въ усовершенствованіи формъ и вазиія; со всѣмъ тѣмъ еще примѣшенъ большой промежутокъ между ними и Севрскими фарфорами, и особливо въ отношеніи живописи. Въ числѣ послѣднихъ достопримѣчательны здѣсь три большія вазы, изъ которыхъ одна представляеть въ золотомъ барельефѣ поржество Александра Македонскаго, другая Наполеона подлѣ раненаго солдата послѣ Ваграмской битвы, третья встрѣчу Наполеона съ раненымъ Австрійскимъ или Русскимъ воиномъ, передъ которымъ онъ снялъ шляпу и сказалъ: „Nonneur zu courage malheureux!“ (Почтеніе злополучной доблести).

Въ числѣ рѣдкостей показываютъ въ Японской палатѣ ковры Японцевъ, сдѣлан-

ные изъ яркихъ разноцвѣтныхъ перьевъ, и ковры шпаные въ Голландіи по рисункамъ Рафаелевымъ. Сіи послѣдніе представляють предметы изъ исторіи Новаго Завѣша. Оригиналы ихъ находяща въ Англіи.

Здѣшняя *Картинная галлерей* открываешся ежедневно для публики въ девять часовъ и запираешся въ двѣнадцать. Мушны и женщины — артисты въ это время громоздяща на подмостки, малюють изящныя произведенія великихъ художниковъ и выводящъ изъ шerpвнїа поспшителей, заслоня имъ свѣтъ и линію зрѣнїа. Въ числѣ 1300 картинъ, которыя расставлены въ сей галлерей, находїтса собраніе сна самыхъ лучшихъ произведеній Италїанской школы, купленныхъ у Моденскаго Герцога. Почетное мѣсто въ этомъ собранїи принадлежїт *Ноты Корреджїевой*. Младенець Иисусъ божественнымъ свѣтомъ озаряетъ лице держащей его Св. Дѣвы, двухъ паспуховъ, женщину и группу Ангеловъ, оспановившихся съ изумленїемъ вокругъ капшителей колоннъ. Съ перваго раза я не могъ понять сего ве-

ликаго шворенія; улыбка паслуховъ и женщины показала мнѣ нѣсколько грубою. Но эша улыбка есть выраженіе проспосердечнаго (paif) удивленія.

Амуръ Менесовъ есть швореніе самой Граціи. Въ лѣвой рукѣ держитъ онъ оселокъ; правою пробуешь выпоченную спрѣлу, при словивъ оспріе къ мышцѣ: въ глазахъ, подъяныхъ въ верхъ, видны какое-шо болѣзненное чувство, шомность и сладоспраспіе.

РАФАЭЛЕВА МАДОННА (*).

Въ продолженіе недѣли, я приходилъ смотрѣть на нее каждое утро и каждый разъ усердно молился, чтобы Господь Богъ послалъ мнѣ твердую вѣру и младенческое сердце, способное принять благодать видѣнія.

И молишва недостойнаго услышана...
Шаперъ небесный распоргся; шаинспивенный,

(*) Въ одно изъ моихъ посѣщеній Дрезденской галлерей, я съ полчаса смотрѣлъ на голову младенца—Спасителя; и вдругъ мнѣ живо представилось, что одинъ изъ его локоновъ поднялся какъ бы отъ дуновенія вѣтра и опять опустился. Я объяснялъ это явленіе или обольщеніемъ зора, ослабѣвшаго отъ излишняго напряженія, или дѣйствіемъ свѣта, измѣнившагося, можетъ быть, отъ легкаго облака; со всѣмъ тѣмъ, какъ явленіе въ первый разъ мною испытанное, оно произвело на меня такое сильное впечатлѣніе, что я до сихъ поръ вижу эту одушевленную Божественную голову.

невечерній свѣтъ разлился до предѣловъ земли. Идущая по высотамъ, Божія Матерь спокойно и непримѣтно приближается; на рукахъ Ея сѣдитъ, съ величіемъ Вседержителя, предвѣчный Младенецъ; за нею изъ глубокой синевы неба слѣдуютъ легіоны Серафимовъ: впереди, срѣпаютъ Ее колѣнопреклоненный Св. Сикспъ и Великая Мученица Варвара.—Быстрый, молніеносный взоръ Бога — Младенца проникъ въ мою внутреннюю и обнялъ всѣ мои помыслы. Я содрогся и съ признаніемъ своего ничтожества палъ передъ нимъ. Побѣдиши, внигда судиши ти!..

Пресвятая Дѣва! Будь Ты моимъ заступленіемъ.—Нужно ли Ему мое славословіе? Исполни меня такими же свѣплыми мыслями, какія возносишь къ тебѣ сей задумчивый младенецъ—Ангель.—Нужна ли молитва моя? Дай мнѣ источникъ такихъ же жаркихъ слезъ, какія проливаетъ сей свяшой Спарецъ. Созиди во мнѣ сердце чистое, чтобы Твой Всемогуцій Сынъ не отпринулъ меня опъ лица Своего въ страшный день судный.

Но шаперъ горній закрылся. Я стою опять на землѣ, съ однимъ воспоминаніемъ объ очаровательномъ раѣ небесномъ. Передо мною оспался одинъ изъ Ангеловъ, съ усурменнымъ на меня испытующимъ взоромъ; имя ему *Рафаилъ*. Онъ какъ бы говоритъ мнѣ: „Иди съ миромъ; ты видѣлъ пайну недо-спупную браннымъ очамъ, но открышую на одно мгновеніе душѣ твоей, для того, что-бы она на землѣ знала о небѣ.“

БАСТАЙ $\frac{7}{19}$ Августа.

Въ деревнѣ Лаумѣ я взялъ съ собою проводника, а наемную коляску ошпустилъ прямо въ *Бастай*. По каменной лѣспницѣ, изсѣченной въ скалѣ, мы спустились въ оврагъ, называемый *Walter-grund*. Высокіе утесы поднялись надъ нами съ обѣихъ сторонъ, какъ два ряда каменныхъ домовъ. Одни изъ нихъ голые и дикіе, другіе покрыты деревьями; одни споятъ въ отвѣсной линіи, другіе повисли надъ водомоиною, копорая во время покой воды и сильныхъ дождей, не омывается, но роетъ ихъ подошву. Съ самаго начала привлекла мое вниманіе одна надпись, изображенная на срединѣ высокой скалы чопкими буквами: *Auerswald und Scherwig 1811 31 mai*. Ауерсвальдъ былъ форшмей-

стеръ; хотѣлъ оставить попомству свое имя и во многихъ мѣстахъ писалъ его, спу-
скался по канатамъ въ самыя бездны. Такъ
сильно пищеславие человѣческое!

Нѣсколько далѣе изображенъ на камнѣ
черный крестъ и имя несчастнаго Каспера
Циглера, который въ 1806 году 16 Декабря
упалъ здѣсь съ вершины скалы и разшибся.
Ряды утесовъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ схо-
дился такъ близко, что боками своими по-
чти касаются одни другихъ. Въ одномъ изъ
такихъ ущелій увязъ огромный камень, со-
рвавшійся съ вершины, и образовалъ такъ
называемыя воропа долины Вальперовой
(Thoor in Walter-grund). За воропами слѣ-
дуетъ каменный домъ (Stein-haus), котораго
вершина очень походитъ на крышу дома.
Большая часть утесовъ имѣютъ свои осо-
бенныя имена, которыхъ они получаютъ или
отъ сходства съ извѣстными предметами
или отъ замѣтливаго воображенія здѣшнихъ
старожитовъ. Самый достопримѣчательный
утесъ въ этой долинѣ—*Чертова кухня*. На-
добно согнуться дугою, чинобъ пролезшь въ
нее съвозъ узкое окно; но внутри она

имѣеть видъ полукружія, открышаго съ верху и съ боку.

Съ долиною *Вальтеровою* соединяется другая долина или другой оврагъ, называемый *Schorn-grund*, которые оба вмѣстѣ образуютъ прервій оврагъ *Ctto walter-grund*. Мы поворотили влѣво, т. е. въ *Schorn-grund*. Вода оставила здѣсь страшные слѣды своего свирѣпства; многіе изъ утесовъ упали; многіе пробиты, просверлены. Одна изъ горъ раздѣлилась на пять частей по числу слоевъ, изъ которыхъ она составлена, и которые получили видъ пятиobeliskovъ. Здѣсь находится другой черныи крестъ, начертанныи на скалѣ и имя *Августа Геблера*, упавшаго здѣсь въ 1692 году 25 Января.

Вышедши изъ оврага, мы встрѣтили тѣнистую рощицу и поляну, засѣянную пшеницей. Подлѣ дороги стоить каменный столъ съ скамейками, на которомъ часто обѣдалъ, какъ говорятъ, *Августъ II*. Черезъ нѣсколько минутъ показался *Бастай*.

Собственно эпини именовъ называется утесъ, ошдѣлившійся на нѣсколько фузовъ ошъ горы и повисшій двумя или тремя са-

женями на воздухъ. Вершина его обнесена желѣзными перилами и вымощена плитами, кошорые закрываютъ и самую разсѣлину. Съ этого каменнаго балкона, успроеннаго природою, представляется видъ обширный, великолѣпный, разнообразный. Голова кружится и перяется въ круженіи, когда смощришь на пропасть, разверзающуюся подъ ногами на пысячу фушовъ. При самой подошвѣ горы печепь рѣка Эльба, покрывшая лодками и спругами. Встрѣчая со спороны Баспая непрерывно ряды ущесовъ, она безпреспанно уклоняется влѣво; и образуетъ дугу или полукружіе. За Эльбою проспирается лугъ съ холмиками, роцями и деревнями. Вдали видны горы и скалы, соспавляющія *Саксонскую Швейцарію*.

Во всей этой каршинѣ, ничего нѣтъ общаго съ видами Альпійскими; она имѣетъ нѣчто свое, особенное, какъ бы сошворенная художникомъ другой школы. Наиболье замѣчательно образованіе многихъ горъ, разсѣянныхъ на пространствѣ долинь. Здѣсь не видно ни цѣпей, ни хребтовъ. Каждая гора поднимается опдѣльно въ видѣ кургана и

каждая увѣнчана скалами, какъ бы зубчатую короною. Прежде всего оспанавливается взоръ на *Кенигштейнъ*, занимающемъ правую сторону на первомъ плацѣ. Онъ состоить изъ шрехъ часшей: изъ горы, покрытой зеленью и поднимающейся въ видѣ кургана или пирамиды; изъ скалъ, параллельно сползающихъ на вершинѣ горы, и изъ крѣпости съ зубчатыми стѣнами и башнями, висящими на скалахъ. Такимъ образомъ Кенигштейнъ (ш. е. Королевскій камень) имѣеть сходство съ королевскою короною, съ папскою шапкою или съ вѣнцемъ Цибеллы. Крѣпость эта почищается неприслупною; попому что утесы, на которыхъ она построена, возвышаются надъ поверхностію Эльбы на 950 оновъ или на 1187 аршинъ. Достоинъ примѣчанія въ ней колодезь, имѣющій 586 оновъ глубины и наполненный всегда водою чистою, свѣшлою и здоровою. Непрѣмелю вѣшь никакихъ средствъ ни перерышь, ни завалишь его; опъ того что никакое ядро не въ состояніи достигнуть до этой чрезвычайной высоты.

По лѣвую сторону опъ Кенигштейна стоить *Лиліенштейнъ*. Эта гора совершенно

похожа на первую и какъ бы нарочно поставлена для симметріи съ нею. Между ними видна претѣя, называемая *Фалкенштейнъ*. Она спомпѣ на впоромъ плаиѣ и также увѣичана скалами. Нѣсколько далѣе пянупся цѣли большаго и малаго Вертемберга, снѣговыхъ (Шнейбергъ) и другихъ горъ Саксонской Швейцаріи.

Подлѣ самаго Веспая, по лѣвую опѣ него спорону, есть огромный и какъ бы бездонный оврагъ, окруженный утесами дикаго цвѣща. Почти всѣ они имѣютъ видъ домовъ или башенъ, простирающихся въ глубину на тысячу фушовъ. Камни, изъ которыхъ они построены, по большой части квадрапные; а фасадъ и бока параллельные, и какъ бы съ намѣреніемъ обсѣченныя по опвѣсу руками художниковъ. Такого роду формы легко могли служить первоначальнымъ образцемъ зодчества, если оно когда либо подражало природѣ.

Одинъ изъ эпихъ утесовъ выдается въ самый оврагъ; каменныя сшупени, изсѣченныя по бокамъ его, ведутъ на самую крышу

или вершину. Я сползъ одинъ посреди
эпихъ ужасныхъ зданій; глубокая тишина
на царшвовала вокругъ меня; чувство
благоговѣнія наполняло поспешенно мою ду-
шу. Не помню, о чемъ я думалъ въ эти
минуты и о комъ вопрошалъ эти скалы;
но гармоническая музыка, раздавшаяся на
высотѣ Басмая, вывела меня изъ задум-
чивости. Мнѣ казалось, что это былъ
хоръ Ангеловъ Гайденовыхъ, пѣвшихъ въ
умилении: „Хвалите его горы и холмы! Те
saxa loquuntur!“

ДРЕЗДЕНЬ, $\frac{8}{30}$ Августа.

**БЮЛЕВЪ БЕЛЬВЕДЕРЪ ИЛИ ТЕРРАСА. МѢДНАЯ ГОЛГОДА НА МОСТУ.
ПАМЯТНИКЪ ГЕНЕРАЛУ МОРО.**

Дрезденъ обязанъ многими своими украшеніями князю Н. Г. Репнину, который послѣ войны 1813 года осѣживался здѣсь въ званіи военнаго губернатора Саксоніи. Бельведеръ Брюля, лежащій на лѣвомъ берегу Эльбы, получилъ съ того времени совсѣмъ новый видъ. Каменная огромная лѣспница, состоящая изъ сорока широкихъ ступеней, ведетъ въ бульваръ, осѣненный липами, пересекаемый дорожками и раздѣленный нѣсколькими уступами. Подъ стѣнью деревьевъ, составляющихъ рошонду бельведера и передъ

кофейнымъ домою разспавлены сполы и спуля для гуляющихъ, которые приходять сюда передъ захожденіемъ солнца попопляшь въ чашахъ дневныхъ заботы или наслаждашь зрѣлицемъ великолѣпнѣйшихъ карпинъ вечера. Опсюда видны часпъ Каполической церкви,—длинный мостъ, лежащій на 10 аркахъ,—нѣсколько узорчатыхъ садовъ, — зеленые холмы,—разрисованные огнями небеса и опускающееся со всею вышностію своею за высокіе шополи, вечернее солнце.

Надъ двумя главными арками моста, которые взорваны были Французами во время опспупленія и вскорѣ послѣ того возобновлены, по повелѣнію Императора Александра, сооруженъ очень хорошій памятникъ. Онъ состоить изъ мѣднаго утеса или Голговы, на которой лежить золотой шаръ и водруженъ крестъ съ распятіемъ Спасителя. Изъ надписи его, начертанной золотыми буквами, вы узнаете здѣсь слѣды народа, все разрушающаго и пареніе Ангела благоспш, возобновляющаго все разрушенное :

„Galli dejecerunt mart. XXVII. MDCCCXIII;
„Alexander I restituit die natali XXIV decem.
MDCCCXIII.“

Галлы разрушили Марша 27, 1813;
Александръ I возстановилъ, въ день сво-
его рожденія, 24 Декабря 1813.

Въ двухъ или шрехъ версвахъ опть го-
рода, на возвышенномъ мѣстѣ, стоишь жер-
швенникъ или надгробный камень, осѣнен-
ный шремя липами. На немъ лежишь мечъ,
обвишый лавромъ и накрышый мѣднымъ
шлемомъ. На камнѣ начерпана слѣдующая
надпись: „Моро палъ здѣсь подлѣ Алексан-
дра 27 Августа 1813 года; Moreau der held
fiel hier an der seite Alexanders den XXVII
August. MDCCCXIII. Какія воспоминанія!..

Съ эшаго мѣста видно все поле, на ко-
шоромъ происходило сраженіе, и весь городъ
со всѣми его окрешностями. Моро былъ
пораженъ ядромъ подлѣ Авспрійской баша-
реи, въ самое то время, когда упрашиваль

Императора Александра удалишься отъ этого опаснаго мѣста. Ядро оторвало правую ногу Моро, пролетѣло сквозь лошадей, вырвало лѣвую икру и повредило колѣно. Едва онъ опомнился, произнесъ слѣдующія слова: „Я погибаю; но какъ пріятно умирашь за правое дѣло и въ глазахъ споль Великаго Монарха!“

Преводникъ мой указалъ мнѣ лугъ, на которомъ были успроены Французскія бапарей. Онъ упипанъ кровію неуспроаимыхъ; на ихъ могилахъ волнуется жашва и земледлецъ проводишь плугъ свой въ мирѣ.

БЕРЛИНЪ, 1826 года, Августа

Части города. Разряды жителей. Королевскій замокъ. Липовая улица. Бранденбургскія ворота. Публичныя памятники. Площадь и улица Императора Александра. Учрежденія для призрѣнія вѣднѣхъ. Благотворительныя общества Еврейскія. Академія наукъ. Академія художествъ. Университетъ и прочія учебныя заведенія. Шарлоттенбургъ: храмъ и мавзолей надъ гробомъ королевы Луизы. Готическій памятникъ народу и войскамъ на Крейцбергъ. Рыбачій праздникъ въ Стралау.

Прямая и кратчайшая дорога изъ Дрездена въ Берлинъ идесть черезъ города и станціи: *Гроссенайнъ, Эльстервердъ* (гдѣ Прусская таможня), *Добрилугъ, Сонненвальдъ, Лукау, Гольсенъ, Барутъ и Миттенвальдъ*. Только на двухъ или на трехъ станціяхъ естъ шоссе; на всѣхъ прочихъ глубокіе пески, кочки,

лѣсъ, пни, колоды и даже цѣлое большое озеро, черезъ которое надобно переправляться въ бродъ. Въ дорогѣ мы прибыли ровно 33 часа, хотя всего считаемся въ ней шолько 23 милл.

Берлинъ расположенъ по берегамъ рѣки Спре, раздѣляющей здѣсь на нѣсколько рукавовъ и каналовъ. Онъ обведенъ стѣною и имѣешь въ окружности не болѣе 14 верспъ; но внутри заключаетъ пять особыхъ городовъ или часпей, называемыхъ городами, какъ шо: I, собственно *Берлинъ*, II, *Кѣльнъ*, старый и новый, III, *Фридрихъ-Вердеръ*, IV *Нейштадтъ* (Dorotheestadt) и V, *Фридрихштадтъ*. Къ первому, отдѣляющемуся отъ прочихъ рѣкою, прилегають три предмѣстiя: Королевское, Спандауское и Спралавское; ко второму одно, называемое городкомъ Луизы Louisenstadt. Всѣ сiя часпи, по полицейскому управленiю, раздѣляются на 24 округа, заключающiе въ себѣ 133 улицы, 91 переулокъ, 22 площади и рынка, 34 моста, 27 церквей и болѣе 7000 домовъ.

Жителей въ Берлинъ безъ гарнизона въ 1810 году считалось 155,070, а въ 1821 году

178,800 (*). Они дѣлятся на пять классовъ: I) всѣ лица, пользующіяся высшими правами и состоящія въ вѣдѣніи Верхней юстиціи-палаты; II) граждане Нѣмецкаго происхожденія, занимающіеся торговлею и ремеслами и подчиненные градскому Королевскому суду; III) колонія Французская; IV) колонія Богемская; и V) Евреи, которымъ дано право покупать землю, строить дома и заводить фабрики. Ими населено здѣсь нѣсколько улицъ.

Огромнѣйшее и великолѣпнѣйшее зданіе въ Кѣльнѣ, на самомъ берегу рѣки, есть *Королевскій замокъ*, построенный по проекту знаменитаго художника Шлюшера. Онъ имѣетъ въ длину 61 сажень и 3 фута, въ ширину 39 сажень и 3 фута и въ вышину 14 саж. и 3 фута. Съ одной стороны его находится родъ рынка и господинаго двора, съ другой парадная площадь или королевскій садъ (*der Lustgarten*) съ каштановыми и полевыми аллеями.

(*) По вѣдомостямъ 1832 года въ Берлинѣ считалось уже 230,000 жителей.

Отъ эпои площади черезъ новый городъ или Нейшпадтъ, до самыхъ Бранденбургскихъ воротъ простирается извѣстная Липовая улица: *Unter den Linden*, осыенная шестью рядами высокихъ и густыхъ липъ, съ двумя по сторонамъ мостовыми для ѣзды въ экипажахъ. Улица эта украшена многими хорошими зданіями; примѣчательнѣйшія изъ нихъ при самомъ входѣ въ нее съ правой стороны: арсеналь, университетъ и академія наукъ и художествъ; съ лѣвой: Королевскій дворець, опера и библіотека съ надписью на фронзонѣ: *Nutrimetum spiritus* (пища духовная).

Бранденбургскія ворота, ведущія въ паркъ, построены г. Лангансомъ въ 1790 году, по образцу Афинскаго Пропилея. Они состоятъ изъ 12 большихъ и 18 малыхъ колоннъ, съ пястью опверстіями. На воротахъ представлена Слава въ поржешвенной колесницѣ, везомой чепырьмя конями; она похищена была Наполеономъ въ 1806 году и, по завоеваніи союзными войсками Парижа, въ 1816 возвращена на прежнее свое мѣсто.

Конная колоссальная статуя великаго курфюрста Фридриха, вылитая въ 1703 году и стоящая на Большомъ мосту, соединяющемъ Берлинъ съ Кёльномъ, починается однимъ изъ изящнѣйшихъ произведеній Шлюшера и ваятельнаго искусства. На *Вильгельмовой площади* также поставлено пять мраморныхъ изваяній пяти генераловъ семилѣтней войны: *Шверина, Сейдлица, Кейта, Виттерфельда и Цитена*, работы художника *Шадова*. Особеннаго же вниманія заслуживаетъ новое произведеніе Рауха, бронзовая статуя генерала *Блюхера*, поставленная только въ прошедшемъ мѣсяцѣ Іюнь, въ Липовой улицѣ, подлѣ Королевскаго дворца. Герой, представленный въ гусарскомъ костюмѣ, вынимаетъ изъ ноженъ мечъ за свободу отечества и лице его дышетъ благороднымъ негодованіемъ.

Въ Королевскомъ предмѣстіи есть еще площадь и улица, украшенныя безсмертнымъ именемъ Императора Александра. Удивительны судьбы этого Государя! Подобно исполину — солнцу, — протекши пушью отъ востока до запада, онъ собралъ

искреннія благословенія и союзниковъ и не-
пріятелей.

Берлинъ представляетъ одну изъ пріят-
нѣйшихъ картинъ благоустройства граж-
данскаго. Здѣсь никогда не видно шумныхъ
и буйныхъ скопищъ черни, какъ въ Парижѣ
и Лондонѣ, и, что всего примѣчательнѣе,
почти совсѣмъ не слышно о бродяжествѣ,
воровствѣ и другихъ порокахъ и пресупле-
неніяхъ, раждаемыхъ нищетою и праздностію.

Для призрѣнія нищихъ приняты здѣсь
правительствомъ всѣ возможные мѣры: есть
особый домъ для инвалидовъ и очень много
спиральнопріимныхъ домовъ, госпиталей и бо-
гадѣленъ для шариковъ, вдовыхъ женщинъ
и сиротъ. Одно огромное зданіе, подлѣ Си-
лезскихъ воротъ, исключительно назначено
для помѣщенія 280 бѣдныхъ семействъ, съ
плащою опъ нихъ за наемъ помѣщенія опъ
4 до 8 палеровъ въ годъ. Сверхъ того нѣсколь-
ко тысячъ бѣдныхъ во всякое время снаб-
жаются безденежно изъ казеннаго дровянаго
магазина дровами и шурфомъ.

Между благошворительными заведеніями
замѣчательны въ Берлинѣ *страховыя вдовы*

кассы: одна общая для женщинъ всѣхъ сословій, другая исключительно для офицерскихъ женъ. Какъ шѣ, такъ и другія пользуются пансіонами послѣ смерти своихъ мужей, по мѣрѣ денежныхъ вкладовъ, дѣлаемыхъ послѣдними при жизни. Въ пользу *пасторскихъ и учительскихъ вдовъ*, открыты почти при всѣхъ церквахъ частныя сберегательныя общества и кассы. Каждый членъ этихъ обществъ вноситъ единовременно или платитъ ежегодно определенную сумму. Многія изъ вдовъ помѣщаются въ нарочно усроенныхъ для нихъ домахъ, и не только сами обезпечены содержаніемъ, но и дѣтямъ ихъ выдаются денежные пособія, — мальчикамъ при вступленіи ихъ въ университетъ, а дѣвцамъ при выходѣ ихъ въ замужество. Наконецъ есть особыя кассы для содержанія бѣдныхъ пасторовъ и учителей и даже для содержанія кандидатовъ духовнаго званія, до вступленія ихъ въ должность.

Сверхъ сего есть еще *14 благотворительныхъ обществъ Еврейскихъ*; изъ нихъ одно надѣляетъ бѣдныхъ дѣвицъ приданымъ, дру-

гое выдаешъ ежемѣсячно бѣднымъ студентамъ опредѣленные пансіоны. Два общеспва приняли на себя обязанность дѣлать пособія бѣднымъ, безъ различія ихъ религій, не исключая и Евреевъ, оставившихъ Иудейскую вѣру;—рѣдкій примѣръ вѣроуперимости!

Не меньшаго вниманія заслуживаетъ въ Берлинѣ состояніе просвѣщенія. Предметъ сей споль обширенъ, что подробное раскрытіе его никакъ не могло бы вмѣститься въ тѣсныя рамки дневныхъ памятныхъ записокъ; и пошому я ограничиваюсь здѣсь указаніемъ на одни первостепенныя *ученныя словія* и *ученныя заведенія*.

Берлинская *Академія наукъ* и *словесности*, основанная въ 1700 году знаменитымъ *Лейбницею* и прославленная въ послѣдствіи *Дйлеромъ*, дѣлится нынѣ на четыре класса: *Физическій*, *Математическій*, *Философій умо-зрительной* и *Филологій и Исторіи*. Члены избираются большинствомъ голосовъ и утверждаются Королемъ. Они пользуются правомъ давать публичныя лекціи въ университетѣ и, при изданіи ученыхъ сочиненій, освобождаются отъ цензуры. Обыкновенныя ихъ

собранія бывають по чепвергамъ въ 4 часа, а публичныя при раза въ годъ: 1) 24 Января, въ день рожденія Фридриха II; 2) въ день рожденія нынѣ царствующаго Короля и 3) 3 Июля, въ день рожденія барона Лейбница, перваго президента Академіи.

Кромѣ Академіи наукъ, въ Берлинѣ еспь и *Академія художествъ*, помѣщенная вмѣстѣ съ нею въ одномъ зданіи. Въ послѣдней, сверхъ практическихъ уроковъ ваянія, архитектурныя, гравированія и живописи, преподаются теорія искусствъ, археологія, искусство сочинять и группировать фигуры, рисованіе съ натуры, анатомическое и черченіе картъ. Выставка художественныхъ произведеній обыкновенно бываетъ черезъ два года и продолжается 4 и 5 недѣль.

Еспь еще особая *Академія архитектуры*, въ которой между прочимъ учатся постройнію экономическихъ зданій, шоссе, мостовъ, зданій въ водѣ и нивелированію.

Берлинскій *Университетъ* еспь младшій почти изъ всѣхъ существующихъ въ Германіи; но онъ уже пріобрѣлъ первенство передъ многими изъ нихъ, по богатству учеб-

ныхъ пособій, по обширности преподаваемыхъ въ немъ наукъ и вообще по устройству управленія. Профессоры и студены его дѣлятся на четыре факультета: Богословскій, Юридическій, Медицинскій и Философскій. Послѣдній есть самый обширнѣйшій, заключающій въ себѣ чистую и прикладную математику, естественную исторію, филологію, статистику и исторію политическую.

Всѣхъ профессоровъ или кафедръ, еще при самомъ открытіи университета въ 1812 году, считалось, по Богословскому факультету 5, по Юридическому 8, по Медицинскому 15 и по Философскому 32. Курсы ихъ полугодовые: зимніе и лѣтніе. Первые начинаются въ понедѣльникъ, послѣ 14 Октября, и оканчиваются въ субботу послѣ 20 Марта; послѣдніе открываются въ первый понедѣльникъ послѣ 8 Апрѣля и закрываются въ первую субботу послѣ 17 Августа. Гонораріи (плата за курсъ) назначаются самими профессорами и стоятъ однѣ по 3, 5 и 8 палеровъ (палеръ— $92\frac{3}{8}$ коп. серебромъ), другія по 2, по 3

и даже по 4 Фридрихсдора (Фридрихсдоръ 503 коп. серебр.).

Университетъ помѣщается во дворцѣ принца Генриха, брата Фридриха великаго. Какъ симъ помѣщеніемъ, такъ и богатствомъ своихъ музеевъ, кабинетовъ и картинныхъ галлерей, онъ преимущественно обязанъ щедростямъ своего основателя, нынѣ царствующаго Короля. Знаменитая *Джюстицианова* галлерей, приобретенная въ Римѣ и находившаяся нѣсколько времени въ королевскомъ замкѣ, также подарена университету. *Минералогическій* кабинетъ его, принадлежавшій прежде горному департаменту, состоитъ изъ двухъ коллекцій: систематической и топографической; въ первой разные роды и виды минераловъ расположены въ порядкѣ систематическомъ; во второй они дѣлятся по народамъ, какъ по: 1) Прусскіе, 2) вообще Нѣмецкіе; 3) Русскіе; 4) Англійскіе; 5) Шведскіе; 6) Норвежскіе. Въ *Геологической* кабинетѣ примѣчательно собраніе Сибирскихъ ископаемыхъ, принадлежавшее знаменитому нашему Палласу. Здѣсь же находятся два большіе верблюда и пара огромныхъ спрусовъ,

аргусъ, камелопардъ; перчатки изъ раковинныхъ волоконъ и проч.

Сверхъ сего есть въ Берлинѣ Академія Военная, особая Артиллерійская, Академія Медикохирургическая, ветеринарная школа съ богатою коллекціею скелетовъ живописныхъ, и подковъ, нѣсколько коллекцій со многими низшими школами и пансіонами, инспитупъ Луизинъ для образованія наставницъ; инспитупъ слѣпыхъ, королевская школа глухонемыхъ, разные ученые общесства и академіи пѣнія и верховой ѣзды.

Любимыя гулянья Берлинскихъ гражданъ въ Нейштадтѣ подъ тѣнью липъ (Unter den Linden) и въ паркѣ, находящемся подлѣ самыхъ воротъ Бранденбургскихъ. Пролегающее черезъ паркъ шоссе ведетъ въ *Шарлоттенбургъ*, небольшой городокъ съ королевскимъ дворцомъ, верспахъ въ пяти отъ столицы. Дворецъ сей окруженъ садомъ, въ которомъ еще Королемъ Фридрихомъ II выстроены оранжерея, псапръ, бельведеръ и особенное зданіе для ловли рыбы, во вкусь Готическомъ и Ошайтскомъ. Садъ заключаетъ два острова: на одномъ изъ нихъ

бюстъ покойной *Королевы Луизы*, на другомъ павильонѣ или храмѣ, въ кошоромъ она погребена. Передъ храмомъ маленькая площад-ка, украшенная бѣлыми розами и лиліями, и осьѣненная соснами, кипарисами и плакучими ивами. Фасадъ его состоишь изъ портика съ четырьмя колоннами Дорическаго ордена, на семи граниновыхъ ступеняхъ. Внутрен-ность дѣлится на двѣ половины; на верхнюю и нижнюю. Въ первой, отдѣляющейся отъ послѣдней колоннадою и устроенной надъ гробовымъ зашворомъ, поставленъ прекрас-ный мраморный мавзолей, работанный въ Римѣ Берлинскимъ ваятелемъ *Раухомъ*. Онъ представляеть Королеву лежащую на софѣ. Этошь памятникъ сдѣланъ для Прусаконъ почти предметомъ благоговѣнія. Никто изъ нихъ не можеть вспомнишь равнодушно о своей Государынѣ и, слушая о добродѣтеляхъ и качествахъ, украсившихъ ея душу, нельзя не раздѣлишь съ ними ихъ скорби и умиленія.

За воротами *Потсдамскими* есть много дачъ съ Англійскими садами. Здѣсь же нахо-дился *ботаническій садъ*, принадлежащій Ака-деміи наукъ. Онъ открышь для публики два

раза въ недѣлю: весною и лѣтомъ по пятницамъ и воскресеньямъ ошъ 2 до 7 часовъ вечера, а осенью и зимою по субботамаъ и воскресеньямъ ошъ 8 до 12 часовъ ушра.

За *Гальскими* воропами, на одномъ изъ холмовъ, на кошоремъ въ 1813 году происходило сраженіе съ Французамаъ, недавно воздвигнутъ, въ честь Прусскихъ и союзныхъ войскъ, огромный и прекрасный вамяшникъ изъ желъза, въ видѣ Гопического храма. Въ нишахъ его, съ наружной спороны, предспавлены побѣды: при *Гросс-Гершенѣ* или *Люценѣ*, воинъ въ лавровомъ вѣнкѣ; при *Лейпцигѣ*, геній, держащій щипъ съ гербамаъ Русскимъ, Прусскимъ и Авспрійскимъ; подъ *Парижемъ* Побѣда, возвращающаю Бранденбургскую колесницу съ конямаъ и держащаю въ лѣвой рукѣ оливную вѣшьвь; при *Бельгалисѣ* Миръ съ оливною вѣшьвию въ лѣвой рукѣ и указывающій правою на небо. На фронтонѣ монумента ешть надпись, въ кошорой сказано, что Король посвящаешъ его народу, жершвовавшему dospоянїемъ и кровїю для опечества.

Въ *Спиралау* я былъ въ самый рыбачій праздникъ 24 Августа. Въ этотъ день, слѣдуя древнему обычаю, рыболовы закидываютъ шпрт поны: первую для магистрата, вторую для себя, третью для приходскаго священника. Лугъ на правомъ берегу рѣки весь усыянъ шатрами; рѣка покрыта шлюпками; кофейные дома и шинки наполнены народомъ; вездѣ гремитъ музыка и красивыя Нѣмочки кружатъ въ вальсахъ своихъ амуровъ. Говорятъ, что изъ *Спиралау* прекрасный видъ на Берлинъ, и въ особенности при заходѣнн солнца; но за облаками пещаной пыли ничего не видно. Пыль и жары, продолжающіеся уже нѣсколько дней между 24 и 26 градусами, задушаютъ атмосферу.

БРЕСЛАВЛЬ, $\frac{30 \text{ Августа}}{1 \text{ Сентября}}$

Отъ Берлина до *Бреславля* считается $44\frac{3}{4}$ Нѣмецкой мили; шоссе очень хорошее, дилижансъ покойный; маршрутъ: *Франкфуртъ на Одеръ*, *Кроссенъ*, *Грюнберъ*, *Полк-вицъ*, *Любенъ*, и *Неймарктъ*. Въ дорогъ пробыли мы 42 часа.

Бреславскій *Университетъ*, основанный въ 1781 году, помѣщается въ Леопольдовомъ дворцѣ (*Aula Leopoldina*). Ведущія въ него лѣспницы украшены историческими картинами, аллегоріями и гербами королевской фамиліи. При *Университетѣ* есть небольшой кабинетъ натуральной исторіи и богатая библіотека, содержащая въ себѣ до 100,000 книгъ. Примѣчательнѣйшія изъ нихъ: Библія

на Кышайскомъ языкѣ; Кышайскій лексиконъ, изданный по приказанію Наполеона; книга Удскаго короля шпр.

Всѣхъ жишелей считаеясь здѣсь болѣе 70,000; въ числѣ зданій, украшающихъ городъ, оплмчаются Августинская церковь, епископскій домъ, казармы, паможня и биржевая зала, роскошно украшенная люспрами и канделабрами.

Въ Лондонѣ съ 9 часовъ вечера спорожа ходишь по улицамъ и поюшь: *Теп clook...* Въ Дрезденѣ шрубяшь въ шрубу и сказываюшь, сколько пробило часовъ; въ Берлинѣ свиспяшь на флейшѣ и кричаешь, который часъ; въ Бреславлѣ послѣ каждаго часа шрубачь играешъ на шрубѣ, споя на башнѣ Рапуши.

Съ эшой башни въ ясный день опкрываюясь всѣ опдаленныя окреспности, и между прочимъ видны горы *Шнекоппе* и *Зобтенбергъ*, Последняя, называемая по Славянски Собошскою горою, опстоишь опъ Бреславля на 5 миль. На ней въ древности, 23 Юня вечеромъ, на канунѣ праздника Св. Іоанна Креспипеля, зажигаги *собошки* или огни. Доспойно

примѣчанія, что въ Богеміи до сихъ поръ прогоняюпъ скошину черезъ собошки, для предохраненія оупъ чародѣйства. У насъ во многихъ селеніяхъ Малороссіи и Великороссійскихъ Губерній также сохраняется это обыкновение, во время скопскаго падежа.

К Р А К О В Ъ.

Маршрутъ оупъ Бреславля до Кракова:
Олау (съ красными на церквахъ главами),
Бригѣ, *Оппельнѣ*, *Грос-Стрелицѣ*, *Тостѣ* съ
развалинами замка, *Глейвицѣ* и *Мысловигѣ*.
Вся эта дорога, на пространствѣ 36 миль,
немоощная и самая безпокойная; дилижансы
или рыдваны безъ ресоръ; гостиницы иѣтъ;

въ Жидовскихъ корчмахъ нельзя найти ни обѣда, ни завтрака; однимъ словомъ: при дня этого переѣзда были для насъ самыми сухими сочельниками. Встрѣчаемыя на дорогѣ Каполическія процессіи еще напоминають владычество Рима; но одежда жипелей, сприжка волосъ ихъ и самое построеніе домовъ уже показываютъ, что мы въ Славянской Европѣ. Изъ Мысловича, небольшого городка, отдѣляемаго только одною рѣкою отъ Русской Польши, уже видны разѣзды нашихъ Козаковъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ СОСТОЯНІЯ ПРОСВѢЩЕНІЯ ВЪ РОССІИ СЪ
СОСТОЯНІЕМЪ ЕГО ВЪ ПРОЧИХЪ ГОСУДАРСТВАХЪ ЕВРОПЫ.

Въ публическихъ запискахъ моихъ я неоднократно упоминалъ о превратныхъ понятіяхъ иностранцевъ о Россіи. Оспаривая безъ вниманія всѣ ихъ попреки и клеветы, происходящія отъ невѣдѣнія или злословія и опровергаемая собственною ихъ неупоспѣху, я намеренъ представить здѣсь одинъ образчикъ спанисшескихъ соображеній о степени просвѣщенія Русскаго народа, помѣщенныхъ недавно въ извѣстномъ журналѣ: *Revue Germanique*, въ отчетѣ о всемірномъ просвѣщеніи. Сія соображенія переданы были одною изъ Русскихъ газетъ и нашей публикѣ,

но безъ опроверженій. Я, напропивъ, почи-
паю молчаніе наше совсѣмъ неумѣстнымъ
въ такомъ случаѣ, когда разсмапривается
вопросъ о снепенн умпвенныхъ и нрав-
спвенныхъ силъ нашего опечеснва и когда
саман извѣспносшь иностраннаго журнала и
рѣшишельный понъ его уже доспапочно, чпо-
бы поколебашъ не только всѣхъ любознапель-
ныхъ и благонамѣренныхъ иностранцевъ, но
и многихъ изъ нашихъ соопечеспвенниковъ,
легко увлекаемыхъ блескомъ чужеземной уче-
носши. На сей разъ Нѣмецкіе журналиспы
выспунили пропнву насъ съ фалангою цифръ;
мы пакже пропнвупоспавимъ имъ ополче-
ніе, соспоящее изъ цифръ; данныя должны
бышь объясняемы и опровергаемы только
данными.

Исчсленія Нѣмцевъ заключающпся въ слѣ-
дующемъ:

Число угашщтся:

Во Франціи	1	на 21 живел.
Въ Англіи, по вѣдомоспямъ		
1830 года	1	— 11 —
А по рапортамъ 1831 года		
уже	1	— 7 —

Въ Австріи и Бельгіи . . .	1 на 10 жишел.
Въ Пруссіи, Даніи и Швеціи	1 — 7 —
Въ Царствѣ Польскомъ . . .	1 — 100 —
Въ Герцогствѣ Познанскомъ	1 — 50 —
А въ Россіи	1 на 700!...

Недочетъ, прискорбный для всѣхъ Русскихъ! Изъ него можно заключить, что Россія съ XVII столѣтія еще ни на шагъ не подалась впередъ, по части просвѣщенія; ибо мы увѣрены, что по одному изъ 700 учились у насъ еще и до Петра Великаго.

Прежде всего надлежитъ знать, на чемъ ученые Нѣмцы основали свои выкладки о состояніи просвѣщенія въ Россіи. Далекое ходитъ за справками не нужно. Раскроемъ изданный С. П. Бургскою Академіею Наукъ на языкахъ Русскомъ и Нѣмецкомъ *мѣсяцословъ на 1835 годъ*; въ немъ на страницѣ 154-й показано число жишелъ въ Европейской Россіи 48,000,000; а на стр. 170-й означено число учащихъ по вѣдомству Минисперспва Народнаго Просвѣщенія: 70,566. Раздѣливъ первую сумму на послѣднюю, дѣйствительно получимъ знаменателя: 699, или, круглымъ чи-

сломя, 1-го учащагося на 700 жилищей. Вопль въ чести и весь секретъ Нѣмецкихъ ученыхъ. Вѣроятно они думали, что вѣдомость Русскаго Министерства Народнаго Просвѣщенія заключала въ себѣ все число учащихся въ обширной Россійской Имперіи. Опять эпою поропливости вкралась въ ихъ бухгалтерію небольшая ошибочка; ими пропущено: — бездѣлица! —

I. Всѣ учебныя заведенія духовнаго вѣдомства Греко-Россійскаго исповѣданія; а въ нихъ учащихся, по вѣдомости 1831 года, 53,980, нынѣ же болѣе 60,000.

II. Всѣ военно-учебныя заведенія, подвѣдомственные особому совѣту, морскаго вѣдомства и военныхъ кантонисшовъ; а въ нихъ учащихся, со всѣми кантонисшами; по вѣдомости 1831 года, 122,170.

III. Учебныя заведенія, подвѣдомственные Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, какъ то: С. П. Бургская, Московская и Виленская Медико-хирургическія Академіи и Виленская Римско-Каполическая Духовная Академія, Римско-Каполическія и Греко-Унишскія семинаріи и Г. У. уѣздныя училища, училища

Армяно-Грегоріянскаго духовенства, училища для дѣтей Канцелярскихъ служителей, Апшкарская школа и пансіоны при женскихъ Римско-Католическихъ и Греко-Унишскихъ монастыряхъ. Въ нихъ учащихся 5,200.

IV. Воспитательныя заведенія, состояція 1) подъ Высочайшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны, 2) подъ покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княгини Елены Павловны. Въ сихъ заведеніяхъ учащихся до 5,000.

V. Учебныя заведенія, подвѣдомственныя Министерству Императорскаго Двора, какъ по: Академія Художествъ и школы по вѣдомству Департамента Удѣловъ: Землемѣрское училище при Департаментѣ Удѣловъ, Главныя Удѣльныя училища въ Красномъ Селѣ и въ Москвѣ, Землемѣрское въ С. П. Бургѣ, два училища при Пешергофскихъ фабрикахъ, гранитной и бумажной, и 35 вновь открытыхъ сельскихъ удѣльныхъ училищъ; въ нихъ учащихся не менѣе 2,000.

VI. Учебныя заведенія, состоящія подъ разными вѣдомствами, какъ по: Практическая Коммерческая Академія въ Москвѣ, Горный Кадетскій Корпусъ, Институтъ Инженеровъ Путей Сообщенія, Кондукторская школа, Лѣсной институтъ со школою Межевщиковъ, училище Гражданскихъ Инженеровъ, Практическій Технологическій институтъ, Судостроительное училище и училище Торговаго Мореплаванія, Земледѣльческая школа при Московскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства, Рисовальная школа Графа Спрогана, нѣсколько другихъ художественныхъ и техническихъ школъ, училище при домѣ Призрѣнія Сиротъ, Фельдшерская школа при Обуховской больницѣ и проч... Въ нихъ учащихся можно положить примѣрно до 2,000.

VII. Лекарскихъ учениковъ и пригошляемыхъ въ фельдшера при военныхъ госпиталяхъ и по приказамъ общественнаго призрѣнія также можно положить 2,000.

И того всѣхъ учащихся въ учебныхъ заведеніяхъ въ Россіи 268,200.

Теперь обратимъ вниманіе на слѣдующее обстоятельство. Изъ вышеозначеннаго ош-

челпа Нѣмцевъ о всемірномъ просвѣщеніи оп-
рывается, что число учащихъ въ высшихъ
учебныхъ заведеніяхъ содержица къ числу
учениковъ низшихъ школь:

Въ Австріи, какъ	1 : 38.
— Англій, —	1 : 44.
— Пруссіи, —	1 : 56.
— Голландіи —	1 : 93.
— Норвегіи —	1 : 140.
— Даніи —	1 : 171.

Въ Россіи къ высшимъ учебнымъ заведе-
ніямъ должны бытъ опнесены: 6 универси-
тетовъ, 1 Главный Педагогическій инспи-
рутъ, 3 лица, 65 гимназій, 3 Духовныя
академіи, 41 семинарія, 20 Военныхъ корпу-
совъ и другихъ высшихъ училищъ, 13 изъ
учебныхъ заведеній, соспоющихъ подъ Высо-
чайшимъ покровительствомъ Императрицы
Александры Феодоровны, 3 Медико-хи-
рургическія академіи, 1 Духовная Римско-ка-
толическая академія, 13 Римско-католиче-
скихъ семинарій и 2 Греко-уніанскихъ, 1 ака-
демія Художествъ, 10 Техническихъ учебныхъ
заведеній и изъ 504 пансіоновъ около 40, въ

копоркы преподающа курсы, соопвѣпспвующіе гимназическимъ. Учащихся въ сихъ заведеніяхъ около 60,000, или почти $\frac{1}{4}$ всей суммы воспитывающихся въ публичныхъ училищахъ.

Что касается до самыхъ низшихъ или приходскихъ и народныхъ училищъ, ихъ у насъ очеь мало, а въ нѣкоторыхъ губерніяхъ и совсѣмъ нѣтъ: напр. Въ *Казанской* губерніи:

1 Универ., 1 гимн., 12 уѣздн., 6 приход.

Въ *Слободско-Украинской*:

	1 Универ.	1 гимн.	11 уѣздн.	8 прих.
Въ <i>Черниг.</i>	3	—	14	3
— <i>Полтав.</i>	1	—	15	2
— <i>Новгор.</i>	1	—	9	0
— <i>Арханг.</i>	1	—	6	0
— <i>Астрах.</i>	1	—	0	0

Въ *Закавказ.*

управленіи 1 — 10. — 0 —

Эта разительная несоразмѣрность между нашими высшими училищами и низшими, совсѣмъ не соопвѣпспвующая пропорціямъ Европейскимъ, невольнo приводитъ насъ къ вопросу: откуда и какъ наполняются первыя. Если въ государсвахъ, издавна славящихся

своимъ просвѣщеніемъ, надобно нѣсколько десятковъ и даже сотенъ для приготоуленія одного воспитанника къ ученію высшему, классическому; по какимъ чудомъ въ Россіи доспашеть прехъ или чешырехъ единиць для доспигенія той же цѣли?

Вопросъ сей опчаспи уже разрѣшенъ въ вышеозначенной спашѣ о всемірномъ просвѣщеніи. Въ ней, по официальной вѣдомости 1829 года, въ Швеціи причипаепся только 1 учащійся на 157 жипелей; но Нѣмецкіе ученые, замѣпивъ, что Шведскіе креспьяне въ мѣстахъ, опдаленныхъ опъ городовъ, сами учащъ дѣшеи своихъ грамонъ, посщавили всѣхъ ихъ въ общій счешъ и положили одного учащагося на 7 жипелей. Не понятіно, опъ чего одно и поже воспитаніе, при одинакихъ поводахъ и степени, принятое во вниманіе въ Швеціи, оставлено безъ уваженія въ Россіи. Кпо же изъ насъ болѣе или менѣе не обязанъ сему воспитанію своимъ первоначальнымъ образованіемъ? Дѣпи священно и церковнослужипелей нашихъ всѣ безъ исключенія учащя чпенію, письму, а иногда и начальнымъ правиламъ языка и ариеменикъ,

*

въ домахъ опцевъ своихъ. Дѣти дворянъ не только начинаютъ, но часто и оканчиваютъ свое образованіе также въ домахъ своихъ родителей. Для прочихъ сословій у насъ есть множество частныхъ или домашнихъ школъ, еще не приведенныхъ въ извѣстность и училищными начальствами, и содержимыхъ обыкновенно священно и церковно служителями или особыми такъ называемыми *мастерами*. Короче сказать: наше домашнее воспитаніе, вынужденное обстоятельствами и утвержденное обычаемъ, уже вошло въ систему общаго воспитанія. Подобно сему послѣднему, оно состоитъ подъ покровительствомъ Правительственнаго, которое, для большаго его совершенствованія, учредило даже особый классъ наставниковъ, съ правами, равняющими ихъ служенію съ государственною службою.

Главное затрудненіе состоитъ въ исчисленіи всѣхъ учащихся дома или частныхъ образомъ. Не имѣя возможности опредѣлить ихъ съ точностію, мы впрочемъ не много бы ошиблись, если бы, для опысканія средняго вѣроятнаго числа ихъ, приняли ту же пропорцію между ними и учащимися въ публич-

ныхъ заведеніяхъ, какая показана выше между учениками низшихъ школъ и воспитанниками высшихъ училищъ. Такимъ образомъ, помноживъ сумму учащихся въ публичныхъ заведеніяхъ: 268,200 на 3, получимъ итогъ учащихся дома: 804,600; а сложивъ сію послѣднюю сумму съ первою, получимъ число всѣхъ учащихся въ Россіи: 1,072,800.

Но чтобы не быть поражену симъ исчисленіемъ, которое съ перваго взгляда можетъ показаться слишкомъ преувеличеннымъ, — разсмотримъ состояніе просвѣщенія въ Россіи порознь, въ каждомъ сословіи.

Начнемъ съ *Духовенства*, какъ класса, исключительно посвященнаго ученію. Всего Духовенства Греко-Россійскаго, по таблицахъ г. Зябловскаго, только 210,000, но г. спаписникъ, вѣроятно считающій здѣсь однихъ цѣпашныхъ Духовныхъ; ибо, по его же показанію, всѣхъ православныхъ церквей въ Россіи 27,081; при нихъ, по цѣпашному положенію, священно и церковно-служителей 118,406, на лицо 98,740, а съ женскимъ поломъ должно быть около 200,000. У нихъ дѣшея старшаго возраста, отъ 10 до 20

лѣтъ, обучающихся въ публичныхъ заведеніяхъ, 60,000 и столькоже женскаго пола; въ младшемъ возрастѣ, подверженномъ большей смертности, но выигрывающемъ въ приращеніи лицъ посредствомъ рожденій, также можно положить 60,000 мужскаго и столькоже женскаго пола. Прибавивъ къ сему 40,000 преспарѣлыхъ, вдовъ и заштатныхъ, получимъ всего 480,000 лицъ духовнаго званія. Изъ нихъ въ училищахъ, старшаго возраста 60,000; малолѣтнихъ, учащихся дома, $\frac{1}{3}$ всей ихъ суммы или 20,000 и $\frac{1}{3}$ учащихся женскаго пола въ обоихъ возрастахъ или 40,000; и того всѣхъ учащихся духовнаго званія 120,000, которые содержатся ко всему числу Духовенства, какъ 1 къ 4 или по 1-му учащемуся на 4 лица. Эта пропорція учащихся къ народонаселенію, можетъ быть, единственная не только въ Россіи, но и въ цѣломъ мірѣ, поясняется *во первыхъ* тѣмъ, что наши Духовные учащя всѣ *ex professo* или по самому долгу своего званія; *во вторыхъ*,—что періодъ ихъ ученія продолжительнѣе, нежели прочихъ сословій, и *въ третьихъ*, что по окончаніи ученія, они немедленно

вспувають въ должность и припомъ священно-служители не иначе, какъ женившіе еще прежде посвященія въ сей санъ.

Дворянства всего счисляется 225,000. Въ этомъ классѣ, какъ высшемъ между всѣми народными сословіями, учація дѣши обоого пола, всѣ безъ исключенія; и потому для него можно взять ту же пропорцію, которая принята редакторами сравнительнаго обозрѣнія всемірнаго просвѣщенія для Соединенныхъ Штатовъ, именно по 1 учащемуся на 5 лицъ, а всѣхъ обоого пола 45,000.

Служащіе и отставные составляютъ особый классъ, просиравющійся, по показанію г. Зябловскаго, до 750,000. Полагая между ними по крайней мѣрѣ по 1 учащемуся на 7, такъ какъ въ Пруссіи и Швеціи, получимъ всѣхъ учащихся обоого пола 107,000.

Всѣхъ *Купцовъ* по 7 ревизіи 1816 года было 77,283 души; нынѣ съ приращеніемъ родившихся и вновь вступившихъ въ сіе сословіе, должно быть обоого пола 200,000. Изъ нихъ дѣши мужескаго пола всѣ учація, женскаго большая часть. Вообще, судя по быспрому распространенію между купеческимъ, въ по-

сладнее время, не только первоначального, но и высшего образованія, мы можем положить и въ этомъ сословіи 7-ю часть учащихся, а всѣхъ обоего пола 27,000.

Мѣщанъ, цеховыхъ и другихъ городскихъ и посадскихъ жителей, исключая купцовъ, духовенство и дворянство, въ настоящее время должно быть около 5,000,000 (*). Между ними можно положить и учащагося на чепыре семейства или на 20 лицъ; а всѣхъ учащихся 250,000.

При семъ не надобно перяты изъ виду *дворянскихъ людей* и прочихъ крѣпостныхъ и вольныхъ служителей, которыхъ всѣхъ на 1 миліонъ дворянства и служащихъ должно быть по крайней мѣрѣ 3 милліона. Изъ нихъ боль-

(*) Г. Зябловскій полагаетъ однихъ городскихъ жителей 5 мил., не считая жителей посадовъ и мѣстечекъ. Сихъ послѣднихъ въ Виленской губерніи 191, въ Вольнской 151, въ Подольской 108. Въ Полтавской губерніи всѣхъ мѣстечекъ 76; но изъ нихъ въ Бѣликахъ 14,602 душъ жителей, въ Новыхъ Сенжарахъ 13,722; въ Рышетилковѣ 11,522; въ Старыхъ Сенжарахъ 10,190 и т. д. По другимъ губерніямъ въ Бердичевъ Житомирскаго уѣзда 22.152; въ Косовкѣ Черниговскаго уѣзда 11,336; въ Шкловѣ Могилевскаго уѣзда 9,019.

шая часть съ дѣтсина гоповягся въ камердинеры, въ управители, въ конпорщики, въ писари и даже въ арписшы, художники и спрячїе. У многихъ помѣщиковъ устроены для нихъ особыя домашнія школы. Мы не ошибемся, положивъ между ними 1-го учащагося на 15 человекъ: что составишь всего 200,000.

Всего *войска* съ женами и малолѣтными, по вычисленіямъ г. Зябловскаго, — 1,200,000. Изъ нихъ учащихся однихъ кантонисповъ, по вѣдомости 1831 года, 116,000.

Остается классъ народа самый многосложный и разнообразный: *крестьяне*, копорыхъ, по различію ихъ племень, нарѣчій, исповѣданій, обычаевъ и по самому положенію обитаемыхъ ими странъ, очень трудно подвести подъ одно общее положеніе. Всѣхъ ихъ должно бышь не менѣе 42,000,000; но одни изъ нихъ едва въ состояніи предшавишь по 1-му учащемуся на 500; другіе же, какъ то: подгородные, промышленники, торговые, удѣльные и нѣкоторыхъ вельможъ, немногимъ отспающъ отъ образованности

городскихъ жителей (*). Избравъ для нихъ пропорцію среднюю: 1 на 200, получимъ всѣхъ учащихся изъ этого класса: 210,000.

И шого всѣхъ учащихся въ Россіи:

Духовныхъ	120,000
Дворянъ	45,000
Дѣшей чиновниковъ	107,000
Купцовъ	27,000
Городскихъ жителей	250,000
Дворовыхъ	200,000
Кантонисповъ	116,000
Крестьянъ	210,000
<hr/>	
Всего	1.075,000

Исключивъ изъ этой суммы 268,200 воспитанниковъ публичныхъ учебныхъ заведеній, получимъ число учащихся частнымъ образомъ 806,800.—По первому способу исчисления, по копворому число воспитанниковъ публичныхъ заведеній умножалось на 3, оказалось учащихся дома 804,600, а всѣхъ уча-

(*) Есть губерніи, на пр. Ярославская и Владимірская, въ которыхъ довольно значительная часть крестьянъ грамотные.

щихся въ Россіи 1,072,800; разницу составляютъ только 2,200. Слѣдовательно въ Россіи причисляется не по 1-му учащемуся на 700 народонаселенія, какъ угодно было положить ученымъ Нѣмцамъ, а по 1-му на 48 жителей; и припомъ считая здѣсь народонаселеніе не одной Европейской Россіи 48,000,000, а вообще всей Имперіи, простирающееся до 52,000,000.

Изъ сихъ вычисленій открывается, что Россія, по самому числу учащихся, стоитъ не только въ ряду прочихъ Европейскихъ государствъ, но еще и выше многихъ изъ нихъ; потому что и между ними въ *Сардиніи* причисляется только 1 учащійся на 70 жителей, въ *Португаліи* 1 на 80, въ *Голландіи* 1 на 82, въ *Польшѣ* 1 на 100, на *Ионическихъ островахъ* 1 на 104, въ *Греческомъ королевствѣ* 1 на 116, въ *Тосканѣ* 1 на 206.

Наши вычисленія о степени просвѣщенія разныхъ народныхъ сословій въ Россіи многимъ покажутся преувеличенными и невѣроятными; но Россія тѣмъ и отличается отъ прочихъ Европейскихъ государствъ, что когда идеешь дѣло объ успѣхахъ ея въ просвѣщеніи,

въ ней все кажется невѣроятнымъ. Одинъ добросовѣстный наблюдатель изъ Французовъ, г. Шопень, жившій нѣсколько лѣтъ въ Москвѣ, по возвращеніи своемъ въ Парижъ, сказалъ въ одномъ сочиненіи: „Кто не видалъ Россіи въ продолженіе десяти лѣтъ, тотъ уже не узнаетъ ея ни въ какомъ отношеніи; такъ быспро росптъ она и въ физическихъ и нравственныхъ силахъ!“ — Къ сожалѣнію, зпотгъ росптъ ея для самихъ насъ менѣе, нежели для кого нибудь, бываетъ замѣтенъ; и именно по тому, что онъ совершается передъ нашими глазами.

Русская газета въ вышеозначенной стпашѣ о Европейскомъ просвѣщеніи, опдаетъ въ немъ преимущество Пруссіи передъ всѣми государствами. Замѣнивъ, что въ Пруссіи находипся одно учебное заведеніе на 560. жителей и одинъ ученикъ на 7 жителей, она дѣлаетъ ей слѣдующее метафорическое привѣтствіе: „Склоняемъ чело и благоговѣемъ!“ — Въ подобныхъ обозрѣніяхъ, кажется, не надобно терять изъ виду и причинъ, движущихъ или замедляющихъ просвѣщеніе. Въ Пруссіи, какъ и въ другихъ протеспанлскихъ государствахъ,

нижшій классъ народа учился грамотѣ не только по собственному побужденію, сколько по необходимости, возлагаемой на нихъ законами церковными и гражданскими. У протестантовъ незнающіе грамоты и псалмопѣнія, составляющаго всю основу ихъ Богослуженія, не допускаются къ трапезѣ причащенія, а слѣдовательно и не признаются членами церкви; незнаніе грамоты служило имъ препятствіемъ даже и ко вступленію въ бракъ; а это обстоятельство совсѣмъ не маловажное.

У насъ учаща по долгу своего званія только три или четыре сословія: духовенство, дворянство, купечество и казначейскіе; и мы видѣли, какъ высоко возрасла между ними пропорція учащихся; именно какъ 1 къ 10, 7, 5 и даже 4, — пропорція, передъ кофорою, послѣ челопреклоненія передъ иноплеменнымъ народомъ, уже ничего не остается, какъ развѣ, по изреченію перваго нашего друкаря Іоанна Феодорова сына з Москвы, — *раболюпно метаніе до лица земнаго умиленно сѣтворити.*

Что касается до степени просвѣщенія нашихъ и иноспрацныхъ креспьянъ, въ этомъ

нѣтъ между ними почти никакой разницы. Преимущество послѣднихъ состоитъ только въ томъ, что, кромѣ молитвъ, псалмовъ и сказокъ, они читаютъ еще какую нибудь газету; преимущество совсѣмъ незавидное. Кто бывалъ во Франціи, тому извѣстно, съ какою жадностію тамошніе ремесленники плаваютъ послѣднее су за лѣстятціей имъ листокъ, чтобы, по прочтеніи его, употребить остальную часть дня въ шумныхъ полкахъ о приписаніяхъ, дѣлаемыхъ имъ, по ихъ мнѣнію, правительствомъ.

Вопросъ: что полезно для благоденствія государственнаго: образованіе ли всей массы народа, или преимущественно высшихъ и среднихъ сословій,—есть вопросъ весьма важный, политическій. Французскіе политики держатся перваго начала, полагая, что удобнее управлять чернью образованною, нежели погрязшею невежествомъ. Австрія и Англія, кажется, слѣдуютъ началу противоположному, бывъ убѣждены, можетъ быть опытомъ, что и необузданный классъ черни легко управляется, когда есть въ государствѣ люди, способные держать бразды правленія. Самой Пруссіи

принадлежитъ честь не за повсемѣстное рас-
пространеніе просвѣщенія во всѣхъ сословіяхъ
народныхъ, а за направленіе, данное сему рас-
пространенію, или за пригопвленіе и обра-
зованіе сословія, изъ среды которыхъ должны
вышши генералы, полковники, ученые, государ-
ственные сановники и всѣ чины для разныхъ
офисовъ правленія. Этимъ она обязана пре-
имущественно нынѣ царствующему Королю,
который, учредивъ нѣсколько новыхъ уни-
верситетовъ и академій и устроивъ поряд-
окъ во всѣхъ старыхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ от-
крылъ истиннымъ талантамъ всѣ возмож-
ные способы къ просвѣщенію.

Разсматривая въ этомъ отношеніи Евро-
пейскія государства, мы увидимъ, что число
учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ
содержится къ народонаселенію:

Въ Пруссіи	какъ	і	къ	464	жиел.
— Австріи	—	і	—	600	—
— Англіи	—	і	—	800	—
— Швеціи	—	і	—	892	—
— Португалліи	—	і	—	1440	—
— Даніи	—	і	—	1493	—

Въ *Россіи*, раздѣливъ на 60 ш. учащихся въ высшихъ училищахъ, 52 милліона всего народонаселенія, получимъ знаменателя 866; а раздѣливъ на то же число воспитанниковъ шолько 48 милліоновъ одного Европейскаго народонаселенія, получимъ одного учащагося на 800, пакже какъ и въ Англии. И вопшъ право Россіи на пишло просвѣщеннаго Европейскаго Государства.

Присемъ замѣшимъ, что число высшихъ училищъ въ Россіи въ послѣднее тридцатилѣтіе болѣе, нежели удвоилось; число учащихся въ нихъ умножилось болѣе, нежели въ чепыре раза; число среднихъ и нисшихъ училищъ возрасло въ десять разъ. Намъ нѣпшъ нужды прибѣгать здѣсь къ общимъ мѣспамъ и иперболамъ, въ оправданіе Россіи прошивъ клеветъ и порицаній оглашенныхъ враговъ ея; чуждые всякаго самохвальства, мы удовольствуемся указаніемъ на учебныя заведенія, опскрышыя въ одно послѣднее пятилѣтіе (до 1835 г.) при нынѣ царствующемъ Государѣ Императорѣ. Въ одно эпо пятилѣтіе вновь учреждены: Главный Педагогическій инспитшъ, университетъ Св. Владимира, нѣ-

сколько лицеевъ и гимназій; Военная академія при Главномъ Шпабѣ, Виленская Медико-хирургическая академія и Римско-каполическая Духовная академія въ Вильнѣ; Александровскій корпусъ, Практическій Технологическій институтъ, институтъ Восточныхъ языковъ въ Одессѣ, пять же особенное Еврейское училище, училище Гражданскихъ Инженеровъ при Главномъ Управленіи Пушей Сообщенія, 12 училищъ для дѣшей канцелярскихъ служителей, институтъ для образования переводчиковъ съ Калмыцкаго языка, Аудииторіятская школа при С. П. Бургсомъ баталіонѣ военныхъ кантонистовъ, Фельдшерская школа при Обуховской больницѣ и Фельдшерскія школы при больницахъ Приказовъ общешвеннаго призрѣнія, Московское Дворцовое Архитекпурное училище, училище Торговаго Мореплаванія при Департаментѣ Мануфактуръ и Внутренней Торговли; училищное отдѣленіе при Симферопольской гимназіи для образования Татарскихъ учителей изъ природныхъ Татарскихъ дѣшей; особая школа Межевщиковъ при Лѣсномъ институтѣ; 35 открыто и 36 предположено

Часть IV.

18

сельскихъ удѣльныхъ училищъ и множество другихъ училищъ, среднихъ и низшихъ. По вѣдомостямъ одного Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ 1832 году приходскихъ училищъ и пансіоновъ было 886, а въ 1833-мъ число ихъ возрасло уже до 1090; всѣхъ учебныхъ заведеній въ 1834 году было 1544, въ 1835-мъ 1682, въ 1836-мъ 1744. Учащихся по вѣдомству сего министерства было въ 1834 году 78,096, въ 1835-мъ 85,707, въ 1836-мъ 91,800. Мы умалчиваемъ здѣсь о преобразованіи всѣхъ университетовъ и гимназій, о распространеніи учебныхъ предметовъ, объ улучшеніи методовъ и обо всѣхъ мѣрахъ, исполненныхъ и предпринятыхъ для обезпеченія состоянія наставниковъ,—не на счетъ учащихся, какъ въ другихъ государствахъ, а исключительно на счетъ казны. Все это не есть ли рѣдкій и единственныи феноменъ въ исторіи просвѣщенія?—Вошъ гдѣ всѣмъ истиннымъ цѣнителямъ просвѣщенія надлежитъ преклонить главы свои!..

Пояснивъ такимъ образомъ дѣло, затупанное Нѣмецкими журналистами, я не могу пройти молчаніемъ и другаго весьма примѣ-

чашельнаго мнѣнія иноспранцевъ о образованности Россіи. Между тѣмъ какъ ученые Нѣмцы, съ помощію своей семисопной фаланги, усиливались ополдннуть насъ въ Азію, къ кочевымъ народамъ или въ шемныя Камчадалскія юрты, — извѣстный Французскій публицистъ и оракулъ полишики *Прадтѣ* нешупя предсказываетъ какое-по всеобщее, повальное переселеніе Русскихъ на западъ Европы. Напуганный походами нашихъ войскъ въ 1813 и 1814 году, онъ воображаетъ всю Россію какимъ-по подвижнымъ спаномъ, а Польшу ея авангардомъ. „И эшомъ воинешвенный народъ, — продолжаетъ Прадтѣ, — узнавъ однажды всѣ выгоды и преимущесства нашего климата и природы, не замедлитъ оставишь свой суровый сѣверъ, чшобы вридни снова въ наши благословенные края и основашься въ нихъ навсегда. Нынѣ (въ 1824 году) удерживаетъ его одна воля миролюбиваго Монарха; но правители перемѣняются, а духъ народа остается неизмѣннымъ.“

Оспановись, лже-пророкъ полишикъ, и скажи намъ, есть ли у тебя опечесство, или но крайней мѣрѣ родной край, и чувешвовалъ

ли ты когда нибудь шепнешь сердца, благо-
словляя его?.. За чѣмъ же ты хочешь от-
нять у насъ это святое чувство? Можемъ
ли мы оставить мѣста нашего младенчества
и возраста, небесныхъ испытаній и нашей
славы? Оставимъ спрану, прозванную испан-
ри Свяшою Русью? Можемъ ли перенести съ
собою памятки нашей вѣры и залогъ на-
шего благоденствія — наши святыни? Мо-
жемъ ли сказать опцамъ нашимъ, почиваю-
щимъ въ могилахъ: „встаньте и идите за
нами?“ — Умрете же вашъ напрасный страхъ,
жадные мечшатели и знайте, что ~~мы~~
сія, по одному мановенію своего Самодержавія,
можешь двинуться и на западъ и на югъ и
на востокъ; — но не для того, чтобы раз-
лились пошопомъ или пожаромъ, а един-
ственно для охраненія тишины, порядка,
власпей и престоловъ, угрожаемыхъ власпо-
любіемъ или кралолами и безначаліемъ. Вопль
высокое назначеніе Россіи, ея образованности
и просвѣщенія, ея силъ вещественныхъ и
нравственныхъ!

Конецъ IV-й и послѣдней части.

ОПЕЧАТКИ

ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

стран.	строк.	<i>Напечатано:</i>	<i>Исправить:</i>
39	18	этого	этого
72	9	—	—
79	5	—	—
79	5	Дѣйствующія ихъ лица	Дѣйствующія лица
85	12	въ Англіи	въ Англію
115	7	Меньвиль Фодоръ	Менвьель Фодоръ
171	10	перемѣняется	перемѣняются
177	4	небольшую	небольшію
185	1	находятся	находится
239	14	ученыя заведенія	учебныя заведенія

